

8 СЕНТЯБРЯ -
600 ЛЕТ
СО ДНЯ
КУЛИКОВСКОЙ
БИТВЫ





Встреча в Алма-Ате.
Возложение венков.





Во время совещания в ЦК КП Казахстана.

ПРАЗДНИК СОВЕТСКОГО КАЗАХСТАНА

Фото
А. ГОСТЕВА,
специального
корреспондента
«Огонька»

27 августа из Москвы в Алма-Ату прибыл Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев. Он принял участие в праздновании 60-летия Казахской ССР и Коммунистической партии Казахстана.

На аэродроме товарища Л. И. Брежнева провожали члены Политбюро ЦК КПСС, кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС, секретари ЦК КПСС, другие товарищи.

В тот же день товарищ Л. И. Брежнев прибыл в Алма-Ату. На аэродроме товарища Л. И. Брежнева сердечно приветствовали член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии

Казахстана Д. А. Кунаев, Председатель Президиума Верховного Совета Казахской ССР С. Н. Имашев, Председатель Совета Министров республики Б. А. Ашимов и другие руководители республики.

Товарища Л. И. Брежнева встречали также прибывшие на юбилейные торжества во главе делегации Москвы, Ленинграда, союзных республик члены Политбюро ЦК КПСС В. В. Гришин, Г. В. Романов, В. В. Щербицкий, кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС Г. А. Алиев, П. М. Машеров, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соломенцев, Э. А. Шевардадзе, первые секретари ЦК компартий союзных республик И. И. Бодюль, А. З. Восс, Т. У. Усубалиев, Д. Расулов,

К. С. Демирчян, М. Г. Галуров, К. Г. Вайно, Председатель Президиума Верховного Совета Литовской ССР А. С. Барнаускас, другие товарищи.

Среди встречавших были кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС, секретари ЦК КПСС М. С. Горбачев, заместитель Председателя Совета Министров СССР Э. И. Нурiev.

В аэропорту и по пути следования в город товарища Л. И. Брежнева тепло приветствовали жители Алма-Аты.

Товарищ Л. И. Брежнев провел 28 августа совещание в ЦК КП Казахстана. В совещании участвовали член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Д. А. Кунаев, члены

бюро ЦК Компартии Казахстана, заместители Председателя Совета Министров республикан, заведующие отделами ЦК КП Казахстана, министры республикан, первые секретари обкомов партий, председатели исполкомов областных Советов народных депутатов Казахстана. Выступлением товарища Л. И. Брежнева было выслушано присутствующих с большим вниманием и неоднократно прерывалось продолжительными аплодисментами.

29 августа в Алма-Ате, во Дворце имени В. И. Ленина, состоялось торжественное заседание Центрального Комитета Компартии Казахстана и Верховного Совета Казахской ССР с участием партийных, советских и общественных организаций, представителей трудящихся и воинов Советской Армии, посланных в бой за свободу Советской Социалистической Республики и Коммунистической партии Казахстана.

Торжественное заседание открыл член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Д. А. Кунаев.

Затем с речью выступил Леонид Ильич Брежнев. Речь товарища Л. И. Брежнева была выслушана с огромным вниманием и неоднократно прерывалась бурными продолжительными аплодисментами. Леонид Ильич Брежнев под горячие аплодисменты вручил почетные грамоты и дипломы Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР.

В заключение своей речи товарищ Л. И. Брежнев сказал: «Дорогие товарищи! Теперь пришло время выполнить принятое поручение — вручить Казахстану орден Ленина. Все встают. Под бурные продолжительные аплодисменты Л. И. Брежнев прикрепил орден Ленина к знамени республики.

С докладом «Светлой дорогой Ленина» выступил член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Д. А. Кунаев. Доклад Д. А. Кунаева неоднократно прерывался продолжительными аплодисментами.

Со славным юбилеем и вручением Казахской ССР ордена Ленина трудящихся республикан сердечно поздравили руководители прибывших делегаций.

Затем с заключительным словом выступил Д. А. Кунаев.

Единодушно, с большим подъемом участники торжественного заседания приняли приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР и Совету Министров СССР, товарищу Л. И. Брежневу.

С хорошим настроением вышел 30 августа на демонстрацию жители Алма-Аты.

12 часов дня. Бурной, долго не сменяющей оацией встречаются участники военного парада и демонстрации Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева. Вместе с ним на центральной трибуне товарищи В. В. Гришин, Д. А. Кунаев, Г. В. Романов, В. В. Щербины, Г. А. Алексеев, М. С. Горбачев, П. М. Маисов, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соминенко, Э. А. Шевардиндзе. Здесь же заместитель Председателя Совета Министров СССР З. И. Нуров, Председатель Президиума Верховного Совета Казахской ССР С. И. Исаев, Председатель Совета Министров республики Б. А. Ашимов, руководители делегаций республикан.

Командующий войсками Красной Армии генерал-полковник Евгений Лукаш, командующий войсками Военного округа генерал-полковник П. Г. Лушчацкий, командующий парадом и подающим командующий на площади воинов со славным юбилеем республики и Коммунистической партии Казахстана. Над площадью прокатились мощные «Ура!».

Военный парад и демонстрация трудящихся еще раз убедительно показали нерушимое, монолитное единство партии и народа, горячее стремление трудящихся Казахстана и дальше утверждать под руководством КПСС и новым побед.

31 августа в Москву из Алма-Аты возвратился Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев.

На аэродроме товарища Л. И. Брежнева встречали члены Политбюро ЦК КПСС, кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС, секретари ЦК КПСС, другие товарищи.



Москва. Встреча на аэродроме.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!



ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 36 (2773)

6 СЕНТЯБРЯ 1980

© Издательство «Правда», «Огонёк», 1980





Торжественное заседание в Алма-Ате. На трибуне Л. И. Брежнев.



Во время военного парада и демонстрации трудящихся в Алма-Ате.

Фото В. Егорова и В. Кошевого (ТАСС)



НОВЫЕ МЕТОДЫ

А. В. БАЧУРИН,
заместитель председателя
Госплана СССР

В июле прошлого года приняты постановления ЦК КПСС «О дальнейшем совершенствовании хозяйственного механизма и задачах партийных и государственных органов» и ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы». С тех пор прошло уже больше года. Редакция «Огонька» попросила заместителя председателя Госплана СССР А. В. БАЧУРИНА рассказать о том, что сделано за минувшее время по реализации этих постановлений. Беседу ведет А. Н. КОВАЛЕВ.

— Александр Васильевич, в прошлом году после опубликования постановления о совершенствовании хозяйственного механизма в Госплане СССР состоялась пресс-конференция. Помню массу вопросов, которые журналисты обрушили на вас в связи с вашим выступлением. Это были значимые экономические люди. Но и они покажут, не могли охватить весь комплекс новых взаимосвязанных мер, которые предстояло осуществить. Теперь с этой точки зрения вопросов вроде бы нет, но появились другие. И главный среди них — что конкретно сделано за минувший год?

— Вопрос актуальный. Через средства массовой пропаганды и информации много сказано — и устно и печатно — об огромном значении мер, направленных на совершенствование хозяйственного механизма. Ответить на вопрос: что сделано? — тем более важно сейчас, в пору подготовки к XXVI съезду партии, в преддверии одиннадцатой пятилетки, когда новые методы должны применяться в широких масштабах. Постановления партии и правительства, принятые в июле прошлого года, содержат комплекс научно обоснованных, тесно взаимосвязанных организационных и экономических мероприятий. Многие из них в одинаковой степени относятся как к промышленности, так и к строительству. ЦК КПСС и Совет Министров СССР поручили центральным плановым органам, соответствующим министерствам и ведомствам определить конкретный порядок и конкретные условия реализации намеченных мер.

В соответствии с этим поручением за истекший год разработано более 60 нормативно-методических документов. Они играют исключительно важную роль для совершенствования планирования, повышения обоснованности и действенности планов. Среди них, например, указания о порядке разработки и применения показателей нормативной чистой продукции, долгосрочных нормативов заработной платы

на рубль продукции, определения напряженности планов, положение о паспорте производственного объединения (предприятия). В свое время «Огонек» познакомил читателей с экономической сутью этих мер в статьях заместителя главного редактора «Экономической газеты» В. Филиппова, и это позволяет мне не раскрывать особенно подробно их содержания.

Но не могу не сказать об очень важных документах, регламентирующих разработку целевых комплексных программ, в том числе программ по решению крупных региональных проблем, и в частности формированию территориально-производственных комплексов (ТПК).

Сейчас создаются такие крупные ТПК, как Южно-Таджикский, Саянский, Павлодар-Экибастульский, Южно-Якутский, Мангышлакский, и ряд других. Здесь одновременно сооружается несколько мощных предприятий различных отраслей. Задача состоит в том, чтобы обеспечить их гармоничное, пропорциональное развитие. Именно такое решение проблем и регламентируют методические указания, о которых я сказал.

Думается, нет надобности говорить обо всех без исключения новых методических материалах. Читателям «Огонька», которые интересуются ими, могу порекомендовать сборник документов «Совершенствование хозяйственного механизма», изданный в мае нынешнего года издательством «Правда».

— Вы рассказали о методологической базе, без которой невозможен организованный переход на новые методы хозяйствования. Но успех не меньше, если не больше, зависит и от субъективных факторов. Я имею в виду ответственность кадров, их компетентность, инициативу в реализации новых методов хозяйствования. Их практическое применение уже идет, если можно так сказать, полным ходом. Между тем известны случаи, когда на некоторых предприятиях еще непростительно медлят. Есть министерства, которые не обеспечивают свои предприятия методическими разработками с учетом специфики отраслей. В чем вы видите возможность быстрого преодоления подобных недостатков?

— На этот вопрос я позволю себе ответить словами Леонида Ильича Брежнева. На XXV съезде КПСС, говоря о путях улучшения руководства экономикой, он, в частности, отметил, что нам необходимо одновременно укреплять оба начала демократического централизма. «С одной стороны», — указал Л. И. Брежнев, — следует развивать централизм, ставя тем самым преграду ведомственным и местным тенденциям. С другой же — надо развивать демократические начала, инициативу мест, разгруппировать верхние эшелоны руководства от мелких дел, обеспечивать оперативность и гибкость в принятии решений». Думаю, что здесь немалое поле деятельности и для журналистов.

Давайте посмотрим, что делается для повышения роли централизованного руководства при внедрении новых методов хозяйствования. Начиная с 1980 года предприятиями и организациями установлены лимиты численности работающих. Это весьма важная мера. Она способствует более эффективному использованию трудовых ресурсов, их экономии. Ведь теперь ни одно предприятие не может, даже если оно не справляется с планом, превысить установленную численность рабочих и служащих и за счет этого «поправить» свое положение. Новый порядок побуждает руководителей энергичнее вести автоматизацию и ме-

ханизацию технологических процессов, сокращать ручной труд и на этой основе повышать его производительность, обеспечивать выполнение плана при той же или даже меньшей численности работающих. И тут уже есть то, что равняется. Возьмем опыт запорожцев по механизации труда, ленинградцев, решивших весь прирост объема производства получить в одиннадцатой пятилетке с меньшим числом рабочих и служащих.

Ориентация на высокий конечный народно-хозяйственный эффект требует, чтобы планирование действующего производства и нового строительства осуществлялось как единое целое. Такая мера призвана сократить количество вновь начинаемых строек, поднять роль реконструкции и технического перевооружения. И это уже проводится в жизнь. В нынешнем году по сравнению с прошлым сократилось число строек, а соответственно уменьшился и объем нового строительства на сотни миллионов рублей. Исключены, в частности, объекты неперспективной важности, стройки с низкой экономической отдачей, а также низким уровнем готовности. Принято решение ограничить строительство административных зданий.

Весьма важное значение придается расширению выпуска новой продукции и повышению качества изделий. Несомненно, что самым положительным образом скажется на решении этих задач изменение порядка установления надбавок к оптовым ценам. Госкомцен СССР с июля 1979 года утвердил около четырех тысяч надбавок к оптовым ценам на продукцию производственно-технического назначения, которая по своим характеристикам соответствует лучшим отечественным и зарубежным образцам. Учитывая, что в среднем надбавки составили 6 процентов к уровню действовавшей оптовой цены, нетрудно представить, какую дополнительную выгоду получили коллективы предприятий, выпускающих такую продукцию.

— Можно ли сказать, что министерства и ведомства СССР, объединения, предприятия и строительные организации, НИИ и КБ активно включились в подготовку к переводу хозяйства на новые условия?

— Безусловно. Но тут надо иметь в виду уровень подготовленности к работе в новых условиях в предшествующие годы. Он не везде одинаков. Новые методы хозяйствования проходили экспериментальную проверку на предприятиях многих отраслей и в отраслях в целом. Разумеется, что здесь степень освоения новых методов в их совокупности гораздо выше. Полностью перешли, например, на применение показателя нормативной чистой продукции объединения и предприятия министерства тяжелого и энергетического машиностроения, машиностроения для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов. На планирование роста объема производства и повышение производительности труда по этому показателю перейдет в январе 1981 года объединения и предприятия Минмашинва, а с 1982 года — многие другие отрасли обрабатывающей промышленности.

Напомню вкратце экономическую и социальную суть этого показателя. Он точнее других стоимостных показателей отражает затраты труда на производство изделий. Это достигается за счет того, что из базы для расчета в отличие от действовавшего до сих пор порядка исключается стоимость сырья, материалов,

ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

электроэнергии, посторонних услуг. Таким образом, показатель нормативной чистой продукции, включающий в себя заработную плату и прибыль на изделие, теперь точно выражает вновь созданную стоимость на единицу продукции.

Активно осуществляется переход на применение норматива заработной платы на рубль продукции. Этот показатель обеспечивает более тесную зависимость между фондом заработной платы, ростом производительности труда и увеличением на этой основе выпуска продукции. В нынешнем году этот новый метод планирования заработной платы уже применяют объединения и предприятия девяти министерств. С будущего года — предприятия еще двенадцати министерств.

Я рассказал лишь о части той большой работы, которая проводится в центре и на местах. Но нельзя не отметить и некоторые тревожные явления. Руководители ряда министерств, всеохватных промышленных объединений, предприятий и прежде всего экономических служб не проявляют еще должной инициативы в освоении новых методов хозяйствования, затянули составление паспортов, не добиваются сокращения ручного труда, повышения удельного веса продукции высшей категории качества, лучшего использования производственных мощностей.

Или возьмем такой пример. Из общего числа 43 тысяч объединений и предприятий десяти министерств только 28 тысяч оцениваются по выполнению плана поставок продукции потребителям в соответствующей номенклатуре. О большом значении такого показателя говорить не приходится — в одиннадцатой пятилетке он станет одним из основных фондообразующих. Это означает, что и развитие производства, и материальное стимулирование, и социально-бытовое строительство будут во многом зависеть от того, как выполняется этот показатель. Надо высоко оценить инициативу тех коллективов, которые уже сейчас стали «применять» свои возможности в этом направлении. Кто мешал остальным проявить такую же инициативу, чтобы лучше подготовиться к разработке и реализации плана на 1981 год и одиннадцатую пятилетку?

А проверить свою готовность стоило бы! Ведь из 28 тысяч объединений и предприятий, применявших в планировании и системе стимулирования этот новый показатель, выполнили его в первом полугодии только 57 процентов. Остальные не справились. Это побудило трудовые коллективы разработать дополнительные организационно-технические, экономические меры. Надо полагать, что практическое их осуществление позволит им вступить в новую пятилетку более подготовленными. При этом нельзя не заметить, что действенность дополнительных мер во многом обусловлена инициативой, компетентностью руководителей, специалистов предприятий. С них особый спрос. Хотя нельзя, разумеется, снимать ответственность и с аппарата управления министерств: необходимы контроль и помощь.

Вы упомянули об оптовых ценах. Нельзя ли, Александр Васильевич, чуть подробнее о их разработке? Ведь вместе с ними должны утверждаться и нормативы чистой продукции, которые станут применяться при планировании производительности труда и объема производства.

— Введение показателя нормативной чистой продукции действительно связано с разработкой прейскурантов новых оптовых цен. Они

начнут действовать с 1 января 1982 года. Но уже с 1 июля нынешнего года Госкомцен СССР утвердил 125 таких прейскурантов. В частности, на топливно-энергетические ресурсы, продукцию черной и цветной металлургии, химической и нефтехимической, лесной и деревообрабатывающей промышленности, на стройматериалы.

Несколько задерживается разработка оптовых цен на продукцию машиностроения и металлообработки, легкой и пищевой промышленности. Но и в этом направлении уже проделана большая работа. Мы рассчитываем, что до конца года будут утверждены все прейскуранты оптовых цен.

— Александр Васильевич, когда вы говорили о том, что многие предприятия не выполняют свои обязательства по поставкам, я подумал о тех коллективах, которые, не получив вовремя соответствующих видов сырья, комплектующих изделий, не выпустили готовую продукцию и не получили за нее деньги. Раньше отсутствие средств по этой причине давало у хорошему работающему предприятию вызывало аргумент в оплате других товаров и услуг, необходимых для производственного процесса. Высказывалась обоснованная точка зрения о более широком применении кредитов на эти цели, критиковалась позиция Госбанка СССР, затягивавшего решение проблемы. Что изменилось здесь после принятия постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о совершенствовании хозяйственного механизма?

— Это постановление определило порядок предоставления банковских ссуд предприятиям-покупателям при временном отсутствии у них средств. Такой порядок введен уже в нынешнем году.

Он способствует повышению ритмичности поставок, более стабильному выполнению плановых заданий. Читателям, видимо, интересно будет узнать размеры кредита на эти цели. Если на 1 июля 1979 года Госбанк выдал покупателям (при временном отсутствии у них средств на оплату счетов) ссуды в размере 5,7 миллиарда рублей, то на 1 июля 1980 года их размер составил 9,3 миллиарда рублей. Как видите, финансовая помощь Госбанка значительно возросла, следовательно, улучшилось и финансовое положение многих предприятий.

— Остался еще один очень важный вопрос: как идет разработка проекта плана на одиннадцатую пятилетку?

— Напомним, что значительно повышается роль пятилетнего плана как основной формы планирования экономического и социального развития СССР. Он является к тому же основой организации хозяйственной деятельности на всех уровнях управления и производства. Руководствуясь решениями ноябрьского (1979 год) и июньского (1980 год) пленумов ЦК КПСС, указанными Л. И. Брежнев, плановые органы, министерства и ведомства сейчас ведут разработку проекта Основных направлений экономического и социального развития страны, который будет представлен на утверждение предстоящему XXVI съезду КПСС. Госплан СССР довел исходные данные к Основным направлениям до министерств и ведомств, и на этой базе объединения и предприятия составляют проекты своих пятилеток.

Хотелось бы подчеркнуть, что одиннадцатилетний план формируется с обязательным использованием данных, которые содержится в Комплексной программе научно-технического прогресса, а также в программном по крупным экономическим, социальным и научно-техническим проблемам. Комплексная программа — научно-технического про-

гресса разработана на двадцатилетний период с разбивкой по пятилеткам и содержит наиболее эффективные научные и технические разработки. Здесь мы находим, например, пути и методы решения комплексного технического перевооружения народного хозяйства и развития в этих целях машиностроения. Тут представлены наиболее перспективные научно-технические разработки в области металлургии, транспорта, химии и других отраслей. Они охватывают все разделы плана, определяют направления в формировании целевых комплексных программ. Госплан СССР совместно с Академией наук СССР и Госкомитетом по науке и технике утвердил перечень целевых программ по решению научно-технических проблем.

Таким образом разрабатывается система комплексных программ. К первой отнесены 13 программ, которые решаются на государственном уровне. Среди них — экономика топлива и металла, развитие зоны БАМ, сокращение ручного труда, увеличение производства новых товаров народного потребления. К двум другим группам программ относятся проблемы — их куда больше, — решаемые на межотраслевом и отраслевом уровнях.

Ускорение научно-технического прогресса во всех отраслях народного хозяйства — одна из основных задач одиннадцатой пятилетки. Реализация упомянутых мною программ позволяет внедрить самые прогрессивные технологические процессы, новые материалы и методы обработки, которые обеспечивают в соответствии с производством значительное повышение производительности труда. При той сложной демографической ситуации, которая ожидается в одиннадцатой пятилетке, это единственный путь поступательного развития нашей экономики и решения главной задачи — дальнейшего повышения жизненного уровня советских людей.

— Не смогли бы вы в этой связи сказать о роли Советов народных депутатов? Ведь на них возложены большие обязанности, им предоставлены большие права, именно они обеспечивают сочетание отраслевого и территориального планирования.

— С точки зрения планирования и управления производством я бы выделил здесь несколько направлений.

Опыт местных органов Литвы, Латвии, ряда областей Украины, РСФСР свидетельствует о том, что Советы народных депутатов, их исполкомы могут много сделать по экономии трудовых ресурсов, механизации ручного труда. Особо хотелось бы подчеркнуть огромные возможности Советов в расширении выпуска товаров народного потребления, улучшении их качества. В сфере их забот, в частности, должны оказаться те «мелочи», выпуск которых невозможно планировать в централизованном порядке и которые чаще всего исчезают из торговых залов магазинов.

В заключение я хотел бы напомнить слова Л. И. Брежнева, сказанные на XXV съезде КПСС: «Суть организационных вопросов, попросту говоря, состоит в том, чтобы каждый, имея для этого необходимые права и неся в их пределах всю полную ответственность, занимался своим делом». Я привел эти слова, чтобы акцентировать внимание на необходимости более ответственного подхода к совершенствованию хозяйственного механизма во всех звеньях управления и достижения на этой основе дальнейших успехов в развитии нашей экономики.

ИДЕОЛОГИЯ «ЯДЕРНОГО ЗОНТИКА»

Джеймс Олдридж

Недавно я смотрел по телевизору старый американский фильм «Елена Прекрасная». Картина эта сделана безнадежно плохо. В ней много затасканных клише и постановочных глупостей. Героический миф, давший нам величайшие образы поэзии, вдохновивший не только греческих, но и французских, немецких, английских и русских поэтов на создание блестящих произведений, превратился на экране в рядовую пошлость. Сами того не желая, создатели фильма свели рассказ о похищении Елены Парисом к ряду банальных сцен, в которых игра актеров не вызывает ничего, кроме досады и смеха. Помимо тривиальных диалогов, в картине немало батальных сцен. Ведь в ней рассказывается о Троянской войне, легендарной борьбе древних греков с Троей. Мы становимся свидетелями классического соперничества между Гектором и Ахиллом, между Парисом и Агамемноном. Мечи, стрелы, пики, сверкающие латы на красивом и загорелом теле. В кино хрестоматийная война скорее напоминает современные спортивные состязания — схватку борцов, футбольную встречу или теннисный матч. Все выглядит столь безобидно.

Разумеется, авторы фильма вовсе не хотели дать нам такое представление о войне древних греков. Однако, сидя перед экраном телевизора, я невольно сравнивал сражения в древнем мире с условиями современной войны. В последние времена наш просвещенный политики, эти холеные господа, получившие самое лучшее в мире образование, стараются убедить нас, что современная война ничуть не страшнее той, с которой мы познакомились по старому американскому фильму о жизни Древней Эллады. Об этом мы читаем в нашей прессе, узнаем по телевизору, слышим в парламенте. Нам хотят внушить, что ядерная война, использование атома и ядовитых газов в военных целях немногим опаснее мечей и стрел. Поэтому, дескать, не надо бояться современной войны.

От нее совсем не трудно защищаться. Нужно только взять старые ненужные дери и соорудить себе небольшое укрытие. У нас издаются специальные брошюры, содержащие инструкции о том, как вести себя в случае ядерной войны. О ракетах рассуждают с такой легкостью, точно они и впрямь почти не отличаются от древнегреческих мечей. Все чинно и благообразно. Никто даже голоса не повисит. Ну, а раз об ужасах ядерной войны говорится гладко, спокойно, веско и respectfully, только дураки могут

усомниться в ее опасности. Какие бы там ядерные бомбы ни бросали на нашу страну, она все равно останется той же «доброй, старой Англией». А уж если суждено погибнуть, то и в атомной войне можно умереть романтически, как Ахилл со стрелой в лате.

Подобные рассуждения ужасающие, но они прочно вошли в нашу жизнь. Нас хотят приучить к новой военной стратегии — концепции «первого удара». Именно такую цель преследует недавнее заявление президента Картера об изменении американской ядерной стратегии, то есть о том, что США допускают теперь возможность первыми нанести ядерный удар по советским военным объектам. Это стратегия, которая специально предназначена для нанесения «первого удара» и с точки зрения военной науки не имеет другого рационального применения. Таким образом, мы скатываемся к положению, когда политика Запада, а точнее, политика США, вновь прибегает к ядерному шантажу для достижения мирового господства. Однако изменение ядерной стратегии США, по существу, свидетельствует о явном провале их внешнеполитического курса. Именно поэтому и понадобился возврат к милитаристской политике ядерных бомб, шантажу времен «холодной войны» и тому экономическому безумию, которое является неизбежным следствием столь опасного мышления.

Каким бы унылым и отчаянным ни представлялось создавшееся положение, оно не является безнадежным. Сама серьезность обстановки заставляет людей бороться. Стоило английскому правительству публично провозгласить свою приверженность крылатым ракетам, и в Англию вновь разразилось движение сторонников мира. Аналогичные движения активно действуют и в других западноевропейских странах, соглашавшихся на размещение американских ракет. Недавно в Англию был поведен самый крупный за последние двадцать лет марш протеста против ядерной бомбы. Даже лейбористская партия на заседании своего исполнительного комитета проголосовала за новую кампанию в защиту мира. Выступая в ее поддержку, генеральный секретарь партии Рон Хейворд заявил: «В Англию нет защиты от ядерного оружия. Это очевидная истина. Те, кто утверждает обратное, просто витают в облаках».

Не менее 130 резолюций, переданных на рассмотрение очередной конференции лейбористской партии, проведение которой намечено на осень нынешнего года, затрагивают вопрос о тонке ядерных вооружений, и почти в каждой из них выдвигается требование об отказе от размещения в Англии крылатых ракет и ракет «Першинг», а также содержится

призыв к ликвидации всех американских военных баз на английской территории. В то же время английский министр обороны Фрэнсис Пим считает, что вопрос о размещении в Англии американских ракет «не подлежит обсуждению». Таким образом, вопрос о переговорах по сокращению вооружений, составляющий основу разрядки в Европе, вообще изымается из внешнеполитической программы Великобритании. В интервью с ведущим английским телекомментатором Робин Демей Пим заявил, что «в случае необходимости он нажмет на ядерную кнопку».

На Западе нас уверяют, что только пресловутый «ядерный зонтик», под которым мы живем, зонтик, развернутый над нами американцами, способен защитить от полного уничтожения наши тела и души, свободу и семью, прошлое и будущее. Однако нам приходится жить под этим «зонтиком» в силу определенных политических и экономических условий, которые, как нам говорят, нужно принимать безоговорочно и не стараться их изменить. Считается, что мы должны сидеть сложа руки и спокойно наблюдать, как на Западе исчезают остатки «демократии», как ее сводят на нет ради того, чтобы «защитить» нас и сохранить «порядок». Сейчас под угрозой находятся все те завоевания, на которые ушли годы борьбы. Это особенно относится к Англии, где наносится удар за ударом по правам профсоюзов, растет безработица, падает уровень жизни, попираются справедливость и права человека, сокращаются расходы на образование, социальные услуги и жилищное строительство. Это так называемая политика «сохранения нашей жизни» распространяется на то, чтобы «выжить» не только под прикрытием «ядерного зонтика», но и «зонтика капиталистической экономики», который таит в себе, пожалуй, не меньшую опасность, чем «ядерный». В действительности между двумя зонтиками существует неразрывная связь.

Все эти разговоры о войне, «ядерном зонтике» и «первом ударе» свидетельствуют о том, что капиталистическая система переживает сейчас глубокий кризис. Из истории мы знаем, что, как только капиталистический мир охватывает безработица, буржуазия сразу же начинает кричать о войне и требовать усиленной подготовки к ней. В настоящее время в Англию наблюдается самый высокий уровень безработицы со времени мирового экономического кризиса тридцатых годов. Если сравнить сумму расходов на вооружение в сегодняшней Англии с размерами ее национального дохода, то получится, что она тратит на военные цели больше любой другой капиталистической страны Запада, включая США. Вместо того, чтобы расширять военное производство, следовало бы направить расходующиеся таким образом средства на укрепление и расширение гражданских отраслей английской экономики. Лишь части этих средств хватило бы для почти полного решения проблемы безработицы в стране, разумеется, при условии их умелого распределения и применения. Однако такой поворот событий невозможен при капитализме.

Было бы ошибочным думать, что широкие народные массы в стра-

нах Западе правильно понимают существо современных событий в мире и верят в социализм как в единственный выход из создавшегося положения. Если бы это было так, социализм уже восторжествовал бы на всем земном шаре. Дело в том, что два основных аспекта нашего существования — стремление к сохранению жизни в условиях мира и желание жить при более или менее приемлемом экономическом строе — сейчас неминуемо сложны и запутаны, причем запутаны сознательно. Находясь на своей последней стадии, капитализм все больше вынужден защищаться с помощью обмана. Все чаще эта отмирающая система строит свое существование на лжи. Если раньше наши политики, пресса и телевидение считали личину объективности основой своего воздействия на массы, то теперь они окончательно сбросили маску и открыто, грубо и примитивно клеветают на социализм. Поток этой клеветы обрушивается на нас круглосуточно. Сидя как-то вечером перед телевизором, я стал переключать его с одной программы на другую. По всем трем каналам шли антисоветские передачи.

Тезис о целесообразности «ядерного и экономического зонтика» адресован не только общественности западных стран. Приходится навязывать его всему миру. Ведь мы можем воспользоваться в качестве главного довода против социализма. И вот кокет «ядерный зонтик» из Африки в Азию, из Азии в Европу, из Европы в Америку в надежде убедить народы всех континентов в необходимости его существования.

Реальной альтернативой капитализму является система, уже давно доказавшая свою жизнеспособность. И этого-то он не может ни простить, ни забыть, ни вынести. Но ему приходится мириться с ней, потому что он не в состоянии ее уничтожить. Такой системой выступает на мировой арене социализм. К нему обращены взоры развивающихся стран, да и капиталистический мир поглядывает в его сторону. Вот и вынужден Запад сосуществовать с ним.

Даже такой приверженец американской концепции «ядерного зонтика», как лорд Карингтон, высказался за продолжение переговоров между Востоком и Западом. «Санди таймс», которую трудно заподозрить в симпатиях к Советскому Союзу, писала, что «попытки навсегда заморозить отношения между Востоком и Западом ни к чему хорошему не приведут».

Зонтик, который до войны всегда носил с собой Невилл Чемберлен, стал символом политики умиротворения Гитлера. Именно Чемберлен, занимавший тогда пост премьер-министра Англии, отдал Чехословакию на растерзание нацистской Германии. Теперь мы имеем дело с «зонтиком» другого рода, вызывающим у нас иные ассоциации. Он превратился в символ попустительства «ядерному безумию». Европе опять предстоит борьба с новым проявлением крайнего безрассудства, рискующего всех нас превратить в пепел и золу, и справиться с ним под силу только простым людям, предпочитающим жизнь атомной смерти и подлинную независимость жалкому служению «ядерному зонтику».

(АПН — специально для «Огонька»)



Олег ШЕСТИНСКИЙ

ПОЛЕМИКА

сражаясь, в бою полегли,
спасая в отваге своей
комсомольской
твердыню родимой земли!

Не так ли
мои земляки и погодики
на неких святых рубежах
печатали шаг свой бесстрашный
и четкий,
сжимали винтовки в руках?

Каждая птица на поле,
среди рощ, на плато
лишь по собственной воле
ладит жизнь и гнездо.
И один за другого
не способен решать:
сущность в чем?
Где основа?
Как понять благодать?

II

Скажи, где стены Вавилона?
А. С. Пушкин

Пылкий Навуходоносор,
царь Вавилона,
как ты мидийскую деву
любил испуганно!
Создал ты
горы, потоки, леса и цветы
там, где песчаной породы
желтели пласты,

чтобы красавица
не пребывала в печали,
чтобы ей отчуждо Мидию
рощи напоминали...
Смелый Навуходоносор!
Все обратилось во прах,
ветер пустынь зарождается
в ближних песках.

Вавилон расклевали
вороны,
разнесли
на четыре стороны.

Вдохновенно
я ступил на холмы Вавилона.

Огорченно
я иду по холмам Вавилона.

Обреченно
жметесь долу кустарник на холмах
Вавилона.

Были эти вороны
в тропических шлемах,
цвета хаки рубахи на них...
В археологических их системах
фунт и доллар
ходили в святых.

Брали вороны в клюв,
хищным оком своим не моргнув,
барельефы,
колонны,
ступени
дворцов,
где жрецы,
колосно-
преклоненны,
умилялись богами.

В европейских музеях вижу я
Вавилон.
В европейских музеях виснут
когти ворон,
что вонзались в духовные тайны
людей
меж Евфратом и Тигром...

Среди серых камней,
среди чахлой травы,
среди пыли, песков
вижу я Вавилон —
воли стон,
выси стон,
века стон,
царь царей,
раб рабов.

Был в Вавилоне лев,
каменный древний лев,
взором не присмирив,
не унимал свой гнев.
Жил в Вавилоне лев
с гордою головой,
о гранитная статуя!
Рать воителей зла
сдвинуть льва не смогла.
Не подступиться к нему
и не запяковать,
не запихать в суму,
не заматывать бечевой...
Жил в Вавилоне лев.
Жив в Вавилоне лев.
Вижу я, как к себе
он подпустил ребят,
новое в их судьбе
ловит царственный взгляд.
Мальчик! Если б ты знал,
если б знал, почему
лев в тоске вековой
все тебя ожидал,
чтобы вольной рукой
ты приник бы к нему!

Магами-мастерами
выбит, выжжен металл,
—
дикий светильник в храме
целый зал озарял.

Мистеры бронзоволицы,
голубоглазая масть,
мистерам
поживиться
Багдадом
выпало владеть.

Мой оппонент на Темзе
себя возвысит бы смог,
отдав в арабские земли,
что дед его уволок.

О щепетильный Лондон,
наверное, грянул срок —
клад, доставшийся лордам,
вернуть на Ближний Восток!

Разве, взглянув дерзновенно,
жалкой наживы раб,
Тернера и Родена
в Мосуле скрыл араб?

Нет, он, очи живые
вперевз на кромку гор,
сказкою Ниневии
ваш затуманит взор!

Правда глаза вам режет,
белым на глазу Востоком...
Где же, скажите, где же
нравственности истоки?

III

Опять о правах человека!
Но дайте мне слово сперва:
у мастера бокса
и бега
в Америке есть ли права?
Ужели спортивная трасса,
путь до олимпийских высот,
подшвы парням из Техаса,
как уголь каленый, прожжет?

Кого, господа, наказали?
Не нас,
а своих же детей,
их нету ни в праздничном зале,
ни в море футбольных страстей.
Не нам,
а сынам вашим горько,
вы ввергли их в глупый обман,
их слезы победы, восторга
не хлынут на телеэкран.
Спортивную молодость выдав,
надежды ее обломав
во славу афганских бандитов,
ао имя их козней и прав,
напрасно вы будете тщиться
всучить современникам ложь...
Истории честны страницы,
к ней доллары не подберешь!
Очнитесь! Отбросьте позерство!
Лукавства хитроумную сеть!
В фальшивое миротворство,
как в бубен, довольно зазвонит!
Но выйдем мы с чувствами

братства,
лишь братство приемля взамен,
к тем, кто не сумели добраться
до наших спортивных арен.
Стояли б мы,
просто молчали,
но стало б им что-то ясней,
не то,
как работать с мячами,
вслом иль ракеткой своей;
но то,
что явилось причиной
поступков, деяний и прав...
Становится мальчик мужчиной,
лишь Время свое осознав.

IV

Запад!
Корысть в цветной обертке.
Ложь, украшенная, как невеста.
Любовь, потрясающая людей
(за деньги!).
Деньги, разъедающие, как черви,
сердца.

Запад!
Почти постижение тайны рака.
Письмо, посланное в капсуле
инопланетянам.
Лунная порода на столах ученых.
Замораживание людей с будущим
воскрешением их.

Запад!
Ночные притоны, где женщины
обнажены перед юнцами.
Ракеты, натканные, как частокол
в деревне.
Коллекционирование ракушек
ценой в годовой доход пахаря.
Запад!
Нежность моих английских друзей
(Дороти и Рональд).
Заботливость моего
австралийского товарища (Майкл).
Внимательность
западноберлинского коллеги
(Гюнтер).

Веселая доброта
французского собрата (Мишель).

Полемика!
Цари
и властуды над умами.
Полемика!
Пари
над нами
и не над нами.
И, постигая суть,
презрев скулеж и вздох,
тори
для Правды пути,
а значит, для Эпохи!

Хочу я себе представить,
раздумывая здраво:
кто дал вам такое право
Историей мира править?
Чванливо править, с размахом
планетой, словно конем,
кому быть
под падишахом,
кому быть
под королем?

Нет права,
а есть потуги;
наглее они с каждым годом,
брать оборотней на поруки,
тех,
кто был изгнан народом,
кто выброшен из подворотни,
кого отвергла земля...
Их путь — с баулом на сходи
заморского корабля.
И ястреб из бездны полета
увидел бы руки в крови
у авшвырнутого Пол Пота,
у проклятого Пехлеви!
И все-таки ваше всевластие
с оружием и зерном,
с говяжьими тушами, салом,
с накопленным в банках добром
предстало
неслыханно
малым
в том мире,
в котором живем...

Я в Мексике думал об этом,
в таинственном, гордом краю
у памятника кадетам,
погибшим в неравном бою.

Они отражали атаку
американских солдат.
А те наступали от моря
десантом...
Кадеты-мальчишки
с юношей-лейтенантом...
Ключицы по-детски торчали,
в предплечье уперся
приклад.
Десантники верили:
с ходу возьмут Юкатан,
ну, что за вояки горсть
мексиканских кадетов!
Вмиг спины покажут,
их кадровой мощи отдавая...
Десантники верили в то,
что вбухал капитан.
Три класса кадетов полегло
на прибрежной траве.
Но шлюпки отчаянно выгребали
к судам, что на рейде...

«Защитники прав человека»,
посмейте
твердить, что притумана мною
небылица в Москве!

Не так ли
парнишки-курсанты Подольске,

Б. А. РЫБАКОВ,
академик,
директор Института археологии
Академии наук СССР,
Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской и Государственных
премий

— Борис Александрович, исторически, быть может, и не столь великое расстояние отделяет нас от Куликовской битвы. Но нашему современнику трудно представить себе толщу времени в шесть столетий. И все-таки легендарные события Задонщины эмоционально близки и понятны русскому человеку конца XX века. Я слышал рассказы тех, кто в предубойные дни посещает места великой битвы. От этой встречи с русской историей у всех остается неизгладимое впечатление: как бы слышится крик птиц и бешеное ржание коней, почти явственно видятся ряды русских полков и среди них гордая фигура одетого в платье простого воина Дмитрия Донского. И вот уже не былинными героями представляются народные ополченцы, а живыми реальными людьми, теми, что живут рядом с нами.

А когда вы впервые побывали на Куликовом поле, какое впечатление произвело на вас это посещение?

— Это было в сорок третьем году. Впервые я приехал на Куликово поле как член Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников. Мы увидели, что памятник павшим воинам чудом уцелел, фашисты не успели его взорвать. И вот я испытал двойное чувство: великую радость оттого, что Куликово поле вновь сво-



писец пишет, что кочевники не решились напасть, не решились дать генеральное сражение и ушли: «и побегоше татарове не ким же гонимы аче божьим гневом». Но дело, как мы понимаем, не в божьем гневе, а в соотношении сил, а также и в исторической памяти.

— Тогда, Борис Александрович, я попросил вас вернуться назад, во времена, предшествующие Куликовской битве, и рассказать о событиях, приведших к этой великой исторической вехе. Это, наверное, поможет нашим читателям лучше понять ее значение.

— Для того чтобы понять Куликовскую битву, взглянем далеко назад. Славяне стояли против кочевников и противостояли им на протяжении многих и многих столетий. Примерно за две тысячи лет до Куликовской битвы нашим далеким предкам, жившим на берегах Днепра и в среднечерноземской лесостепи, приходилось отбиваться от киммерийцев, от скифов-кочевников, мучивших славян своими набегами. Отбиваясь, славяне на границе со степью возводили крепости и, пробиваясь сквозь кочевые заставы, торговали с Древней Грецией. Таким образом, они сумели отстоять свою независимость, установили пограничный рубеж и этот рубеж защищали.

В IV веке нашей эры произошла смена степных кочевников. То были кочевники иранского языка — скифы, аланы, а тут появились тюрки — огромные, неисчислимые массы очень воинственных тюрков, находившихся на той стадии развития, когда судьбы народов определяют воинственные и жадные вожди, ханы, князья. Поток за потоком шли они из Азии на Запад в поисках пастбищ, на пути покоряя земледельцев. В борьбе с гуннами, тюркоязычными племенами устоял один союз племен среднего Приднепровья — Русь. Впоследствии назовут ее Киевской Русью.

Именно в это время начинается широкое расселение славян на север, на северо-восток и неудержимой волной на юг, на Балканский полуостров. В IX веке сложилось Киевское государство, и простиралось оно, судя по восточным авторам, от Киева до Воронежа, Моло-

СЛАВЫ РУССКОЙ ЮБИЛЕИ

бодно, что оно снова стало русским полем, и глубочайшее волнение от встречи с самой историей.

Сама же Куликовская битва открылась мне впервые в юности. Тогда я вообще начал интересоваться историей, изучал московскую архитектуру и, даже пропуская занятия в школе, бродил по Москве. Из исторических памятников, связанных с эпохой Дмитрия Донского, меня особенно интересовал Симонин монастырь, место для которого на крутой горе, по преданию, выбрал сам великий князь.

Много позднее, работая над «Словом о полку Игореве», я особенно ощутил переключку его с «Задончиной», автор которой сознательно взял «Слово» за образец. Два великих патристических произведения, перекликались друг с другом, оказались созвучны, но созвучны по принципу антитезы: там, в «Слове», отсутствие единения и поражение, а здесь, в «Задончине», — уже осуществленное единство и победа.

— Вы говорите, единство и победа... Нелегко же они достались Дмитрию Донскому, сумевшему объединить многих князей и народ на отпор врагу! И велико значение этой победы в истории нашего народа!

— Безусловно, Куликовская битва — одно из важнейших, крупнейших исторических событий в жизни русского народа да и, пожалуй, всего средневековья. Поэтому она так долго помнится. Спустя много десятков лет, уже в пятнадцатом столетии, русские люди отсчитыва-

ли годы от сражения за Доном, от Куликовской битвы. Ну, как французы установили одно время счет своей истории от Великой французской революции. Это говорит о том, что Задонщина, значение ее были сразу осознаны современниками.

— Но ведь ордены иго не было устроено Куликовской битвой?

— Да, не было, это верно. Иго возобновилось. Появился хан Тохтамыш, на русских вновь была возложена тяжелая дань. Но, понимаете, эти новые тяготы, новое бремя не были столь унижительными и воспринимались как нечто временное. Не было безысходности, безнадежности. Стало ясно, что если снова сумеем объединиться, то это ярмо будет сброшено уже окончательно. Так оно и в конечном счете и произошло.

Я бы сказал: память о битве на поле Куликовом была радостной, светлой памятью для русских всех последующих поколений и мрачной, тягостной памятью для кочевников. Ведь что оставило огромное несметное войско хана Ахмата на берегах реки Угры в 1480 году, уже ровно 500 лет назад! Его в какой-то мере остановила память о битве за Доном. Он понимал, что с русскими шутить нельзя, что мало только желания победить, надо еще и победить! И поэтому войско хана после отдельных незначительных стычек с войсками Ивана III отошло назад. Произошло так называемое в истории «стояние на Угре». Лето-

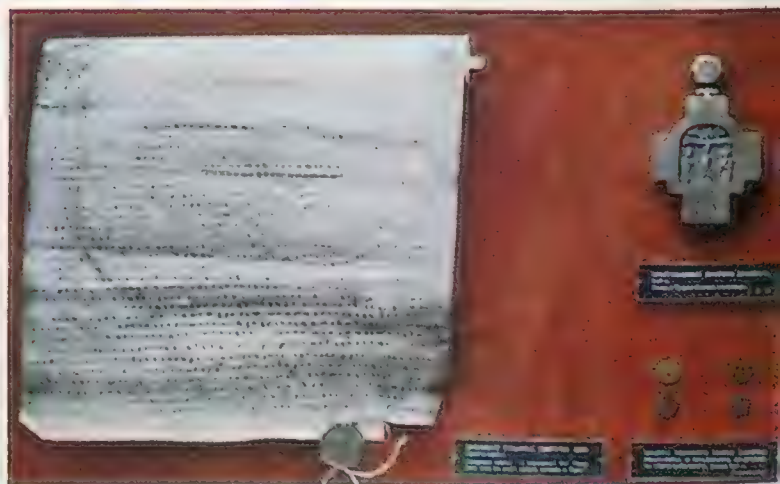
дому государству приходилось серьезно заботиться о защите своих границ. Тем более, что печенеги активно нападали на Русь и расстояние между мирными земледельцами и воинствующими кочевниками сократилось до двух дней пути. Два дня пути — это очень мало: сегодня враги в степях, а завтра уже у стен наших городов.

Тогда и сложился в народных былинах и сказках мрачный образ Змея-Горыныча, Змея Черноморского. Образ этот символизирует войско, идущее среди пожара, огня, дыма, сметающее все на своем пути, как бы летящее по воздуху. Так русские люди того времени отразили в образном слове страшный лик постоянного врага земли русской.

Князь Владимир Святославович, тот, который крестил почти 1000 лет назад Русскую землю, создает государственную оборонительную

Памятники ратной славы на Красном холме Куликова поля. * И. Г. Блинов. Ополчение и поход великого князя Дмитрия Ивановича против царя Мамай. Фрагмент. Конец XIX века. Фото А. ГОСТЕВА





линию. На юг от Киева он строит ряд крепостей, в гарнизоны которых набирает людей с севера, из тех мест, куда никакой печенег не достанет. Это было сделано с умыслом — смоленские, новгородские, суздальские воины должны были участвовать в общей обороне государства. Так складывалось государственное начало обороны, защиты родной земли. Молодое русское государство было еще недостаточно прочным, но защищаться от набегов враждебных племен оно уже могло. Печенеги ушли на Запад и растворились среди других народов.

Только что русские отбили от печенегов, как в степи появились половцы. Новые орды из-за Волги заняли южнорусские степи, и снова в постоянном ожидании незваных гостей жила русская земля. Обращаясь к былинам, мы находим важную для историка информацию о «заставе богатырской». Что это такое? Что такое «Три богатыря» Васнецова? В символической форме, в форме художественных образов отразилось существование десятков и сотен пограничных застав, крепостей, ибо в то время создавалась прочная оборонительная линия. Держалась она до тех пор, пока князья могли между собой договариваться, пока между ними существовало согласие. Люди понимали: единство побеждает врага.

Правда, из истории нам известно, что тот или иной князь порой сговаривался с половцами и нарушал целостность, прочность этой спасительной полосы. Мы знаем, что князь Игорь в 1185 году предпринял сепаратный поход и нарушил оборонную линию. Вот почему призыв к единению, к верности русской земле прозвучал в «Слове о полку Игореве», автор которого предупреждал: «Забудьте свои распри, прекратите свои раздоры, закройте ворота Руси!». Автор «Слова» — человек с большим весом, необычайно талантливый, отличный полководец, он прекрасно разбирался в военных делах, многое знал.

И, я уверен, не без влияния «Слова» в конце концов на Руси удалось установить мир и некоторое равновесие. Но оно нарушалось, когда князья враждовали между собой.

И вот к русским границам пришли новые племена — кочевые татары. Пройдя большой путь через Среднюю Азию, через Закавказье, превратив в руины цветущие города, а поля в пустыни, разрушив ирригационную систему древних народов, они приблизились к Руси. Половцы бежали. Русские князья были разбиты в битве при реке Калке. Разбиты потому, что не сумели договориться между собой. Затем в 1237—1241 годах последовал поход хана Батыя. Русские княжества героически сопротивлялись, но действовали поодиночке и были разбиты. Установилось ордынское иго.

— Кстати, Борис Александрович, как вы относитесь к мнению некоторых ученых о том, что, да, русский народ был под пятой ордынского хана, но это не было якобы таким губительным ярмом, как представляется.

— Что касается ордынского ига, то я могу назвать очень интересную работу историка А. Н. Насонова «Монголы и Русь», где четко, этап за этапом, прослежена эволюция этого сложного явления, когда оно усиливалось, когда ослаблялось, в чем оно состояло. Так вот, прежде всего это было финансовое бремя всей страны, в разной степени ложившееся на князей, на бояр, на народ.

— И так, начинается ордынское иго, тяжелые, мучительные для русского народа годы и наконец — единство, единение «во стане русских воинов» и — победа, огромная победа.

Храм-памятник Сергия Радонежского на Куликовом поле. * Георгий Победоносец — рельеф на стене храма Сергия Радонежского. * Духовная грамота Дмитрия Донского 1389 года. Крестомощник Дмитрия Донского. XIV век. Монеты великого князя Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича Серпуховского. Конец XIV века.

Мне бы хотелось, чтобы вы вернулись и размышления о ее значении в истории.

— Да, происходит Куликовская битва. Трагическая, тяжелая. Битва людей почти обреченных. Выведены тысячи, десятки тысяч людей на поле брани. Победа досталась невероятными усилиями благодаря отваге, стойкости, патриотизму сражавшихся, благодаря полководческому таланту Дмитрия Донского и других военачальников. Победа небывалая, первое грандиозное сражение с завоевателями Руси. После Куликовской битвы Русь обескровилась. Но дух победы, нравственный дух превосходства над врагом позволял жить мечтой о полной свободе.

И создается много литературных произведений: «Задонщина», «Сказание о Мамаевом побоище», летописи, различные поговорки... После Куликовской битвы, как бы вынося за скобки реальное ордынское иго, вернее, пла-

О значении Куликовской битвы помнили всегда. Особенно вдохновенно и патристично воспринималась она во время Отечественной войны 1812 года. В наши дни, в годы Великой Отечественной войны, Куликовская битва наряду с Ледовым побоищем и Бородиной была одним из важнейших примеров отваги, стойкости и беззаветного служения родной земле.

— Борис Александрович, современники узнают об эпохе Кулиновской битвы из литературных произведений, из летописей. Снажите, ведётся ли раскопки на знаменитом поле и о чем они говорят?

— Небольшие раскопки предпринимались время от времени. На Куликовом поле было найдено немного. Но такие раскопки трудны, ведь надо поднять тысячи гектаров земли. Мы не знаем, например, точных мест захоронения наших воинов. Чтобы обнаружить их, нужны грандиозные исследования.



теж дани, начинает расцветать чувство национального самосознания. Создается богатое национальное искусство, появляется новое в живописи, строится большое количество зданий, высокохудожественных сооружений. Чувствуется общий подъем. После Куликовской битвы — ее мы принимаем за точку отсчета — рождается как бы новое миропонимание, отношение к вселенной, к пространству.

Спустя лет пятнадцать после Куликовской битвы, в самом конце XIV века, создается интереснейший перечень русских городов: «А се имена градем русским ближним и дальним». И в этот список, не смотря на то, что грады эти рассеяны по двумстам пятидесяти княжествам, включаются города московские, новгородские, киевские, дубайские. Одним словом, все русские города Восточной Европы. Зачем это сделано? Ведь перечень не отражает реальности. Но в этот список вложена идея единства. Автор, составивший список, давал понять, что в городах живут люди, говорящие на одном языке. Тогда еще только начиналось распадение на украинский, белорусский и русский языки, и еще вполне осознавалось их единство. Когда мы города, включенные в этот список, переносим на карту, получаем огромную территорию. Ясно одно: список составлен сознательно, чтобы напомнить читателю былое единство русской земли и направить его на воскрешение этого единства.

Эпоха после битвы на поле Куликовом родила великого Андрея Рублева. Этот гениальный художник-монументалист владел очень важной идеей: он старался навести мир, успокоить русских людей, умиротворить, примирить люто враждовавших между собой князей. Андрей Рублев хотел поднять людей над мелким, быденным и показать, что самое главное — мир и согласие. Поэтому так современно его искусство.

— До нас не дошли имена многих героев Куликовской битвы. Но мы помним отважных витязей Пересвета и Ослябю, погибших на поле и похороненных в Москве в Старом Симоновом монастыре. Можно ли считать Пересвета и Ослябю первыми конкретными русскими героями-воинами?

— Не совсем. Конкретные имена нам знакомы и из более ранней истории. Есть легенда о киевском богатыре, сыне кожевника Никите Кожемяке, который мог выдрать кусок шкуры у выпущенного на него быка. Он вызвался бороться с печенегом и победил его.

Но, несомненно, имена героев Куликовской битвы навсегда останутся в памяти народа. Единство Пересвета с ханским воином аселило в русских воинов дух победы. Пусть оба пали замартом, все равно русские ополченцы видели, как храбро и самоотверженно вышел на бой Пересвет.

В заключение я хотел бы сказать об исторической терминологии: когда по поводу событий многовековой давности употребляются такие обозначения, как «литовцы», «татары», то следует помнить, что речь идет не о народе в целом, не о его трудовых массах, а о феодальной верхушке, воинственной, хищной, жестокой как по отношению к своему народу, так и к соседям.

В нашей беседе события 1380 года не раскрыты во всем их многообразии — мы с вами коснулись лишь некоторых вопросов, но сейчас появилось так много научных трудов и литературных произведений, что читатели «Огонька», вероятно, сами уже стали специалистами по Куликовской битве.

Так и должно быть — весь народ в едином патристическом порыве ополчился против Мама, и весь народ спустя 600 лет проявляет благодарную память по отношению к героям этой незбываемой битвы.

Беседу вел
Феликс МЕДВЕДЕВ.

В

се же лучше дойти сюда пешком. Как когда-то шли паломники, отмеряя шаг за шагом километры, неторопливо постигая окрест видимую красоту, чувствуя все большую и большую усталость телесную и просветление духа. И можно было бы повторить, приблизительно, конечно (ведь не шутка сказать — шесть веков минуло, и карт никто не оставил), весь маршрут дружин великого князя Дмитрия Ивановича, когда вышли они из Москвы на главный свой бой. А битва, какая ожидала великого князя, не много вообще история помнит. Не просто армии — материнки сошлись за Доном-рекой, судьба Восточной Европы решалась в той битве...

Но мы избрали иной путь. И когда с шоссе, ведущего от старинного городка Богородицка, у щитов с яркой цифрой «600» свернули резко влево, вдали как будто золотая звездочка вспыхнула в голубом июльском небе. Она мерцала, чуть покачиваясь в мереве у самого горизонта, а под звездой той все яснее виднелись какие-то белеющие стены. И если бы шли мы, как то полагают, по этой степи пешком, то долго бы гадать и о той звезде и о белеющих стенах: церкви не церкви, крепости не крепости. Мы же мчались дорогой, прорезавшей равнину, и вот уже под звездой стала вырисовываться странная темная башня, а церкви, все же церкви, но со сказочными куполами, сместились немного влево, продолжая светиться недавно побеленными — это мы узнали позже — боками.

— Куликово, — сказал спутник, и мы остановили машину.

В степи желтел ячмень, кое-где цвела гречиха. Не заповедник, как ожидалось бы, встречал нас, а обработанная человеком земля, да и комбайн одинокий вдалеке начинал пробную жатву. Но тихо и безлюдно было вокруг. Трудно было нам, вырвавшимся из суевы и круговерти в эту тишину, представить в первые минуты ту сечу, когда две силы великие на крошечном и скорую смерть сходились. Да и не достигли мы еще места, где было сердце битвы. Сейчас мы стояли примерно на пути отступающих войск Мамая, а впереди, на взгорье, господствующем над окрестностями, просматривалась теперь уже ясно церковью и диковинная башня с золотым венцом и крестом, попирающим полумесца — они и горели нам звездой путевой дали.

Как меняет свой облик земля более чем за полтыщи лет! Узнал бы современник битвы это место, доведись взглянуть ему на Красный холм, где была ставка Мамая, из XX века, как мы глядим сейчас! Вряд ли эта равнина и некрутой подъем на взгорье сильно изменили очертания за шесть столетий. Быть может, резко была степь посечена балками и оврагами с текущими по ним ручьями, — так то лишь вблизи заметно, а панорама, общий, как теперь говорят, план, наверное, узнаваем. И летели кони остатков ордынского полчища, «розо побегода неготовыми дорогами», и из последних сил преследовали Мамая воины великого князя, но мало осталось их, каждый десятый из десятка лег в эту землю, ушел в нее,

чтобы спасти от врага Русь и утвердить ее навеки.

Да, здесь, где начиналась судьба новой России, познаешь истинно, что такое русская земля.

У подножия Красного холма посевы обрываются, и к его вершине, откуда, по преданию, наблюдал Мамай за битвой, идем только что, к юбилею, проложенным дорожками.

Когда-то, говорят недавно совсем, холм этот напоминал нетронутый, поросший жесткой степной травой заповедник, и к памятникам на холме шли немногие паломники как бы остатком дикой степи. Что ж, может, то было и лучше, но какой хозяин, ожидая гостей, не стремится украсить и привести в порядок свой дом! А здесь, на поле Куликовом, в чистой степи, не только приводить в порядок, а и спасать было что. Тот храм, к стенам которого сейчас мы подошли, стоял почти что в развалинах. Зияли купола, с которых была содрана кровля, осыпалась кирпичная кладка. Ныне он — храм-памятник русским воинам, носящий имя Сергея Радонежского, — как новый, сияет безликой стеной. Удивительный это храм. Строил его в начале XX века замечательный русский архитектор Алексей Викторович Шувалов. Не случайно храм издает напоминая крепость. Зодчий вписал в традиционные пропорции церковного здания элементы крепостной архитектуры. Две башни, увенчанные шлемами, похожими на военные уборы русских дружинников, как былинные витязи, застыли над просторами Куликова поля. Неповторимый силуэт храма Сергея Радонежского напоминает о подвиге и стойкости прещуров, в честь которых он воздвигнут. А строили его долго и многолюдно. И можно сказать, что в том виде, в каком задуман храм-памятник автором, исполнен он лишь сейчас.

Сам зодчий неоднократно перестраивал проект, добиваясь наибольшей выразительности здания, созвучия его событию, в честь которого он создавался. Затем во время строительства официальные власти не раз бесцеремонно вторгались в действия архитектора — особенно раздражало их необычное шлемовидное перекрытие башен. До конца храм так и не был закончен, предстояла еще окончательная отделка здания, но ее произвести не успели. И стояла опустошенная и заброшенная церковь эта до последних лет, когда взялись наконец за ее возрождение — реставрацию, проведенную кропотливо и тщательно.

Радует ныне храм Сергея Радонежского. И пример являет достойный подражания. Сколько их еще стоит на Руси — заброшенных, разрушающихся памятников отечественной истории и культуры. Хорошо, когда подспевает какая-то дата, с которой связана закладка памятника — тогда поднимается он из руин, выплывает трава, а то и целые деревья забвения, успевшие прорасти на стенах. Вот и к куликовской годовщине не только храм, у стен которого сейчас мы стоим, но и изысканная церковь Всех святых на Кулижках в Москве, заложенная Донским в память павших, и храм в селе Монастырщина на окраине Куликова поля приобретают свой значительный вид.

Память материальная, овевающая и память духовная, сердечная. Как оказываются связанными они между собою. Не просто давней традицией, формальной данью всегда было и будет на Руси почитание предков, истоков, откуда есть пошла все мы, такие современные, такие передовые, такие все знающие люди конца XX века. В самую тяжелую, самую страшную пору испытаний находил наш народ опору в подвигах и деяниях пращуров. Так было и так будет всегда. Но, увы, не всегда берегли мы должным образом то, что олицетворяет бытие и свершения предков. Не всегда еще должно бережем и теперь, хотя, ко-

нечно, много лучше стали относиться к памятникам.

Но то другой разговор. Не праздничный. А нас ждет в храме Сергея Радонежского только что открытый музей «Куликово поле» — еще один подарок и заботливый хозяин-туляков и сотрудников Государственного исторического музея юбилею битвы. Давно и многие мечтали об этой экспозиции, и именно в этом храме, — нет лучших места в округе и для списков «Сказания о Мамеевом побое» и для доспехов русских дружинников и ратников; для щитов, мечей, стрелян, копий золотоордынских воинов; документов и реликвий, связанных с самим великим князем Дмитрием, ушедшим с этого поля на века Донским. Оговоримся сразу — многое из представленного сейчас в только что открытом музее видим мы в копиях. Но как они сделаны! Какая любовная точность, какая кропотливая, поистине ювелирная работа требовалась и была выполнена, чтобы все эти вещи не разрушили, а, наоборот, углубляли и конкретизировали то потрясающее чувство приобщения к былым, которое испытывает каждый, приехавший под это вечное Задонское небо.

Но вот маленькая витрина с надписью — «Реликвии с Куликова поля» — и в ней несколько проедренных ржавчиной, покрытых не патиной, но бурой коррозией времени наконечники стрел и копий соседствуют с простыми металлическими крестами и иконками, случайно поднятными, найденными на поле. Наконечник копья, например, принес рабочий, пропавший в долину Непрядвы, а там уже блещет в рассеивающемся тумане доспехи русской рати. И встают друг перед другом две силы, одной из которых суждено через несколько часов быть сломленной. Поют тревожно воинские трубы, ржут кони, кричат испуганные хищные птицы, кружа над полем. Как перед бурей все замедляет, так и войска на какие-то мгновения застыли перед первым, наверное, самым страшным броском. И вот уже летят навстречу друг другу с копытами наперевес Пересвет с Челубеем, и шибкоются, и падают замертво, и указывает Пересвет последним жестом на правившей копыте руки в сторону войска Мамая, туда, куда погонят росские ордынцев, и отлетает наконечник копья Пересвета... и летит он сквозь мглу веков, сквозь историю саму летит к нам, в век XX. Вот этот наконечник. А так ли все было? Давнее поверим.

Время сохранило мало реликвий битвы. Да это и понятно. Металлическое оружие в средние века ценилось высоко, и после сражения победители, конечно, собрали на поле все, что можно обнаружить. Так что и в XIX и в XX веке известны лишь случайные находки чудом сохранившихся вещей. Не велось на поле и систематических археологических раскопок, специалисты считают их бесперспективными: в силу огромной временной удаленности и протяженности пространства, которое пришлось бы исследовать. Но, быть может, все же стоит попытаться как-то планомерно, не сразу, конечно, прочесть археологам и историкам поле. Думается, что так оно со временем и будет. Центром этой работы кому, как не музею Поля, стать. И пример тому есть хороший. Военно-исторический музей на другом поле русской славы — Бородинском. Конечно, традиции там богаче, но опыт Бородина перенять неплохо бы на поле Куликовом. Ведь битва здесь, пожалуй, для России значение имела чуть ли не большее Бородинской. Не только победа, но национальное сознание и сила ковались в той битве. Недаром Кутузов в Тарутине перед решающим контрнаступлением на Наполеона говорил: «Река Нара станет для нас так же знаменита, как Непрядва, на берегах которой погибли бесчисленные полчища Мамая».

По примеру поля Бородинского хорошо бы и на Куликовом памятными вехами обозначить расположение полей, осыпанные точки сражения,

В Е Ч Н О Е П О

чтобы не умозрительно, а конкретно представляли себе паломники — здесь стоял полк правой руки, здесь у великокняжеского знамени пал любимец Дмитрия боярин Бренон, здесь нашли после битвы самого раненого великого князя, а здесь лет скошенных ордынцами сторожевой полк.

Об этом рассуждали мы, выходя из храма-музея и раздумывая, а как же нам самим по-лучше сориентироваться на просторах, полностью раскинувшихся за Красным холмом. Мы приехали на Куликово поле за несколько дней до открытия музея и не хотели мешать его сотрудникам в самую последнюю, самую ответственную стадию доводки, когда все как-то не ладится, меняются неожиданно какие-то элементы экспозиции, словом, вносятся последние штрихи в сложную гармонию картины.

Помог нам известный художник Василий Павлович Кривошорин. Он отложил этюд, который писал от стен храма Сергия, и повел нас по полю. Поначалу направились мы к памятнику Дмитрию Донскому. Колонна, искусно отлитая из черного чугуна, неуверенно устремляется вверх почти на 30 метров. По первому кругу опоясывают ее шиты, мечи, сабли, слава-ские надписи, а венчает знакомая уже нам златая глава.

Автор памятника — известный русский архитектор А. П. Брюллов, брат великого художника. Открыли памятник 3 сентября 1859 года при огромном стечении окрестных крестьян. Построили рядом с колонной крохотный на-раудный домик, куда поселили двоих оставшихся ветеранов Отечественной войны 1812 года — унтер-офицера Василия Лотанова и рядового Спиридона Калинин. С той поры и пошла «немогила» история Куликова поля.

Отсюда, с вершины холма, оно как на ладони. Не случайно Мамай разбил здесь свою ставку и всю битву простоял недалеко на холме, наблюдал сражение.

— Вот видите справа, в глубине поля, небольшая лесок, — говорил нам добровольный волонтер. — Там была зеленая дубрава, куда Дмитрий спрятал запасной полк, решивший исход битвы, а значит, и судьбу Руси. Помните, в «Сказании о Мамаевом побоище»: «Брат же своего, князя Владимира Андреевича, великий князь послал вверх по Дону в дубраву, чтобы он утаился от полков, и дасть ему достоящих воеводцев своего двора, удалых людей семнадцать, с ним же отпустил и своего именитого воеводу Дмитрия Волынца. Уже и ночь пришла. Была тогда тою ночью теплота великая и тихость большаа, заморозки росные начались...» Поле сильно обезлесело за прошедшие века. Но место, где была зеленая дубрава, хранили всегда свято. И недавно совсем посадили там новый лес — памятный.



Темнеет на фоне золотисто-желтого поля далекая зеленая дубрава, а за ней угадывается и сам Дон, безразсудно, казалось бы, оставленный великим князем за спиной своего войска. Историки гадают, и сейчас, что побудило Дмитрия так неоглядно двинуться через реку навстречу ордынцам, а затем разорить переправы, отрезав пути к отступлению. Только ли чисто военный гений полководца, точно рассчитавшего все тонкости будущего боя, учевшего и рельеф поля, не позволивший Мамаю развить свои знаменитые фланговые конные атаки? А может, и то, что понимал он: нет более пути назад, и выбор для русских невелик — победить или погибнуть, но не ввергнуться вновь в чрево жгущего басурманского, искушавшего уже донельзя русские земли. Конечно, и военный расчет был в той переправе и опасение за тылы свои. И идти за Дон надо было Дмитрию Ивановичу еще и для того, чтобы спину войска оградить рекой от возможного нападения.

Лес на месте Зеленой дубравы и стал теперь точкой отсчета, своеобразным ориентиром, по которому можно схематически перенести на местность и представить, как бросился вперед ордынская конница, сыпала стрелами, и встретил ее сторожевой полк, начав битву, какой не видал еще на Руси. Глоба наша пехота под конскими копьями, и вот уже порублен черной великокняжеской стлг с лном Спаса, пал возле него передовый в доспехи Дмитрия Донского боярин Михаил Бренон, но сдальцы и бранцы сумели восстановить положение. И враги тогда стали теснить левый полк, стремились сбросить его в Дон и Непрядву и растерзали затем фланг большого полка. Как скошенные, падали люди, устилали телами путь ордынской конницы, гибли под копьями раненые, дрогоу и стал отходить полк левой руки, все ордынцы атаковали в битву... и поставили спину засаде русских: «Выехали из дубравы зеленой, точно соколы прирученные оторвались от золотых колодок, ударили на великие стада журавлиные, на великую силу татарскую...» И оратились татары в бегство и побежали. Сыны же русские гнались и убивали их, точно лес рубили, точно трава под косяю поддается под конские копыта русских сынов. Многие раненые вставали и помогали русским удаляться, убивая татар без милости, но не могли уже хорошо сражаться, а сами изнемогали. И победил Мамай сам-девятым, как серый волк. Многие же сыны русские гнались вслед Мамаю, но не догнали его: уже кони их утомились, а сами они сильно устали... — так говорит «Сказание».

Можно представить себе, какая страшная панорама открывалась отсюда к вечеру 8 сентября 1380 года. Поле после битвы, усталые телами убитых и раненых, конские трупы, порубленные доспехи обвешивали саженным холмом осенний туман, кровавый лучах заходящего солнца. А в речах и нескольких дней после битвы текла вода, красная от крови.

И, будто уняла все это, сошли мы с холма и пошли, а затем поехали по пустыню поля. Разбитый проселок вывел нас в деревне Куликова, возникшей много позже битвы и доживающей, видимо, сейчас последние годы. Затянутые в глубине поля, разрушаются брошенные хозяйства дома, лишь в нескольких еще живут одинокие старики и старухи. А на холме, возвышающемся над центральной усадьбой местного совхоза, или в близкие и дальние города. Вокруг Куликова и соседней деревни Хооростяны, где как раз стояли русские полки, на сильно хатает глаз расстелаясь поля, на зеленые земли. И там, где ветер гонит по полям волны созревающего ячменя, кажется, будто новы степной клонится к земле.

— А что, можно здесь увидеть хоть кусочек нетронутой ковыльной степи? — спросили мы своего провожатого.

Нет на Куликовом поле сейчас ковыля, — грустно ответил художник. — Пару лет назад я с одним кинооператором все поле прошел. Искали ковыль. Говорили, что где-то на окраине, у леса, сохранился он. Не нашли.

И подумалось: как не здесь, не на поле Куликовом, быть заповедной ковыльной степи. Поработала эта кровью напоенная земля за века на славу, хлеб Родине своей давала честно, а теперь время подошло служить людям по-другому. Да и не столь в конечном счете велико по нашим понятиям Куликово поле, чтобы заметный ущерб был хозяйству от организации здесь заповедника. А польза огромная. Национальная, можно сказать, польза. Та забота, которая сейчас видна о Куликовом, не должна прекратиться после юбилей битвы. Уже сейчас ясны перспективы большой работы на поле ратной славы, и не стоит ею небрежать.

Между тем приближались мы к Дону, к тому самому месту, где впадает в него быстрая Непрядва. Отсюда, от устья Непрядвы, стал разворачивать Дмитрий полки. Он еще не знал, что название великой реки станет в истории составной частью его имени, подобно имени великого его предшественника князя Александра Ярославовича, слившемуся с на-

званием другой реки — Невы. Сейчас верховья Дона обмелели. Но высокие берега напоминают, каким мощным был он когда-то. Непрядва тоже была тогда полноводнее и спокойнее несла Дону свои воды. На высоких холмах над Непрядвой вспоминали мы гениальные стихи, лучшее, что было создано в русской поэзии о Куликовской битве:

Река раскинулась. Течет, грустит лениво
И мост берега.

Над крутой глиной желтого обрыва
В степи грустит стога.

О Русь моя! Жена моя! До боли

Нам ясен долгий путь!

Наш путь — степной татарской древней воли
Пронзил нам грудь...

И нежный бой! Покой нам только снится

Сквозь кровь и пыль...

Летит, летит степная кобылица

И жмет ковыль...

Александр Блок написал эти стихи вalemом от поля Куликова лесом подмосковном Шахматове, проводя судьбу России. Поэт назвал Куликовскую битву «символическим событием русской истории», которому «суждено возвращение». Она, считал поэт, несла России возрождение, и не случайно Блок после революции думал о большом произведении о Куликовской битве, пронзительно почувствовав таинственную связь двух великих событий в судьбах Отечества.

Много можно размышлять над значением Куликовской битвы. И непосредственным и исторически отдаленным, когда через сто лет после нее было наконец окончательно свергнуто ордынское иго. Но звуки битвы отзывались в душах чутких художников русских и через пять столетий. В том и символически случившегося на поле Куликовом, что оно помогало, например, человеку начала XX века, в годы тяжелой реакции, после поражения первой русской революции, осознать себя звеном непрерывной исторической цепи, сохранить веру в Родину, найти в себе силу и надежду для будущей борьбы. Как отчетливо проявляется это в монологе романтического Германа, героя незаслуженно забытой современным театром драмы Блока «Песня судьбы», героя, в образе которого легко узнается сам великий поэт, ищущий путь к России, народу:

«Все, что было, все, что будет... обступило меня: точно эти дни живу я жизнью всех времен, живу муками моей родины. Помню страшный день Куликовской битвы... Князь встал с дружиной из холма, земля дрожала от кирки татарских телег, орлиный клекот грозил невзгодой. Потом поползла зловещая ночь, и Непрядва убралась туманом, как невеста фатой. Князь и воевода стали под холмом и слушали землю: лебеди и гуси матежно плескались, рыдала вдовца, мать билась о стремя сына. Только над русским станом стояла тишина, и похлыла далекая зарница. Но ветер угнал туман, настало вот такое же осеннее утро. И так же, я помню, пахло гарью. И двинулся с холма сияющий княжеский стлг. Когда первые пали мертвыми, чернец и татарин, рати сшиблись, и весь день дрались, резались, грызлись... А серже войско весь день должно было сидеть в засаде, только смотреть, и пазнать, и рваться в битву... И воевода повторял, остерегая: рано еще, не настал наш час... Господи! Я знаю, как всякий воин в той засадной рати, как просит сердце работы, и как рано еще, рано!.. Но вот оно — утро! Опять — торжественная музыка солнца, как военные трубы, как далекая битва... а я — здесь, как воин в засаде, не смею биться, не знаю, что делать, не должен, не настал мой час! — Вот зачем я не сплю ночей, я жду всем сердцем того, кто придет и скажет: «Пробил твой час! Пора!»

...Мы смотрели в воды Непрядвы, и как бы сама река несла, отдавала теперь нам блоковские строки:

Мы, сам-друг, над степью в полночь стали:
Не вернуться, не взглянуть назад.
За Непрядвою лебеди кричали,
И опять, опять они кричат...

Вечерело, солнце закатывалось за обнесенную лесами реставраторов церковь села Рождество-Монастырщина. В прошлом веке она построена на том месте, где когда-то сам великий князь Дмитрий повелел срубить часовню из деревьев Зеленой дубравы в память павших. Здесь хоронили русских воинов. Вот под этими курганами, поросшими выгоревшей травой и алеющими татарником, спят уже шесть веков ратники московские, коломенские, переяславские, серпуховские, владимирские, костромские, брянские... Вечная память им. И низкий поклон Полю, где родилась новая, великая Россия.

Сегодня хочется представить читателям «Огонька» одно из великих творений русского гения, откуда ведет отсчет и современная наша проза и во многом русское историческое сознание. Это труд Н. М. Карамзина «История государства Российского».

По словам Белинского, труд Карамзина был и навсегда останется «великим памятником в истории русской литературы». Пушкин преклонился перед «Историей государства Российского». С годами «Пушкину становилось все яснее и яснее, что, несмотря на реакционную тенденцию некоторых выводов, труд Карамзина — явление грандиозное, плод ума могучего, светлого, проникнутого любовью к родине, что им наложены не соглашаться с историком, но нельзя недооценивать его научного подвига во славу России», — очень точно было сказано не так давно в журнале «Коммунист» (1979 г., № 8).

Подвиг Карамзина состоял прежде всего в том, что он положил начало современному русскому литературному языку. Карамзин, пишет Белинский, «преобразовал русский язык, совлекая его с ходуля латинской конструкции и тяжелой славящины и приблизив к живой, естественной, разговорной русской речи». Пушкин достиг недостижимых эстетических вершин языка, но утверждение норм языка — заслуга Карамзина. «История государства Российского» создавалась на протяжении по меньшей мере двух десятилетий. Сравнивая первые тома с последующими, можно увидеть, как стиль Карамзина обретал ясность, строгость, легкость, как под пером писателя рождался новый литературный язык.

Но Карамзин велик и другим. Его перо приобщало русскую читающую публику к знанию, пониманию и переживанию прошлого родной страны. Это и есть историческое сознание: когда вы чувствуете себя сопричастным великому целому, именному народу, когда его судьбу вы переживаете как собственную, храните в своей памяти ее драматические — радостные и печальные — события его истории, читая их, чувствуете свою кровную связь с ними. Этому и учил русских Карамзин.

Пристальное внимание автора «Истории государства Российского» естественным образом привлечено к тому, как это государство возникло. Россия рождалась в борьбе с иноземными вторжениями, в борьбе за независимость и свободу. Центральное событие этой борьбы — победа на Куликовом поле, красочно описанная Карамзиным, в чем читатель может удостовериться сам по публикуемому ниже отрывку.

Я пишу о страницах карамзинского труда и думаю о том, кто и где может их прочитать полностью. Книга фактически выпала из круга нашего чтения. Последнее ее издание вышло в начале века. Новое издание — назрела необходимость. Пусть публикация отрывка из «Истории государства Российского», посвященного Куликовской битве, послужит началом доброго дела.

Арс. ГУЛЫГА, доктор философских наук



О. А. КИПРЕНСКИЙ. Дмитрий Донской на Куликовом поле. 1805 г.

ДОПОЛЕ СУЩЕСТВУЕТ Р

Н. М. КАРАМЗИН

6 сентября войско наше приблизилось к Дону, и князь рассуждал с боярами, там ли ожидать монголов или идти далее! Мысли были не согласны. Ольгердовичи, князь Литовские, говорили, что надобно оставить реку за собою, дабы удержать робких от бегства, что Ярослав Великий таким образом победил Святополка и Александр Невский шведов. Еще и другое, важнейшее обстоятельство было опором его мнения: надлежало предупредить соединение Ягайла с Мамаем. Великий князь решился и, к ободрению своему, получил от св. Сергия письмо, в коем он благословлял его на битву, советуя ему не терять времени. Тогда же пришло весть, что Мамай идет к Дону, ежечасно ожидая Ягайла. Уже легкие наши отряды встречались с татарскими и гнали их. Дмитрий собрал воевод и, сказав им: «Час суда божия наступает», — 7 сентября велел искать на реке удобное место для конницы и наводить мосты для пехоты. В следующую утро был густой туман, но скоро рассеялся, войско перешло за Дон и стало на берегах Непрядвы, где Дмитрий устроил все полки к битве. В середине находились князь Литовские, Андрей и Дмитрий Ольгердовичи, Федор

Романович Белоозерский и боярин Николай Васильевич; в собственном же полку великокняжеском бояре Иоанн Родионович Квашня, Михаил Бренк, князь Иоанн Васильевич Смоленский; на правом крыле князь Андрей Федорович Ростовский, князь Стародубский того же имени и боярин Федор Грунка; на левом — князь Василий Васильевич Ярославский, Федор Михайлович Моложский и боярин Лев Морозов; в сторожевом полку боярин Михаил Иванович, внук Акифова, князь Константин Симеон Константинович Оболенский, брат его Иоанн Торусский и Андрей Серкиз; а в засаде князь Владимир Андреевич, внук Калитин, Дмитрий Михайлович Вольнский, победитель Олега и болгаров, муж славный доблестью и разумом. Роман Михайлович Бранский, Василий Михайлович Кашинский и сын Романа Новосильского. Дмитрий, стоя на высоком холме и видя стройные необозримые ряды войска, бесчисленные знамена, развешенные легким ветром, блеск оружия и доспехов, озаряемых ярким осенним солнцем, слыша всеобщие громогласные восклицания «боже! даруй победу государю нашему!» и вообразив, что многие тысячи бойдрых вятзей падут через несколько часов как усердные жертвы любви к отчизне, Дмитрий в умилении преклонил колена и, простирая руки к златому образу Спасителя, сивашему вдали на черном знамени великокняжеском, молился в последний раз за христиан и Россию; сел на коня,

обехал все полки и говорил речь каждому, называя воинов своими верными товарищами и милыми братьями, утверждая их в мужестве и каждому из них обещаю славную память в мире, с венцом мученическим за гробом.

Войско тронулось и в шестом часу дня увидело неприятеля среди обширного поля Куликова. С обеих сторон вожди наблюдали друг друга и шли вперед медленно, измеряя глазами силу противников: сила татар еще превосходила нашу. Дмитрий, пылая ревностью служить для всех примером, хотел сражаться в передовом полку: усердные бояре умоляли его юстаться за густыми рядами главного войска, в месте безопаснейшем. «Долг князя, — говорили они, — смотреть на битву, видеть подвиги воевод и награждать достойных. Мы все готовы на смерть; а ты, государь любимый, живи и предай нашу память временам будущим. Без тебя нет победы». Но Дмитрий отвечивал: «Где вы, там и я. Скрываясь назад, могу ли я сказать вам: братья, умрем за отечество! Слово мое да будет делом! Я вождь и начальник: стану впереди и хочу положить свою голову в пример другим». Он не изменил себе и великодушно: громогласно читая псалом: «Бог нам прибежище и сила», — первый ударил на врагов и бился мужественно как рядовой воин; наконец отъехал в середину полков, когда битва сделалась общеою.

На пространстве десяти верст лилась кровь христиан и невер-

ных. Ряды смешались: инде российские теснили моголов, инде моголы товарищами и милыми братьями, утверждая их в мужестве и каждому из них обещаю славную память в мире, с венцом мученическим за гробом. Войско тронулось и в шестом часу дня увидело неприятеля среди обширного поля Куликова. С обеих сторон вожди наблюдали друг друга и шли вперед медленно, измеряя глазами силу противников: сила татар еще превосходила нашу. Дмитрий, пылая ревностью служить для всех примером, хотел сражаться в передовом полку: усердные бояре умоляли его юстаться за густыми рядами главного войска, в месте безопаснейшем. «Долг князя, — говорили они, — смотреть на битву, видеть подвиги воевод и награждать достойных. Мы все готовы на смерть; а ты, государь любимый, живи и предай нашу память временам будущим. Без тебя нет победы». Но Дмитрий отвечивал: «Где вы, там и я. Скрываясь назад, могу ли я сказать вам: братья, умрем за отечество! Слово мое да будет делом! Я вождь и начальник: стану впереди и хочу положить свою голову в пример другим». Он не изменил себе и великодушно: громогласно читая псалом: «Бог нам прибежище и сила», — первый ударил на врагов и бился мужественно как рядовой воин; наконец отъехал в середину полков, когда битва сделалась общеою.

Мужественный князь Владимир, герой сего незабвенного для России дня, довершив победу,

стал на костях или на поле битвы, под черным знаменом княжеским и шел трубить в воинские трубы: со всех сторон съезжались к нему князья и полководцы, но Дмитрия не было. Изумленный Владимир спрашивал: «Где брат мой и первоначальник нашей славы?» Никто не мог дать о нем вестей. В беспокойстве, в ужасе воеводы расселись искать его, живого или мертвого; долго не находили, наконец, два воина увидели Великого князя, лежащего под срубленным деревом. Оглушенный в битве сильным ударом, он упал с коня, обеспамятел и казался мертвым, но скоро открыл глаза. Тогда Владимир, князь, чиновники, преклонив колена, воскликнули единогласно: «Государь, ты победил врагов!» Дмитрий встал: видя брата, видя радостные лица окружающих его и знамена христианские над трупами моголов, в восторге сердца изъясил благодарности небу; обнял Владимира, чиновников, целовал самых простых воинов и сел на коня, здоровый веселием духа и не чувствуя изнурения сил. Шлем и латы его были исцелены, но обгремены единственно кровью неверных; бог чудесным образом спас сего князя среди бесчисленных

ОТКРЫТИЯ

А. КУРИЛОВ,
кандидат
филологических наук

Литература Киевской и Московской Руси — одна из богатейших средневековых литератур мира, истоки которой восходят к IX веку. И сегодня, пожалуй, трудно представить, что еще каких-то двести лет назад никто даже не подозревал о ее существовании. Не подозревал вплоть до открытия в конце XVIII века «Слова о полку Игореве».

Такое стало возможным потому, что значительная часть произведений древнерусских писателей и прежде всего те, где изображалась жизнь нашего народа, русских земель, а также воспевались национальные исторические герои, была включена в состав различных летописей и летописных сводов и воспринималась исключительно как памятники исторической, а не художественной литературы. Историографы начала XIX века первыми встают на путь художественного открытия этих памятников древнерусской литературы, выявляя и вводя в эстетическое сознание общества новые произведения древнерусской литературы.

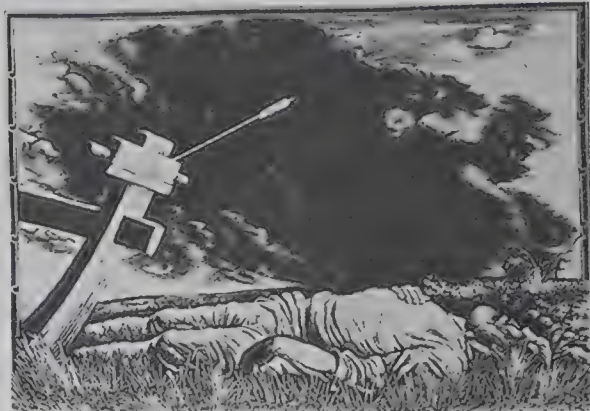
В то же время неправильно думать, что выявление и выделение из корпуса летописей художественных произведений было делом простым, тем более механическим. Достаточно сказать, что только двадцать лет спустя после открытия «Слова о полку Игореве» удалось выделить из состава летописей произведение, поэтическая природа которого признается всеми — и историками и филологами — сразу, без исключения и безоговорочно.

Это было «Сказание о Мамеевом побоище».

Почему же поиски нового памятника так затянулись и почему им становится именно «Сказание о Мамеевом побоище»? Что это, случайность, везение? Оказывается, нет.

Ведь реальное сознание читателей, историков, филологов, критиков тех лет опиралось на художественный опыт писателей и литературного времени, на поэтические системы классицизма с его ориентацией на античность и сентиментализма, где не было места для самобытных, уходящих в глубь веков национальных поэтических форм и традиций.

В этих условиях нужен был особый, исключительный дар, своего рода гений, чтобы вырваться из-под власти господствовавших представлений и понятий, хотя бы на миг отрешиться от них и суметь почувствовать, разглядеть оригинальную, самобытную художественность в литературном явлении принципиально иного порядка, каковыми были произведения древнерусских писателей. Все это оказалось под силу Н. М. Карамзину во время работы над



созданием «Истории государства Российского». Правда, не сразу.

Среди эмоционально не воспринятых и художественно не зафиксированных Карамзиным исторических описаний оказалась, например, «Повесть о разорении Рязани Батыем», где особое недоверие вызвал у него рассказ о подвиге Евлатия Коловрата — самое поэтическое место «Повести». Вот что нашел возможным сказать по этому поводу наш историкограф: «Вообще повесть сия основана, кажется, на одном предании; хотя не достоверна, однако ж достойна замечания». И прошла она в его «Истории» по разряду, как говорится, недостоверных свидетельств, а не в качестве «литерического» описания, именно потому, что эта «Повесть» была написана не в подражание «Слову о полку Игореве», а оригинально, в другой манере, в другом поэтическом и образном ключе.

Но вот в процессе своей работы Карамзин доходит до описаний, связанных с событиями Куликовской битвы, и замечает, что существует «два описания сей войны: одно действительно историческое и современное (тем событиям. — А. К.), находящееся в Ростовской и других достоверных летописях, а другое, напечатанное с разными отменами в Киевском Синодсе и в Никоновской летописи, баснословное...» (разрядка моя. — А. К.). «Баснословным» описанием, включенным в летопись и Синодсис, и было «Сказание о Мамеевом побоище».

В разделе, посвященном культуре и искусству Руси того времени, Карамзин уже прямо говорит об этом «описании» как самостоятельном художественном явлении: «Между тогдашними произведениями собственно нашей словесности достопамятны пиитическое изображение Куликовской битвы и похвала Димитрию Донскому. Первое, сочиненное рязанцем иереем Софронием, многими чертами напоминает Слово о

полку Игореве, хотя и менее стихотворно».

Это «напоминание» и явилось для Карамзина тем единственно достоверным свидетельством, что перед ним не историческое, а поэтическое произведение. Новый памятник отечественной художественной литературы был открыт. Значение этого открытия трудно переоценить. С осознанием «пиитических» свойств «Сказания о Мамеевом побоище» расширяется, делается более емким и развернутым само понятие о древнерусской художественной литературе. Открытие «Сказания» становится одновременно и открытием особого жанра древнерусской воинской повести, что в дальнейшем позволит нашим историкам и филологам обнаружить и выделить из состава летописей и рукописных сборников новые памятники древнерусской литературы.

Открытие «Сказания» не только подтвердило достоверность происхождения «Слова о полку Игореве», что само по себе было событием непреходящим, но и окрылило надежды наших филологов в их поисках новых произведений древней отечественной литературы.

И новые открытия не заставили себя ждать. Сразу же была замечена поэтичность «Повести о разорении Рязани Батыем», затем повестей о киевском купце Басарге и мунтунском воеводе Дракуле, открыто «Моление Даниила Заточника» и т. д. А уже в 1829 году И. М. Снегирев дважды издает «Сказание о Мамеевом побоище» как памятник собственно художественной древнерусской литературы, сделав тем самым его достоянием самого широкого круга читателей. К началу 40-х годов XIX века были художественно открыты десятки произведений, говорящих о большом творческом потенциале древнерусского общества. А в 1852 году увидела свет «Задонщина», став апофеозом публикаторской деятельности русских филологов того времени.

Россия

опасностей, коим он с излишней пылкостью подвергался, сражаясь в толпе неприятелей и часто оставаясь за собой дружину свою. Дмитрий, провожаемый князьями и боярами, обехал поле Куликово, где легко множество россиян, но четверо более неприятелей так, что, по сказанию некоторых историков, число всех убитых простиралось до двухсот тысяч. Князя Белозерские Федор и сын его Иоанн, Торусские Федор и Мстислав, Дорогобужский Дмитрий Моностырев, первостепенные бояре Симеон Михайлович, сын тысяцкого Николай Васильевич, внук Акинфов Михаил, Андрей Серкиз, Волуй, Бренко, Лев Морозов и многие другие положили голову за отечество, а в их числе и сергиев иннок Александр Пересвет, о коем пишут, что он еще до начала битвы пал в единоборстве с Печенегом, богатырем мамеевым, сразив его с коня и вместе с ним испустив дух; кости его и другого сергиева свяченночитая Ослыба покоятся доныне близ монастыря Симонова. Оставаясь над трупами мужей знаменитых, Великий князь платил им дань слезами умиления и хвалю наконец, окруженный воеводами, торжественно благодарил их за оказанное мужество, обещая наградить каждого по достоинству, и велел хоронить тела россиян. После в знак признательности к добрым сподвижникам, там убиенным, он уставлял праздновать вечно их память в субботу Дмитриевскую, доколе существует Россия.

ШЕДЕВР ИЗ ЯРОСЛАВЛЯ

Художники Древней Руси создали немало подлинных шедевров.

Помимо несомненных художественных достоинств произведения старых мастеров дают богатейший материал для изучения истории русского государства. К числу таких редкостных по своей документальности произведений следует прежде всего отнести икону XVII века «Сергий Радонежский в митине», с прикрепленной к ней доской, на которой изображены важнейшие эпизоды Куликовской битвы.

На этот памятник впервые, разбирая фонды Ярославского художественного музея, обратил внимание реставратор и искусствовед В. Ойлатов. Затем уникальная находка попала на реставрационный стол к одному из крупнейших русских специалистов по восстановлению древних икон В. Кирикову, и он вместе с А. Барановым воссоздал первоначальный вид драгоценной исторической реликвии. По окончании реставрации произведение было включено в постоянную экспозицию Ярославского музея. Здесь заведующий отделом древнерусского искусства И. Болотцева посвятила несколько лет изучению истории создания памятника, стараясь найти точное место, занимаемое редкой иконой в средневековом искусстве Ярославля. Исследователю удалось поновому взглянуть на различные аспекты творчества старых ярославских мастеров, в окружении которых работал художник, написавший Куликовскую битву.

Из архивных материалов стало известно, что изображение Сергия Радонежского с житем навилось ранее в Троицкой церкви Власьевского прихода города Ярославля. Попала икона сюда, вероятно, в конце 1640-х годов из Загорска.

Доска с изображением Мамаева побоища была приставлена к иконе Сергия после переноса последней в перестроенную церковь, уничтоженную пожаром. Это произошло около 1680 года. Возможно, тема Куликовской битвы была избрана художником в связи с 300-летием славной победы русских войск над Мамаем.

На длинной и узкой доске (112 x 30 см) художник блестяще komponует миниатюрное панно. Я не оговорился, именно миниатюрное, так как изображение включает сотню фигур, расположенных на сравнительно малой площади. Своеобразный живописный фриз воспроизводит основные моменты «Сказания о Мамаевом побоище» — от сбора войск в Москве и других княжествах до победного торжества русского оружия и бегства Мамаев. Центр композиции занимает битва на поле Куликовом, когда «уже великая гроза началась, земля стонет, поле Куликово перегибается, реки, точно живые, выступили из своих берегов...». Битва передана необычайно динамично. Все здесь в движении, в экспрессии, в тугом едином клубке смертельной схватки: всадники на вздыбленных хрипящих конях, поверженные окровавленные тела, заряжающие дыбом уже пускующие стрелы лучники, пешие воины, прикрывающиеся щитами...

К сожалению, нам пока неизвестно имя автора этой иконы. В искусствоведческой литературе принято безымянных художников называть по наименованию значительнейших из созданных ими произведений или месту их происхождения (например, «Мастер из Флемалля», «Мастер женских полуфигур», «Мастер дворцовой книги» и другие). Поэтому мы пока называем ярославского живописца, триста лет назад запечатлевшего картину великого сражения, «Мастером Куликовской битвы», надеясь, что настоящее имя замечательного художника удастся отыскать среди сохранившихся свидетельства прошлого.

С. ЯМЩИКОВ

1



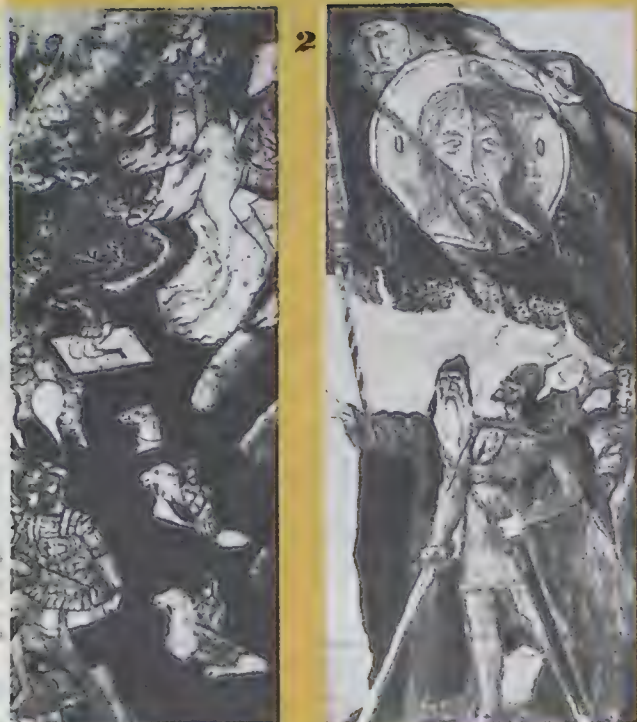
3

ЛУЧШЕ ЧЕСТНАЯ СМЕРТЬ,
ЧЕМ ПОЗОРНАЯ ЖИЗНЬ.

Ам. Донской.



ИЗ ГЛУБИНЫ СТОЛЕТИЙ



1 «Куликовская битва». XVII век. Фрагмент. Неизвестный художник. Ярославль.

2 Центральная часть триптиха П. Д. Корина «Дмитрий Донской». Эскиз. 1942.

3 «Связь времен». Плакат времен Великой Отечественной войны. Фрагмент.

4 Церковь Всех святых на Кулишках, в Москве, — замечательный архитектурный памятник XV — начала XVI веков, воздвигнутый по повелению Дмитрия Донского в честь русских воинов, павших в Куликовской битве. Восстановлена в 1980 году.



«В то утро 8 сентября 1880 года до реки наполнил густой туман, совсем как пятьсот лет назад. И точно так же, как тогда, с первыми лучами солнца он стал редеть и рассеиваться, открывая ровную беспредельность Поля».

Через все пространство его, задолго еще до прибытия губернских властей с почетными гостями, тянулись к памятнику несомняемые вереницы крестьян, и к 12 часам дня здесь собралось около двадцати тысяч человек.

Ветер шевелил флаги и ленты венков, которыми был убран бреловский монумент, и на широких ступенях его теснилась густая толпа.

Вскоре показались сверкающие на солнце медью шеренги полкового оркестра. Из села Монастырщина, где, по преданию, были захоронены павшие в битве, пыл, растекаясь над полем, долгие, печальные колокольные звоны.

Войска, шедшие сокрушительным строем, приближались к Красному холму и, развернув фронт, выстроились перед памятником: два батальона 6-го грендерского Гаврического полка, 2-я грендерская артиллерийская бригада и отряд гусар, расквартированных в Епифанском уезде для проведения летних учений.

Отзвучал молебен. Под раскаты артиллерийского салюта и тугую барабанную дробь войска тронулись церемониальным маршем. Шли в парадном строю усатые грендерцы, мерно покачивались в седлах молодежавшие гусары, а от подножия памятника на них молчаливо взирали потомки легендарных ратников Дмитрия Донского.

«Официозное это торжество кинуло в Лету, но массы крестьян у Красного холма подтверждали мысль Пушкина о том, что «слава соотечественников наших, действовавших на Куликовом поле, столь глубоко и справедливо укоренилась в мнении народном». Долго еще сохранялась в этих местах добрая традиция праздничных народных гуляний в день 8 сентября.

У памяти людской свои тропы. Из поколения в поколение бережно передавала она эхо той невиданной битвы, из века в век спорела по всем не вернувшимся с Поля, по их не родившимся сыновьям и дочерям.

Еще князь Дмитрий повелел построить в Москве, на Кулишках (ныне площадь Ногина) церковь Всех святых в честь десятков тысяч безымянных русских «воев», сложивших головы в иржавой сече.

Позднее собранные и обработанные былинны и предания, появившиеся вскоре после национального триумфа русской истории, летописная повесть о побойце на Дону, «Задонщина» и «Сказание о Мамаевом побойце», во все века желали в крестьянской избе и в уютной каморке бедного канцеляриста.

«С удовольствием прочтена мною сия книга. 1771 года апреля 28 дня. Крестьянин Борис Глебовский руку приложил».

Эту владельческую надпись читаем мы на одном из лицевых списков Сказания, хранящихся в Государственном Историческом му-

зее. На другом экземпляре, с ирра обложки, стоит:

«Сия история Иванова крестьянина Кирилла Григорьева его чести Аверкаского, а куплена сия кетрадь в Риге у Степана Егорыча села Буякова господина Лопухина... 1782 года».

Широкий нижний ящик громоздкого шкафа, сродни старинным бельевым комодам, выдвигается с трудом, открывая край тщательно переложенной папиросной бумагой тафты золотисто-персикового цвета. На средине ее разноцветными шелками нанесен грозный «Спас на убрусе» с предстоящими... Уникальная пелена Марии Тверской, вдовы князя Симеона Гордого, — самый ранний из дошедших до нас памятников московского шитья. Любопытны им, увы, можно только здесь, в ящике фондового шкафа музея, да на цветных репродукциях редких альбомов.

Тканая «летопись» пелены гласит: «В лето 6897 (1389) шит был воздух повелением великой княгини Марии Семеновны. Дочь князя, вставшего против насильной ханского баскака Шеклана и умерщвленного за это в Орде, тщилась выразить чувства своих соплеменников, только что переживавших Куликовскую битву и встал за ней тохтомышского нашествия. По краю покроя изображены восемь поясных фигур, в числе которых ярославские князья, убитые в Золотой Орде, и тезоименные святые герои Куликова поля Дмитрия Донского и Владимира Андреевича Храброго — Дмитрий Солунский и князь Владимир. Мерцающий и переливающийся серебристо-голубыми красками фон, торжественная композиция всего произведения, символика изображений и издвигшей дышат верой в победу светлого начала над силами зла. И суровый лик Спаса в центре словно перенесен сюда с воинских стогов, под которыми встретили страшный удар мамаяевой конницы русское войско.

В самый трудный для Родины час жила память народа становилась его опорой, источником непоколебимой стойкости и мужества. Так было в 1812 году. Так было в сорок первом.

Эскизы Павла Корина к монументальному триптиху «Дмитрий Донской», созданные в годы войны, стоят в одном ряду с работами художников фронтовой поры, обращенными к исторической теме.

«Лучше честная смерть, чем позорная жизнь» — эти слова, приписываемые Дмитрию Донскому, провозглашали в бой ополченцев с плаката художника В. Иванова и О. Бузова. И стеной копий вставала остроощаемая рать за штыками атакующих красноармейцев.

Людам старшего поколения хорошо знаком также плакат «Взвешенный в Огне ТАСС 20 августа 1942 года. Его автор П. Соколов-Скаля, стихи Д. Бедного:

Враг новый рыщет на Дону.
Поймем, братья, старину!
Почтим и прадедов и дедов.
Ударим так, чтоб никогда
Уж не восприняла орда
Осатанелых людоедов!

Этот наказ из глубины столетий, вечный завет быть достойными памяти пращуров свято храним мы в своем сердце и помине. Его унаследуют от нас наши дети. Вместе с немеркнущими образами героев той великой битвы.

Ю. ОСНПОВ

Э П О КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ

Л. Н. ГУМИЛЕВ,
доктор исторических наук

Шестьсот лет тому назад, 8 сентября 1380 года, рать Дмитрия Ивановича, великого князя Московского и Владимирского, столкнулась на берегу реки Непрядвы с войском темника Мамая и одержала полную победу, после чего начался подъем государственности и культуры Великороссии. Это всем известно. Но кто, с кем и из-за чего воевал? И почему одна битва стала началом столь грандиозного процесса? И что ей предшествовало?

Мы начнем рассказ о Куликовской битве с начала XIII века. В 1200 году Русская земля была страной изобильной, культурной и не угрожаемой ниоткуда. Византия, унаследовавшая от воинственных императоров династии Комнинов богатство и блеск образованности, дружила с единокровной Русью, не посягала на ее границы. На Западе росла мощь рыцарства и купеческой Ганзы, но барьер из литовцев, леттов, ливов и эстов предохранял русские княжества от агрессии немецкой и датской. Половцы, разгромленные Владимиром Мономахом, искали дружбы русских князей, крестились в православную веру целыми родами и отражали набеги сельджуков, представителей «мусульманского мира», в это время раздробленного на многочисленные султанаты.

Казалось, что благоденствие «украшено-украшенной» Русской земли будет продолжаться вечно, но эти слова извлечены из сочинения XIII века, называющегося «Слово о погибели Русской Земли». Автор этого трактата знал, что — описывает — он «золотую осень».

Хотя летопись «Повесть временных лет» начинает русскую историю с 859 года, из подлинной истории — истории славяноруссов (поляны и россомоны) известна уже в IV веке, а фактически процесс славянского этногенеза¹ начался во II веке. В XIII веке сила инерции первоначального взрыва этногенеза была на излете, что и отметил другой древнерусский автор в «Слове о полку Игореве», описывая княжеские усобицы. Усобицы — это феодальные войны. Они велись повсюду: между

баронами — во Франции и между эмирами — в Сирии, в Индостане — между раджапутами (князьями) и в Германии — между герцогами. Священной Римской империи, в Японии — между знатными родами Минамото и Тайра и в Англии — между королями и принцами крови. Хотя везде они имели разное значение для страны и народа, но только на Руси XIII века они повели к трагическому исходу.

Этногенез отличается от социального развития тем, что этот процесс прерывист и строго локализован в каждом отдельном случае. Однако все этногенезы похожи друг на друга тем, что они проходят одни и те же фазы: консолидации системы, «энергетического перегрева», надлома и инерционной фазы, при которой происходит накопление материальных и духовных благ при снижении мужества, инициативности и жертвенности как нормы поведения для подавляющего большинства населения. Этот упадок часто сменяется новым взрывом энергии, страсти, творчества и даже безрассудства, ведущего к гибели людей, но одновременно и к победе их идеалов и к процветанию государства, создаваемых их подвижниками.

Именно такой взрыв испытали в XII веке монголы и маньчжур-чжурчжени, и он был подобен тем, какие привели в движение арабов в VII веке, французов, немцев и скандинавов в IX веке, а до них славян и готов во II веке, давнув эти только что сложившиеся этносы либо на окраину Европы — в Испанию, либо со склонов Карпат в Восточную Европу, от лазоревых волн Адриатики до седых валов Балтики.

В XII веке две группы разрозненных племен сплелись в два могучих этноса, схватившихся насмерть друг с другом. Сначала торжествовали чжурчжени, затем военное счастье улыбнулось монголам.

В 1237—1241 годах Батый огнем прошел через Россию, после чего его войска отошли в прикаспийские степи. Точно так же, как через Русь, ордынцы прошли через Польшу и Венгрию, одержали победы при Лигнице и Шайо, но затем отошли на левый берег Волги, где им не угрожали контрудары побежденных, но непокоренных народов.

До 1260 года они везде одерживали победы, а к 1279 году захватили завоевание Южного Китая.

Как это могло произойти? Очевидно, в успехах кочевников «по-винны» не только победители, но и побежденные.

Но и в монгольском улусе было очень неблагоприятно. Для проведения западного похода Батый получил, кроме 4000 воинов собственных, войска трех своих дядей: верховного хана Угедея, «хранителя ясы» (нечто вроде обер-прокурора) Чагада и правителя собственно монгольских земель — Тулуя, младшего сына Чингиса. Сын Угедея, Гуюк, и сын Чагада, Бури, во время похода поссорились с Батыем так, что ему пришлось выслать их на родину, где отцы подвергли их опале. Но после смерти Угедея в 1241 году Гуюк оказался претендентом на престол, что грозило Батыю смертью, так как войска Гуюка и Бури ушли домой, и у него осталось всего 4000 воинов.

По монгольскому праву хан — должностная выборная. Выбрали по установившейся традиции цзевачей Чингисидов, но решающее слово произнесло войско, собравшееся для этой цели на курултай. А пока хан не выбран, никто не имел права что-либо решать. Выборы Гуюка затянулись до 1246 года, и это спасло жизнь Батыю. Предвещающие пять лет Батый употребил на то, чтобы подружиться с русскими князьями, в руках которых были денежные и людские резервы. То же самое стремился сделать Гуюк, и великий князь Ярослав Всеволодович, от позиции которого зависела судьба монгольской империи, стал выбирать себе подходящего хана в союзники. Сначала его симпатии склонились на сторону Гуюка. В 1248 году Гуюк умер при невыясненных обстоятельствах, а Батый в 1251 году посадил на престол своего друга и соавдминистра Мункэ, оставив за собой должностные главы ханского народа. Сторонники Гуюка и Бури были казнены.

Казалось бы, русским князьям не было смысла спасать своего поработителя Батыя. Так зачем же они это сделали? Разгадку этого странного поведения мы найдем не в летописях и житиях, а в анализе международного положения Руси XIII века, а также стран, окружающих с Русью, при учете широкой исторической перспективы.

За двести лет до описываемых событий Западная Европа только начинала свой экономический и культурный подъем. В XI веке европейское рыцарство и буржуазия под знаменем римской церкви начали первую колониальную экспансию — крестовые походы. Она окончилась неудачей. Сельджуки и курды выгнали крестоносцев из Иерусалима и блокировали их города на побережье Средиземного моря. Тогда крестоносцы стали искать добычу полнее. В 1204 году они захватили Константинополь, объявив греков таковыми еретиками, «что самого бога тошнит». Одновременно они начали продвижение в Прибалтику, основали Ригу и подчинили себе пруссов, леттов, ливов и эстов. На очереди был Новгород. Александр Невский двумя побе-

дами остановил натиск шведов и крестоносцев, но ведь Прибалтика была страшна не сама по себе. Она являлась плацдармом для всего европейского рыцарства и богатого Ганзейского союза северонемецких городов. Силы агрессоров были неисчерпаемы, тем более что искусной дипломатией они привлекли на свою сторону литовского князя Миндовга и навредили литовцам на Русь.

Конечно, на Русь было много храбрых людей, богатых городов, обильных угодий, но удельная дезорганизация препятствовала консолидации сил, и город за городом становился жертвой врага: Юрьев, Полоцк. А ведь это были форпосты Руси!

И тут в положении, казавшемся безнадёжным, проявился страстный до жертвенности гений Александра Невского. За помощь, оказанную Батыю, он потребовал и получил помощь против немцев и германфилов, в числе которых оказался его брат Андрей, князь Владимирский, сын убитого ордынцами Ярослава. В 1252 году Андрей был изгнан с родины татарскими войсками, и вскоре затем остановилось немецкое наступление на Русь.

Жизнь князя Александра была исключительно трудной. Он дважды (в 1240 и 1242 годах) спас Новгород от позорной капитуляции, отогнал литовцев, захвативших даже Бежецк и победивших московского князя Михаила Хоробрита, но за это (I) новгородцы изгнали его из города, а владимирцы передались его бездарному брату Андрею. Александр потерял отца, отправленного в ставку хана Гуюка, и, наконец, был вынужден казнить своих земляков, чтобы не дать им убить монгольских послов, ибо монголы страшно мстили за гостеубийство, как за худшую форму преступления. Он нарушал каноны православия в понимании того времени, потому что пил кумыс и ел конину, находясь в гостях у Батыя. И он побратался с сыном завоевателя — Сартаком, а после его гибели помирился с его убийцей — ханом Берке. И все свои поступки князь оправдывал одной фразой: «Больше любви никто же не имеет, аще тот, что душу положит за други своя».

Зато после смерти Александра, когда немецкие рыцари в 1269 году снова решили напасть на Новгород, чтобы разграбить этот богатейший на Руси город, оказался весьма полезной поддержкой небольшого татарского отряда. Узнав о появлении степняков, немцы оттянули войска за реку Нарву и просили мира, «зело бо бояхуся и имени татарского»: ка-

¹ Этногенез — наука о происхождении и развитии народностей.



А. Ивон. КУЛИКОВСКАЯ БИТВА. (Фрагмент). 1850.



М. Авилов. ПОЕДИНОК ПЕРЕСВЕТА С ЧЕЛУБЕЕМ. 1943.





А. Бубнов. УТРО НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ. 1943.

толическая агрессия захлебнулась.

И все-таки героический гений Александра Невского спас Русскую землю лишь от западных завоевателей. Обывательский эгоизм, взращенный в тепличных условиях изолированной Руси, был в XII—XIII веках присущ и князьям и старцам градским, дружинникам и смердам. Именно этот этнический стереотип поведения был объективным противником Александра и его ближних бояр, то есть боевых товарищей. Но сам факт наличия такой контрверсы показывает, что наряду с процессами распада появилось новое поколение — героическое, жертвенное, патристическое. Иными словами, появились люди, ставящие идеал (или далекий прогноз) выше своих личных интересов или случайных капризов. Пусть их в XIII веке были единицы, а в XIV веке их дети и внуки составили уже весомую часть общества и были затравкой нового этноса, впоследствии названного «великороссийскими».

Взрыв этногенеза — явление стихийное, связанное с тем или иным регионом и потому захватывающее разные этнические субстраты. Так и здесь, не только русичи, но и литовцы проявили незаурядную активность, и в эти же десятилетия в западной части Малой Азии сложился этнос турко-османов. Но общей между этими новорожденными этносами была толстая покровная активность, или, как теперь ее называют, пассионарность (страстность), а культурные традиции, экономические отношения и социальные структуры были во всех случаях оригинальны. Поэтому литовцы, османы и русские имели свои неповторимые судьбы. А не затрутенное этническим взрывом Поволжье находилось в состоянии быстрого и неотвратимого упадка под нажимом чужой культуры купеческих городов и оседлых аборигенов.

В Золотой Орде тоже шли процессы этногенеза. 20 тысяч монголов улуса Джучиева расселись по трем ордам: Большой, или Золотой, на Волге, где правили потомки Батия; Белой — на Иртыше, доставшейся старшему брату Батия Орде-Ичигу; Синей орде хана Шейбана, чочевашей от Аралского моря до Томен. При таком расщеплении децентрализация наступила быстро, и на начало XIV века монголы смешались с половцами настолько, что стали неразличимы. И тогда на них навалилась культурная сила ислама, столь же активная, как на Западе была сила католицизма. Иные ханы: Берке, Шейбан, Туда-Менгу — принимали ислам лично, не принуждая подданных следовать их примеру. Но в 1312 году царевич Узбек, захватив престол, объявил ислам государственной религией, обязательной для всех его кочевых подданных. Монгольские войны отказались «принять веру арабов». Тогда Узбек казнил всех не подчинившихся, в том числе семьдесят царевичей. Вероятно, в летописи по этому поводу имеется лишь одна фраза: «Узбек шел на царство и обесчерешил» (Смиева, 1313).

Невозможно допустить, чтобы летописец не понял грандиозности события, превративших кочевую державу в заурядный мусульманский султанат. Но говорить об этом он не хотел. Вероятно, у него были и тому достаточные основания: у хана были очень длинные руки.

Отношения между Золотой Ордой и Русью при Узбеке изменились радикально. Вместо этнического симбиоза появилось соглашение Орды с Москвой и жетгоний нажим на Тверь и Рязань. Этот союз не

был искренним. Обе стороны не доверяли друг другу. Узбек поддерживал Юрия Данилыча Московского потому, что его предшественник — Тохта, носитель и защитник традиций кочевой культуры, поддерживал Михаила Тверского, честного, открытого, непредвзятого. Узбек же был ближе москвичам, будущим своему выгоду, подобно алчным и хитрым купцам, доходы коих зависели от хана. Но ставка хана на князя-приказника была ошибочной, так как в княжестве существовала еще и народ, состоявший из земледельцев и бояр, служивших людям и монахам, местных уроженцев и эмигрантов из Киева, Чернигова, Волыни, пустышники из степей и из постоянных набегов татар и литовцев. Все было в быстром и направленном движении. Поэтому единение ордынского султана с московским князем оказалось недолговечным.

Сделаем вывод. Процесс этот продолжался до тех пор, пока ординцы были язычниками или христианами-несторичанами, то есть не входили в чужой и враждебный Руси суперэтнос. Сама по себе смена религии не имела бы значения, но с ней было связано изменение политического курса, направления культуры и всего строя жизни. Став из степного хана мусульманским султаном, Узбек сделал ставку на купеческий капитал торговых городов Поволжья и Ирана, отодвинув на задний план интересы земледельческой Руси и кочевой степи. В XIV веке на Руси антиордынские настроения выкристаллизовались в мощное движение, связанное с новым взрывом этногенеза, которое возглавил Сергей Радонежский. Именно оно толкнуло русских людей на Куликово поле, где бой шел не с «погаными», то есть язычниками, а с «басурманами», или мусульманами, представителями чуждого мира и враждебной системы. Именно здесь началась грандиозная борьба, закончившаяся полной победой русских.

Мусульманские султаны Сарая Узбек и Джанибек всеми способами выжимали из Руси серебро, необходимое им для оплаты армии, но они же защищали кормилицу Русь от натиска литовцев, захватывавших город за городом, область за областью. Победоносная Литва подчинила себе Полесье, Черную Русь, Волынь, Киев, Полоцк и танулся к Твери, Рязани и даже Москве. Князь Гедимин, Ольгерд и его сын Ягайло имели в своем подданстве больше русских людей, нежели литовцев. А литовцы подчинялись обаянию русской культуры, завоеванного населения, принимали православие, женились на боярынях, учили русскую грамоту, удачно воевали с татарами и москвичами. Казалось, что Вильна вырвет у Сарая гегемонию в Восточной Европе, и реальный шанс для такой замены появился в 1356 году.

Узбек и Джанибек, сменяя веру и обычаи, выигрывали материально, приобретая симпатии мусульманских купцов богатых городов Поволжья. Но они потеряли морально, ибо те кочевники, которые служили им не за страх, а за совесть, откатнулись от разрушительной степных традиций.

Лишь на Востоке, в Белой орде, хан Тохтамыш мог доверять своим подданным, и на Западе, в Крыму, темник Мамай отдавал приказы своим нукерам.

Войско Мамай не разложилось вместе с Золотой Ордой, а сам он, обладая надежным войском, мог возродить и менять чингисидов по своему усмотрению. Мамай был близок к тому, чтобы

уничтожить Золотую Орду, но ему мешали три обстоятельства: наличие в Заволжских степях не разложившихся кочевников Тохтамыша, нехватка денег для оплаты достаточно большого войска и отсутствие сильного союзника. Деньги дали генуэзцы, владевшие тогда городами на южном берегу Крыма; на эти деньги Мамай нанял воинов из ясов и кесов. А союзником его стал Ягайло литовский, сторонник католической Европы. Но с Дмитрием и Тохтамышем воевать Мамаю пришлось.

Безусловно, на Москве не было единого мнения по поводу всех этих ордынских дел.

Защита самостоятельности государственной, идеологической, бытовой и даже творческой означала войну с агрессивней Западом и союзной с ней ордой Мамай. Именно наличие этого союза придало остроту ситуации. Многие считали, что куда проще было подчиниться Мамаю и платить дань ему, а не ханам в Сарая, пустить на Русь генуэзцев, предоставив им концессии, и в конце концов договориться с папой о восстановлении церковного единства. Тогда был бы установлен долгий и надежный мир. Любопытно, что эту платформу разделяли не только некоторые бояре, но и церковники, например, духовник князя Дмитрия — Митяй, претендовавший на престол митрополита. Мамай пропустил Митяя через свои владения в Константинополь, чтобы тот получил посвящение от патриарха. Но Митяй по дороге внезапно умер.

Сторонники этой платформы были по складу характера людьми спокойными, разумными обывателями. Им противостояла группа патриотов, чьим идеологом был Сергей Радонежский.

Москва занимала географическое положение куда менее выгодное, чем Тверь, Углич или Нижний Новгород, мимо которых шел самый легкий и безопасный торговый путь по Волге. И не накопила Москва таких боевых навыков, как Смоленск или Рязань. И не было в ней столько богатств, как в Новгороде, и таких традиций культуры, как в Ростове и Суздале. Но Москва превратила инициативу объединения Русской земли, потому что именно там скопились страстные, энергичные, неукротимые люди. Они рождали детей и внуков, которые не знали иного отечества, кроме Москвы, потому что их матери и бабушки были русскими. И они стремились не к защите своих прав, которых у них не было, а к получению обязанностей, для обеспечения несения которых полагалось «городское жалованье». Тем самым служилые люди, используя нужду государства в своих услугах, могли служить своему идеалу и не беспокоиться о своих превах; ведь если бы великий князь не заплатил вовремя жалованья, то служилые люди ушли бы, а государство осталось без помощников и сам бы пострадал.

Эта оригинальная, непривычная для Запада система была столь привлекательна, что на Русь стекались и татары, не желавшие принимать ислам под угрозой казни, и литовцы, не симпатизировавшие католицизму, и крепкие половцы, и меряне, и муромы, и мордва. Девиз на Москве было много, служба получилась было легко, пища стоила дешево, а воров и грабителей вывел Иван Калита. Но для того, чтобы это

скопище людей, живущих дружно и в согласии, стало единым этносом, не хватало одной детали — общей исторической судьбы, которая воплощается в коллективном подвиге, в свершении, требующем сверхнапряжения. Именно эти факты являются концом только биологического становления и началом исторического развития.

Когда же народу стала ясна цель — защита не просто территории, а принципа, на котором надо было строить быт и этику, мировоззрение и эстетику, конечно, все, что ныне называется оригинальным культурным типом, то все, кому это было доступно, взяли оружие и пошли биться с иноверцами: половцами, литовцами, генуэзцами (чья вера считалась неправославной) и с отступниками — западными русскими, служившими литвинку Ягайло. Только новгородцы уклонились от участия в общерусском деле. Они больше ценили торговые пути, выгодные сделки, контакты с Ганзой, несмотря на то, что немцы не признали новгородцев равноправными членами этой корпорации. Этим поступком Новгород выделил себя из Русской земли и через 100 лет подвергся завоеванию, как враждебное государство. Но будем последовательны: Новгород сохранил черты культуры, присущие древнерусским городам, и, подобно им, пал жертвой воспитанного и отработанного близорукго этноза. А вокруг Москвы собралась Русь преобразованная, способная к подвигам, вплоть до жертвенности. Благодаря этим качествам Москва встала против Орды и ее союзников.

У Мамай же была механическая смесь разнообразных этносов, чуждых друг другу, не спящих ни днем, кроме приказов своего темника. Поэтому одна проигранная битва смогла опрокинуть державу Мамай, как карточный домик.

На Куликово поле пошли рати московичей, владимирцев, суздальцев и т. д., а вернулись рать русских, отправивших жить в Москву, Владимир, Суздаль и т. д. Это было началом осознания ими себя как единой целостности — России.

И, наконец, учтя все сказанное, мы сможем поставить вопрос о соотношении древнерусской и великорусской культур. Существует мнение, с которым согласился даже А. С. Пушкин, что XIV—XV века — темное пятно русской истории, причина последовавшего отставания России от Европы. Но ведь именно в эту эпоху работал Андрей Рублев, произносили огненные слова Нил Сорский и Василий Патрикеев. Именно тогда русские рати останавливали войска Литвы и Польшу, заставляли католического натиска на восток, и тогда же другие русские войска присоединили древнюю Биармию или Заволоцкую Чудь, а также устояли против набегов Тимура и Эдигея. Видимо, великий поэт, находившийся на уровне науки своего времени, недооценивал огромность творческого взлета системной целостности, возникшей накануне Куликовской битвы вокруг Москвы. Русь начала создавать очажь сопротивления, а потом перешла в контрнаступление.

Таким образом, мы можем датировать «пусковой момент» великорусского этногенеза XIII и XVI веками, а осознание русскими себя как целостности — 8 сентября 1380 года.

«...НАЧАЛО ВЫСОКИХ И МЯТЕЖНЫХ ДНЕЙ»

Николай ЯЗЫКОВ

БАЯН К РУССКОМУ ВОИНУ

ПРИ ДМИТРИИ ДОНСКОМ,
ПРЕЖДЕ ЗНАМЕНИТОГО
СРАЖЕНИЯ ПРИ НЕПРЯДЕ

О бранный витязь! Ты печален,
Один, с поникшею главой,
Ты бродишь, мрачный и немой,
Среди могил, среди развалин;
Ты видишь в родине своей
Следы пожаров и мечей.

И неужель трава забвенья
Успевает вырасти на гробах,
Пока не вспыхнет в сих полях
Война решительного мщенья?
Или замолкла навсегда
Твоя за родину вражда?

Твои отцы славяне были,
Железом страшные арагам;
Чужие руки их рукам
Не цепи — злато приносили.
И не свобода ль им дала
Их знаменитые дела?

Когда с толпой отважных братьев
Ты грозно кинешься на бой, —
Кто сильный сдержит пред тобой
Врагов тьмочисленные рати?
Кто сгонит бледность с их лица
При виде гневного бойца?

Рука свободного сильнее
Руки, измученной ярмом, —
Так с неба падающий гром
Подземных грохотов звучнее,
Так песнь победная громче
Глухого скрежета цепей!

Не гордый дух завоеваний
Зовет булат твой из ножен:
За честь, за веру грядет он
В твоей опомнившейся длани —
И перед челами татар
Не промахнется твой удар!

На бой, на бой! — И жар баянов
С народной славой оживет,
И арфа смелых пропоет:

«Конец владычеству тиранов:
Ужасен хан татарский был,
Но русский меч его убил!»

20 августа 1823

Александр БЛОК

ИЗ ЦИКЛА
«НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ»

И мглою бед неотразимых
Грядущий день заволокло.
Вл. СОЛОВЬЕВ

Опять над полем Куликовым
Взошла и расточилась мгла,
И, словно облаком суровым,
Грядущий день заволокло.

За тишиною непробудной,
За разливающейся мглой
Не слышно грома битвы чудной,
Не видно молнии боевой.

Но узнаю тебя, начало
Высоких и мятежных дней!
Над вражьем станом, как бывало,
И плеск и трубы лебедей.

Не может сердце жить покоем,
Недаром тучи собрались.
Доспех тяжел, как перед боем.
Теперь твой час настал. — Молись!

23 декабря. 1908

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

(ария для кантаты Ю. Шапорина)

Я живу в отдаленном скиту
В дни, когда оледают листья.
Выхожу — и стою на мосту
И смотрю на речные цветы.

И смотрю за туманы и гарь,
Как из той из туманной дали
Чередой потянулись, как встарь,
Гуси, лебеди да журавли...

Дайте вольные крылья своим,
Гуси, лебеди да журавли...
Ах, когда на призывы мои
Он вернется из дальней дали!



Материалы
этого номера
«Огонька»
иллюстрированы
работами
советского графика
С. Харламова
из серии
«Куликовская
битва».

Боже, в черные ночи и дни
Ты храни жениха моего,
Упаси ты от вражьи стрелы,
Сохрани ты от сабли его...

3 ноября 1919 года

Иван БУНИН

ПОСЛЕ БИТВЫ

Воткнув копьё, он сбросил шлем
и лег.
Курган был жесткий, выбитый.
Кольчуга
Колола грудь, а спину полдень
жег...
Осенней сушью жарко дуло с юга.

И умер он. Охостенел, застыл,
Припав к земле тяжелой головою.
И ветер волосами шевелил,
Как ковылем, как мертворо
травой.

И муравьи закопошились в них...
Но равнодушно все вокруг
молчало,

И далеко среди полей нагих
Копьё, в курган воткнутое,
торчало.

Алексей Н. ТОЛСТОЙ

ТРАВА

Лерепелка припала в траве,
Завенела стрела в тетиве,
И впились между крылышек медь,
А трава начинает шуметь.
Ты зачем зашумела, трава?
Напугала ль тебя тетива?
Перепелочья ль кровь горяча,
Что твоя закачалась парча?
Или ветром по полю умчалось
без края

Неизносное горе мое!
Но не ты ли, трава, шелесть
и кивая,

Роковое сокрыла копьё?
И, как птица в тебе, золотая
подруга

От татарина злого бегла.
Натянулась татарская, метко
и туго,
И подругу догнала стрела,
И приняла эмсеею, и в девичью
спину,
Закровавше, до перьев ушла.
Так не с этой ли крови колышешь
равнину
И по ветру волной полетишь?

1909

Анна АХМАТОВА

По той дороге, где Донской
Вел рать великую когда-то,
Где ветер помнит супостата,
Где месец желтый и рогатый, —
Я шла, как в глубине морской...
Шиповник так благоухал,
Что даже превратился в слово,
И встретить я была готова
Моей судьбы девятый вал.

Николай ТИХОНОВ

Безграничное снежное поле,
Ходит ветер, поземкой пыля, —
Это русское наше раздолье,
Это вольная наша земля.
И зовется ль оно Куликовым,
Бородинским зовется ль оно,
Или славою оваяно новой,
Словно знамя опять взметено, —
Все равно — оно кровное наше,
Через сердце горит полосой.
Пусть война на нем косит и пашет
Темным танком и пулей косой,
Но героев не сбить на колени,
Во весь рост они встали окрест,
Чтоб остался в сердцах поколений
Дубосекова темный разезд.
Поле снежное, снежные хлопья
Среди грохота стен огневых,
В одиноком промерзшем окопе
Двадцать восемь гвардейцев
родных!

Из тайги от Милона пришло только одно письмо. Поздней осенью, когда улицы города уже надежно прикрыл хрупкой снежком. На конверте адрес был написан чужой рукой, штемпель совсем неразборчивый. Милон писал на листке тетрадной бумаги химическим карандашом:

«Здравствуйте, папа и мама, здравствуй, Андрей! Забрались мы в такие дебри, куда и Макар телят не гонял, в знаменитую Ермачетскую тайгу. По нашим расчетам, километров на триста пятьдесят от железной дороги, а от ближайшего жилья километров на сто семьдесят. Занима промысловая. Работаем в горах. Множество светлых ручьев. Орехи кедровые, грибы, ягоды, дичь полно. Ну есть и болота. А вообще красота неопишущая. Не понимаю, почему папа так эту тайгу не любил, лучше же, по-моему, на земле места нету. Одно жаль, скоро мне отсюда придется выезжать на призывной пункт. Начальник наш договорился с кем полагается, что призовут меня здесь, в Ермачете, в свой город возвращаться не надо. Значит, пока не увидимся. А работа мне очень нравится. Нас четыре плотника, строим из круглых бревен вышки, метров по пятьдесят выше высотой. Взаберемся на вышку, вся тайга, море зеленое, лежит у тебя под ногами. Птицей свободной полететь над ней хочется».

Деньги, что здесь я заработал, все переведу, как приеду в Ермачет, мне они совсем не нужны.

Андрей, передай привет прорабу Федору Ильичу и еще не забудь — большое от меня спасибо. Ну и всем из нашей бригады тоже привет. Всех родных обнимаю. Милона».

С этим письмом в конверте лежало другое. «Глубокоуважаемые Арсентий Данилович и Евдокия Антоновна, с глубоким прискорбием сообщая вам, что ваш сын Милон Арсентьевич 24 сентября этого года трагически погиб, выполняя с другими плотниками порученную ему работу по сооружению триангуляционного знака. Он сорвался с высоты 47 метров и разбился насмерть. Неожиданный ураганный ветер с дождем и снегом захватил его на наклонно стоящем бревне, которое он не успел закрепить и затем сплутиться на промежуточную площадку. Милон Арсентьевич был душевно открытым, заботливым товарищем и отличным мастером своего дела».

Намерение вывезти его тело в Ермачет и там похоронить, к горю нашей, не удалось осуществить из-за глубоких снежных завалов, надолго отрезавших все пути сообщения. С должными почестями мы погребли Милона Арсентьевича близ знака, места его гибели, это примерно в двухстах семидесяти километрах к северу от Ермачета.

Вместе с вами печально склоняем головы. Мужайтесь.

Начальник геодезической съемочной партии И. Вахромеев.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 34, 35.

Заработанные Милоном Арсентьевичем деньги высылаю отдельно почтовым переводом».

Эти письма, вернувшись поздним вечером с работы, Андрей нашел на кухонном столе, рядом с зажженной керосиновой лампой. Он сразу узнал почерк брата, схватил его письмо, отбросил другое, чужое, и радостно крикнул в дверь, ведущую в комнату отца с матерью и отдаленную от кухни только ситцевой занавеской:

— Вот это здорово! Мам! Папа! Ну, чего тут пишете Милон! Давайте вместе почитаем.

В ответ Андрей услышал глухие рыдания матери. Он откинул занавеску. Мать стояла на коленях у кровати, на которой, вытянувшись и странно запрокинув голову, лежал отец. Хриплое дыхание редко и неровно вырывалось из его груди. А на табуретке, придвинутой к изголовью, набросаны были мокрые полотенца, комки ваты, скрутившаяся в трубку клеенка. Душный запах горючки смешивался с каким-то еще более острым аптечным запахом. На полу блеснули осколки от разбитой склянки с лекарством.

Да что же это такое: письмо от Милона, так долго ждали этой весточки, всем бы сесть к столу, веселиться, читать и перечитывать заветный листок, а сердце, бедное сердце отца сдавило тяжкая боль столь не вовремя!

— Андрюшенька, сыночка, беги скорее, скорее за доктором, — произнесла мать, припадая к нему и подавая слезы. — Никак я сама отойти не могла. Милон-то наш...

Он не дослушал последних слов матери. Он видел: отцу очень худо. Каждая минута, даже секунда сейчас дороги. Только успеть бы, успеть. Бежал по темной снежной дороге, оступаясь, скользкая на ее неровностях и думая лишь об одном: застать бы на месте машину «Скорой помощи». Машину Андрей на месте застал. Но «Скорая помощь» уже не застала Арсентия Даниловича в живых. И жизнерадостное письмо Милона с трезвым письмом начальника геодезической партии Андрей прочел после того, как закрыл отцу глаза.

Так для Андрея в их дом вошли две смерти одновременно.

— Ну, как мы, Андрюшенька, жить с тобой будем теперь? — спросила мать на следующий день после похорон, когда к вечернему чаю за стол сели вдвоем, а третью чашку она по привычке было поставила. — С чего к нам судьба так немилостива?

Он знал, почему судьба к ним так немилостива, знал и как зовут эту судьбу, но разве можно об этом рассказывать матери! Ничего не изменишь, только новые, ненужные страдания ей причинишь. Пока попривыкнут к еще большей пустоте в доме, уже образовавшейся после ухода Милона, жить, конечно, будет им нелегко. Грустно. Он, Андрей, целый день все-таки на народе, а матери с отцом только и было радости, что ожидать добрых вестей от Милона, строить планы, как, отслужив в армии, старший сын вернется домой и обзаведется семьей. Теперь для матери нет ни этого, столь желанного будущего, нет и той постоянной душевной опоры на прошлую свою жизнь, все же счастливо прожитую с отцом, со своим дорогим Арсентьевичем. Остался ей один свет в окне — сын Андрей. В нем и прошлое, и настоящее, и будущее.

— Проживем, мама, — сказал он.

И подумал, что вот теперь он, и только он, будет ответственным за все решения, какие придется ему принимать. Совет матери, конеч-

но, тоже всегда пригодится, но это лишь совет. И не больше. А выбирать лучший путь из многих неизвестных путей надо уже самому. Отцовские наставления казались порой и недо-едливыми, скучными и очень уж простыми — мы же сами с усами! — а как хотелось бы сейчас его спросить о многом. Не спросишь. Сам соображай, Андрей. Из мужчин ты в доме единственный и самый старший, тебе восемьдесят лет. А появится ли в доме другая женщина, кроме матери! Она, когда задавала вопрос «как будем жить», видела в нем по-прежнему еще мальчика. Но ведь постепенно она примет строить свои планы и о нем, как строила их о Милоне, и этот ее вопрос «как будем жить» неосознанно уже содержал надежду на то, что он, Андрей, из мальчика скоро станет юношей, женихом, и тогда...

А он после ухода Милона, после трудного с ним разговора в лесу уже на жизнь смотрит не прежними глазами. Он хочет о ней знать все. Как это знают старики. Как знал отец.

Но о том, что больше всего в жизни пока ему непонятно, с отцом он поговорить не успел. Вернее, не поспел. Потому, что об этом все говорят по-разному. А смысл как бы один: любовь — роса, пыхнет ветерок — и нет ее.

Почему же Милон не принял этот смысл как оправдание того, страшного для него дня! А ведь было у Милона потом и еще много времени, чтобы хорошенько подумать. Когда в тайге он писал свое письмо, он писал его спокойной, холодной рукой. А об Ольге ни слова, ни намека о том, что сожалеет об уходе из дома. Значит, была у него любовь. А не роса вечерне-утренняя...

7

Андрей несколько дней ходил и все время думал об этом. Вспоминал разговор с отцом и матерью, когда он принимался объяснять, каким образом, не заходя домой, Милон уехал в тайгу с геодезической партией.

— Так у него получилось, — сказал он им тогда. — Ко мне, ну, на стройку, прибежал Милон. От поту весь мокрый. Вербовщик, с которым он договор подписали, уже выезжал. Отдать от него он не мог.

— До тебя добежал, а до дому — времени не хватило, — грустно проговорила мать. — И чем его эти землемеры соблазнили!

— А ночь он где же провел? — спросил отец.

— Так он же с вечера еще наеялся. По объявлению, — пугался Андрей. — А ночью... Готовился вместе с ним в дорогу. Потому что очень спешил вербовщик.

— Ехать в тайгу, а костюмчик новый, выходной, даже не снял, — заметила мать, покачивая головой.

На это труднее всего было ответить. И Андрей промолчал.

— Ничего тут не сходит. — Отец сидел и тер небритую щеку ладонью. — Чего ж нам его допрашивать, — глазами показал на Андрея, — когда Милон не захотел с нами сам разговаривать. Догадаться, конечно, можно. Догадался уже. Только что толку от догадки такой, ежели Милон уехал от нас все-таки. Потому скажи нам, Андрей, только одно: точно с геодезистами уехал Милон? Или и это валя с ним выдумка! Спрашиваю, чтобы знать, ждать или вовсе не ждать нам его. На другие ответы тебе не веваю.

И Андрей со всем жаром подтвердил, что Милон действительно нанялся плотником в геодезическую партию. А сам ждал со страхом,

СВИНЦОВЫЙ МОНОМЕНТ

когда же мать спросит об Ольге. Он ведь с утра ей проболтался, что Мирон noch провел с Ольгой. И не сказал лишь, что она такая. Сказать сейчас? Не сказать? Может быть, мать не придала тогда его словам серьезного значения? И ничего не говорила отцу.

Мать не спросила. Андрей, внутренне ей благодарный, больше ничего рассказывать не стал. Необходимо было сначала многое проверить ему самому. Он измучился, выкручиваясь из одной лжи в другую. И дал себе зарок отныне говорить лишь правду. Но чтобы говорить правду, нужно знать ее, истинную правду. Но все, что с ходу, с поверхностности, назойливо лезет тебе в уши и в глаза, — настоящая правда. Она в глубине. И надо с умом к ней добираться.

Прежде всего ему хотелось понять Мирона. А чтобы полнее понять его, нужно понять Ольгу. И понять, что же такое любовь. У всякого она своя — так люди говорят, так утверждают прочитанные книги, — но ведь семейных-то на свете очень много! Неужели только одному Мирону выпала такая злая любовь?

Он стал еще прилежнее ходить в библиотеку. Брал книги на абонементе, а читал их, закрывшись в самый незаметный уголок в читальном зале. Следил украдкой за Ольгой. Как она держит себя, как с посетителями библиотеки разговаривает. Все было, как всегда и раньше. Ольга не блистала нарядами, пожалуй, даже чаще всего она надевала то самое простенькое синее платье с белым горошком и накладными карманами, которое так нравилось Мирону. Темно-каштановые волосы, слегка завитые, были схвачены тонкой бронзовой диадемой, повальным увлечением всех чужих модниц. Иногда она прикалывала брошку, золотой трилистничек со светлым камешком, явно принадлежавшую матери, а может быть, еще и бабушке. Беседовала с читателями приветливо, стремлясь никого без надобности не задерживать у своего стола, ставясь подобать для каждого книгу, соответствующую его вкусу, если тот сам не мог назвать желанного автора. И улыбалась, нет, не смеялась, лишь тихо улыбалась, иногда только глазами, чуть их прищуривая и слегка к левому плечу наклоняя голову, а чаще — открыто и весело поближняя ровными, немножко крупноватыми зубами.

И чем больше вглядывался Андрей в нее, тем невероятнее казался ему рассказ брата об издательской шутке, затеянной над ним Ольгой. Не могла она, вот такая, ни над кем зло подшучивать, выставляя человека на посмешище? Человека, которого целовала, которому обещалась стать женой.

Почему не захотел поговорить с ней Мирон? А если ему смех и мимолетное появление Ольги на балконе чуждо-чужого дома лишь померещились? Озорные девочки его раздражали, а он все их проделки приписал Ольге, которой там не было. С какой бы стати ей причинять ему боль? А вот он неумеренной подозрительностью действительно причинил острую боль и себе, и родным своим, и любимой девушке. Знает она или не знает, что Мирон с той ночи исчез из города? Может быть, томится она в трудном недоумении и ждет, когда же Мирон снова придет в библиотеку или в городской сад на привычную для их прогулок тихую аллею.

Он написал на листе бумаги: «Вам придет от Мирона», — сложил записку вчетверо и послал по цепочке читателей, сидящих впереди. Андрей был уверен, что Ольга не знает его в лицо, он к ней ни раньше, ни после ухода Мирона не обращался, садился в читальный зал с книгами, азыками на абонементе, и все же, когда Ольга стала читать записку, так и замер. Он ведь дал себе слово никогда не лгать, а сейчас все же написал неправду. Что, если Ольга поднимет глаза и, как Вий, прямо в упор взглянет на него? Куда тогда ему деваться? Мелом спасительный круг на полу не обведен.

Ольга прочла записку со своей постоянной лучезарной улыбкой, спокойно сложила листок бумаги и опустила его в накладной кармашек на платье. И тут же, не меняя улыбки, вступила в разговор с подошедшим к ней пожилым рабочим в синей спецовке. Потом к ней и еще подошли читатели, она скрывалась среди застекленных полок, стоящих длинными рядами, и выносила оттуда заказанные книги. Как всегда, обстоятельно и доброжелательно, вполго-

лоса объясняла их содержание. Держала себя так, точно бы слова приветия написал ей сам Мирон и поэтому нет надобности интересоваться, кем эта записка послана.

С этого вечера у Андрея все больше стало крепнуть убеждение в том, что Мирон поступил несправедливо и опрометчиво. Отказаться от такой девушки из-за какого-то пустяка! Он готов был сам объясниться с нею и попросить от имени брата прощения, только одно непонятное обстоятельство пока удерживало его: почему Ольга не разывает Мирона, ни у кого не спрашивает о нем? Она же все-таки знает, и где Мирон живет и где он работает.

«Ох, и верно мать говорит, чужая душа — потемки», — подумал он. — Но любовь-то ведь должна бы ее осветить!»

Он попробовал, не называя подлинных имен, всю эту историю, как случившуюся где-то и кем-то ему переданную, рассказать молодым ребятам, вместе с ним работавшим на стройке. Никто его рассказа не принял всерьез, сочли за неумело им самим придуманный анекдот и тут же, под общий хохот, стали приправлять такими подробностями, от которых у Андрея загорелись уши.

Тогда он в конце дня, как бы случайно, подловил прораба Федора Ильича, приметил, что тот часто хватается за спину, горбится, и вызвался проводить его до дому, помочь поднести ему тяжелую сумку с картошкой, которую, по выгодной цене закупив у пригородного колхоза, снабженцы продавали своим рабочим через столовую.

Андрей запасае картошкой и для себя, семейные хозяйственные заботы во многом теперь дополнялись легли на него, но кошелек свою он сунул под опрокинутый ащик, где оставлял после работы кое-какой малярный инструмент, и сам пристроился к прорабу, — не хотелось упустить удобную возможность поговорить с ним запросто о той загадке, что ему задал Мирон. Федор Ильич хотя временами бывал и аспильным, горяч, однако среди молодежи пользовался общим доверием, как много повидавший на своем веку человек, и человек с чутким, отзывчивым сердцем. Он поведал и на галициском фронте и потом, в гражданскую войну, прошел с боями через всю Сибирь до Байкала. К перемене погоды жаловался: болят на плече и спине рубцы от сабельных ран. Знали, что Федор Ильич много семейный, женат в третий раз, а почему так — не охот было рассказывать.

Они шли ноторопливо, Федор Ильич просил Андрея сбавить шаг — хватался за поясницу, — и вели разговор о чем придется. О drovishках к зиме, хорошо бы достать горбыля или необразной рейки на лесопильном заводе. О щедром урожае орехов в тайге, вот бы съездить артельно туда на недельку. О железной дороге, которую вроде бы собираются проводить вблизи их городе, ну тогда такие дела пойдут. О судебном процессе над бухгалтером районной конторы «Утильсырь», разгромном фантастически крупных сумм...

— А ведь контролер государственный, — с укором сказал Федор Ильич, — каждую копейку, как она расходует, проверять бы должен. Этот же греб себе в карман, фальшивые накладные на тысячи рублей выписывал. А где они, тысячи эти? Обогатился чем? Тюремной камерой лет на десять. — И вздохнул тяжело: — А все бабы. Бабы до тюрьмы довели.

— Дядя Федор, — (прораб любил, когда не на работе, что помоложе, так его называли), — а почему бабы?

Он посмотрел на Андрея. Румян, круглощекий, даже слабый пушок на верхней губе у него еще не пробивается.

— Объясняй тебе — не поймешь. Рано еще. Хотя зван какой-то длинный жердь вымахал. Словами рассказывать все можно, а чтобы понять — перечувствовать надо. Знаю я этого бухгалтера — Мурычев, — вместе Колчака колошматили. Отважный, смелый боец, товарищ надежный. А женился плохо. Вот тебе и все. И пропал теперь человек.

— К подлагам жена его подбивала? По жадности?

— Как раз твой вопрос! Так и знал я, другая мысль тебе и прийти не может. По опыту житейскому твоему.

— А какая другая мысль прийти должна бы? — Не говори: должна. Пусть и до седых волос не приходит. Постарайся, чтобы не при-

ходила. А женился плохо он потому, что радостно от жены, как от жени, у него не было. Сказать так: жил с ней, как в холодном погребке. Бывают женщины такие. Потянулся к другой. Это же самая злая тоска к другой тянет, когда дома без тепла, без радости. Удержу нет. Подать бы ему на развод. Ребенок. Знает он, и жена будет против. Куда же она, разведенка с ребенком, потом! Если бросит ее! И по общественной линии проработают так, что в глазах позеленеет. А к другой-то любви у него и не было. Просто с мужской тоской к ней тянулся. Баба это видит, опытная, с расчетом. Ищешь, голубчик, у меня утешения — возмости. И возмещал. Да ведь радость от нее получал тоже, сказать так, по фальшивой накладной. Когда без любви-то. Выходит, тоска еще злее. Откачнулся от этой, сразу нашла новая. Утешила. Они ведь, утешительницы эти, словно осы, чуют издали, где варенье на меду варится. Так и пошло потом, сказать, по конвейеру. Где последнюю границу чести и совести своей он перешел, кто там разберется. Привлекли к суду не за моральное разложение — за растрату. А тут, конечно, вывернулось изнутри и эта сторона. — Федор Ильич снова внимательно посмотрел на Андрея. — Знаю я и сейчас, как мысль твоя работает.

— Скажите, дядя Федор.

— По делам вору и мук. Есть такая старинная поговорка. Что же, думаешь ты, правильно. И поставь меня судьей над Мурычевым, а бы тоже его к десятке приговорил. За растрату. И со всей жестокостью отметил бы в судебном приговоре моральное разложение.

— Вы чего-то не договариваете. — Андрей заметил словно бы трещину в голосе Федора Ильича.

— А не договариваю я уже не по суду, а по жизни. Суд не все может судить. Может он, например, осудить тот час, в который Иван Мурычев со своей законной женой в загсе подписи ставили! А преступление как раз в тот самый час началось...

— Ну, дядя Федор... — протянул Андрей.

— Вот опять у тебя мысль: прежние дружка своего оправдываю. Нет, Андрей, не оправдываю. Но в тюрьму на десять лет с горьким сердцем его посылую. Потому что ни одна из тех баб, которые из него эти тысячи высасывали, совсем его не любя, ни одна из них на волосок даже не пострадала. Прошли по делу свидетелями. По их просьбе, при закрытых дверях. А законная жена оказалась чуть не главной обвинительницей. И опять все правильно. А теперь такую мысль я выскажу, которую тебе еще и не понять. Если у жены этой законной в невестах еще к человеку любви не было, зачем же она замуж за него выходила?

— Дядя Федор, а кто же это знает? Может, у нее тогда и была любовь?

— А ты мне скажи точно, какая она бывает, любовь? Ты ее пережил? Перечувствовал?

— Если так, дядя Федор, то и у Мурычева вашего неизвестно, была ли любовь, когда он женился. — Андрей не мог смириться с тем, что Федор Ильич почему-то держит все-таки сторону бухгалтера. — Вы можете это точно сказать?

— Не могу. Потому скажу о себе только. У меня в аккурат, как у Мурычева, так было с первой женой. Антониной. И когда женился я — себя не помнил от любви к ней. Только что же, она хозяйкой очень хорошей в доме была, а жены у меня не было. Это хуже, чем жить по-холостяцки. Но по бабам я не пошел. В этом разница с Мурычевым. Антонина поняла меня. По добру рассталась. Она и потом ни за кого другого не вышла. Встречался. Говорит, одной жить лучше. Честный образ жизни ведет. И девочку мне оставила. Со второй женой, с Юлией, воспитывали. Она — с двумя своими детьми.

— А тут любовь у кого?

— Ну какая любовь? Второй любви уже быть не может. Так, уважение только. Поддержка взаимная. Хорошо жили. Вдвоем веселее. Особо когда дети в доме. Ребята сланные. А Юлия умела теплом своим согреть. Еще и с ней мальчишка мы прижили. Да вот... умерла Юлия. Шаг у него сделался неровным, несколько раз он даже провалил левую ногу. — С третьей мы и не регистрировались. Хотя для порядка и надо бы. Мне просить Надежду об этом,



— Не надо. В дом ты эту сумку не заноси. Увидит Надежда, сообразит, что не в порядке спина у меня, ничего мне делать не даст. Уложит в постель. А сегодня она, знаю, и сама больше, чем я, нездорова.— Он дружески тронул Андрея за руку.— Спасибо тебе! Теперь мой вопрос. Не ошибся я: ты не столько для себя, сколько для Мирона от меня все это выпытывал? Он мне сгоряча сказал, почему уходит. Имени только не назвал. Подписал я тогда ему с неохотой. Потому что он рубит сплеча. А любовь топора боится. К этому я и сейчас ничего не добавлю.

8

Да, конечно, Мирон рубанул сплеча. В этом у Андрея не оставалось и тени сомнения. Он по-прежнему, как только выдавалось свободное время, забирался с книгой в читальный зал и садился там в привычном незаметном уголке. Любова была Ольгой. Она казалась ему с каждым разом все красивее и привлекательнее. Он ловил себя на том, что в книге страницы переворачивает, а содержания прочитанного не помнит. Все время прислушивается к голосу Ольги, очень мягкому, ровному, и пытается угадать, как она закончит начатую фразу. Хотелось нарисовать ее улыбку, схватить тот момент, когда она чуть прищуривает глаза и голову наклоняет к плечу. И не мог справиться с искушением, сделал быстрый карандашный набросок на обратной стороне титульного листа «Подростка» Достоевского, которого он давно уже взял для чтения, да так и не знал, о чем же рассказывается в этой книге.

Дома он придирчиво рассматривал свой набросок. И понял, что ищет в нем не ту основу, идя от которой взяться бы за перо и переписать настоящую картинку, как называл его рисунки Мирон, ищет он глаза Ольги и мысль, скрытую в их смешливом прищуре. А глаза ласкали, успокаивали, обещали что-то очень светлое, радостное. Андрей вдруг ощутил в себе достаточную силу, чтобы теперь, когда разгадана тайна Ольгиного взгляда, написать и полностью ее портрет, сделать то, что прежде никогда ему как следует не удавалось.

Несколько вечеров он ничем другим не занимался, только делал разные пробы. Пером, угольным карандашом и давно уже отвергнутыми им и заброшенными на чердак акварелью и гуашью. Странно, он сам удивлялся, лучше всего получился портрет, написанный так любимой им акварелью. Но, пожалуй, очень хороши, живы были только глаза. И несколько холодными и неприветливыми казались все остальные черты Ольгиного лица. Андрей рассердился. Почувствовать в себе такую внутреннюю силу, уверенность, а результат — мазия. Он собрал все свои работы в папку и сунул ее на полку, где хранились у него рисовальные принадлежности.

«Пусть отлежится», — подумал он, — а пока надо хорошенько еще присмотреться».

И это было очень убедительным доводом в пользу того, чтобы ходить теперь в библиотеку с мягким карандашом и блокнотом из рисовой бумаги.

«Вот когда получится как следует», — убеждал он себя, — и станет известен адрес Мирона, я ему отправлю Ольгин портрет. Пусть он локти погрызет: зачем уехал?»

Он яростно защищал Ольгу. Не представляя точно, от кого, но смутно чувствуя, — не столько для счастья Мирона, сколько...

Ему виделась Ольга в их доме, спокойная, улыбающаяся. И не надо будет поглядывать на нее издалека, украдкой от сидящих рядом читателей делать карандашные наброски в блокноте. С нею можно каждый день разговаривать, встречать ее, когда она по вечерам возвращается с работы. А в выходные дни пойти вместе в лес. Летом собирать цветы, осенью — грибы, ягоды. А зимой — на лыжах. Она в красной вязаной шапочке с белым хохломом и в таких же ярких рукавичках. Ольга должна очень красиво и легко бегать на лыжах, спортивная у нее фигура. И если, скатываясь с крутой горки, упадет, зареется в снежный сугроб, — она не занонит, а от души расхохочется. Такой у нее звонкий смех. Помочь ей надеть слезавшую с ноги лыжу...

Получалось, что вместе с Ольгой все время только он, а брат — не то еще служит в ар-

вроде законом ее к себе привязать хочу. Ей вопрос так поставить, значит, она при мне удержаться очень уж хочет. А рассудить, у кого же из нас интерес к общей, совместной жизни больше, — получается, у меня. Потому что семья-то моя, хлопот с ней не оберешься, и чего бы я мог без женщины сделать по дому — ума не приложу. Сказать так: святой человек, подвижница она, что со мной живет. Да ведь притом не я ее искал, она сама пришла. Меня, ребят пожалела. Теперь-то, конечно, старшие кто куда разъехались. И малые школу заканчивают.

— Почему же она пришла, дядя Федор, если, говорите, и в этот раз любви не было? — Андрея захватил этот спокойный, но душевно напряженный рассказ. Он искал, ожидал самого важного для себя ответа, точного, определенного, но все, что говорил Федор Ильич, было не ответами, а скорее новыми и еще более трудными вопросами.

— Сердце у человека доброе. Видит, другой в беде оказался. Вот и пришла. С Юлией она раньше была хорошо знакома. Сказать так: подружки детства. Я, говорит, старая дева, никто меня никогда замуж не сватал, очень я некрасивая, — это верно, Андрей, правду Надежда сказала, ребенком еще ослепительно ее изуродовала, — так вы, говорит, не подумайте обо мне худо. Сколько надо помочь вам, поживу, а найдете какую другую — сразу уйду. Да вот и живем восьмой год. Как муж и жена. И без шуток сколько раз я говорил ей: «Кое-ка ты у меня, Надежда, красавица!»

— Тогда, выходит, и без любви всю жизнь человек может прожить?

— Без любви? Не знаю. А вот без женщины

всю жизнь мужику не прожить. Так по себе я сужу. Хотя, — он усмехнулся, — если по статистике, так женщин и мужчин на свете примерно поровну. Стало быть, от веку положено им соединяться парами. И от этого никуда не уйдешь. Но человеку еще и любовь дана. Как жизнь, как смерть — всего один раз. А остальное, как тебе сказать, все равно что мыть такую водой голову, в которой до тебя уже кто-то мылся. Завел ты этот разговор, вижу я, неспроста. Милость бы и рановато тебе, если, скажем, в мыслях — жениться. Хотя, по закону, через два месяца можешь — будут твои лета совершенные. Но если покой потерял и сны тебе уже всякие снятся, — спроси. Давай спрашивать. Понимаю, к отцу тебе труднее обращаться. Ну, какой в глазах у тебя вопрос? — Понять... узнать-то ее можно... любовь? Любовь или нет? — Андрей едва выговорил эти слова. Вдруг охватил стыд, показалось, что Федор Ильич неправильно истолкует его вопрос. Станет высмеивать. Во всяком случае, не отнесется к нему серьезно.

— То есть приметы, признаки, что ли? Как у человека любовь начинается! — после некоторого раздумья ответил Федор Ильич. — Есть признаки. У тебя, например, любовь началась уже. Иначе ты и не спрашивал бы. А вообще, Андрей, нет никаких признаков. То есть очень они разные. Поймешь, когда она тебя захватит всего. Если любовь настоящая. Опять-таки только про себя говорю. О других ничего не знаю. Вот мы и дошли. Спасибо тебе, помоги мне дотащить ношу тяжелую.

Они остановились возле калитки с проржавленной плоской щеколдой. Андрей хотел надавить ее, но Федор Ильич остановил:

ми, не то просто на время уехал куда-то. ИсклЮчить Мирона вовсе из своих мыслей Андрей не мог.

Теперь он искал случая, как поговорить бы ему с Ольгой. И не у рабочего стола, на котором стояла узенькая картотека и где Ольга вела регистрацию выданных на руки читателям книг, поговорить свободно, когда посторонние не мешают. О чем? Да все равно, о чем...

Нет! Он будет говорить с ней о Мироне. Он должен высказать все, знает правду, чистую правду, хотя он знал, что эту чистую правду он и так уже знает твердо и очень давно, со времени своего обстоятельного разговора с Федором Ильичом. Но это ведь и лучше: прийти с открытым сердцем к человеку, которого неправильно обвинили.

Когда настойчиво ищут случая, он не находится. В библиотеке был объявлен санитарный день. Моют полы, оконные стекла, стирают пыль с книжных шкафов и стеллажей. А в преддверии зимы промываются с улицы рамы. Все это делают сами сотрудники библиотеки.

Андрей еще накануне прочитал объявление, вывешенное на двери. Ну что ж, санитарный так санитарный.

Но именно в этот день у них на стройке, у маляров, после обеда оказался простой. Не привезли краску. Прораб отпустил всех по домам. Андрея почему-то потянуло пойти на кратчайшей дорогой, а сделать крюк мимо библиотеки. А вдруг...

И действительно, Ольга в холщовом переднике, надедом поверх легкого осеннего пальто, промывала рамы. Стояла на шаткой лесенке-стремянке, прислоненной к косяку, держалась одной рукой за стену, а другой доставала из кармана передника куски замазки, заранее скатанные в колбаску, и прилепляла их в углы между стеклом и рамой. Потом разглаживала столовым ножом. Действовала она неуверенно, и лесенка от этого шаталась еще сильнее.

— Разрешите, я сделаю, — сказал Андрей.

И замер от собственных слов. Именно такие слова он ей уже говорил. Может быть, во сне. Или ведя с ней мысленный разговор.

Ольга повернула на голос. И стремянка от быстрого ее движения совсем покосилась. Андрей плечом успел прижать лесенку к стене.

— Ой, чуть я не упала, — прерывисто дыша, проговорила Ольга. — Вот спасибо вам!

— Да это я вас испугал, — сказал виновато Андрей. — За что же спасибо? Ругать меня надо.

— А я не умею. — И Ольга улыбнулась, мягко, ласково, только одним глазом. — Вы мне правду поможете?

— Моя работа, — сказал Андрей. — Маляр. Для меня это пустяк. Спускайтесь вниз. И дайте свой фарук. А сами идите в тепло. Вон, смотрите, руки у вас покраснели.

Но Ольга не ушла, осталась ему помогать, подавала замазку, вместе с ним переставляла лесенку. Что-то рассказывала о библиотеке, о новых книгах, полученных за последние дни. Андрей не всегда разбирал слова, но главное — он слышал голос Ольги.

Работа в его привычных руках кипела. Ольга благодарила:

— Мне бы и дотемна одной не справиться. Большое вам спасибо!

Она протянула руку. Но Андрею не хотелось прощаться, ему нужно было с ней поговорить. Он так искал этого случая. Посмотрел на свои ладони, жирно пропитанные олифой.

— Запачкаю.

— Да и у меня такие же, — добродушно сказала Ольга. — Давайте зайдем в библиотеку, поможем.

Внутри помещения уборка была еще в самом разгаре, но читальный зал приведен в порядок. Ольга на ходу крикнула куда-то вглубь:

— Мария Георгиевна, а в свое дело делала, сейчас приду вам помогать! — И, дождавшись отклика «Ой, какая уминая!», добавила: — Не сама я сделала. Добрая душа нашла с золотыми руками.

И потащила Андрея, тающего от удовольствия, темным и узким коридорчиком к умывальнику. Воде из крана текла холодная. Андрей мыл руки и приговаривал:

— Эх, керосином бы спрзал!

— Зачем керосином? — удивилась Ольга,

снимая с газоды полотенце и готовясь подать его Андрею. — Керосин же очень воюющий.

— Зато он олифу и краску всякую хорошо растворяет. А потом отмыть керосин уж не трудно. Вы не знали это?

— Нет. Я предпочитаю духи.

Он принял и еще что-то рассказывать из секретов своего малярного мастерства. Было очень легко разговаривать с Ольгой, особенно вот в таком слабом свете гаснущего дня, заново все намыливая и намыливая руки. Мешало только одно. Он не решался назвать ее по имени, не знал как: Ольгой, Олей, Олечкой или, с прибавлением отчества — Ольгой Васильевной. Все-таки она библиотекарша и старше его на один год. Ждал, может быть, она первая сделает это. Тогда все станет проще. Но Ольга тоже никак не называла его, значит, не знает пока, кто он такой. А он ведь искал вот этой свободной встречи с ней с глазу на глаз ради Мирона, и если сейчас принять полотенце, вытереть руки, то придется сразу же и уходить. Нехорошо в полутьме так долго оставаться наедине с девушкой.

— А я ведь брат Мирона, — выговорил он, как ему показалось, совсем ни с того ни с сего. Просто против воли сорвалось с языка. И подсадовал на себя. Потому что, конечно, теперь разговор станет тяжелым.

Но Ольга ничуть не удивилась.

— Знаю, — спокойно сказала она. И повторила: — Знаю, Андрюша.

Положение круто переменялось. Вот так: Андрюша... Почему же до этого она и виду не подавала, что знает его? Может быть, только сейчас догадалась? Или он сам ей наполовину это подсказал?

— И записку от Мирона тоже я вам послал, — словно проваливаясь куда-то в темноту, сознался Андрей. — Помните?

— Помню, — подтвердила Ольга. — Только я все ждала, когда ты придешь и поподробнее мне расскажешь о нем. Никак не могла понять: тихонечко сидишь в уголке, а со мной ни слова. Откуда Мирон прислал мне привет? Оттуда уже, из тайги, или еще с дороги?

Андрей держал полотенце в руках и онемело смотрел на Ольгу. Оказывается, она знает все, все. И почему-то сразу стала называть его на «ты». Но говорит очень мягко, ласково. Интересно с Мироном. А вдруг она знает и то, что «привет от Мирона» выдуман?

— Андрюша, ты поспешил, — сказала Ольга. — Мирон не успел еще ничего написать. Ему еще думать и думать надо, как написать. И напишет он прямо мне, а не тебе. Так ведь? Хороший брат у тебя, очень хороший. — Она улыбнулась, Андрей видел, как во все более сгущающихся сумерках блеснули ее плотные, крупные зубы. — И ты тоже очень хороший. Брат. Ну-у, и парень очень хороший.

— А зачем же ты так с ним тогда! — прерывающимся от волнения голосом проговорил Андрей, все еще не решаясь назвать ее Олей, как ему страшно хотелось, но легко принимая «Андрюшу». И волнуясь не потому, что томила обиду за брата, а потому, что Ольга, так свободно и просто разоблачив его, не сделала ему упрека, а даже похвалила. С какой-то особой сердечностью. Даже нежностью.

— Что «тогда»? — переспросила Ольга. — Ах, тогда... Было! Все точно так и было. Ну и что же? Ох, и глупый ты! И Мирон твой глупый. Дай сюда. — Она сильно потянула из рук у него полотенце. — И ступай домой. После какибуда поговорим, Андрюша... Да, поговорим!

И в тот же миг Андрей ощутил мягкие теплые губы Ольги на своих губах. Это рез... И снова и снова... Это было и страшно и хорошо, потому что наливалось все тело какой-то необычной горячей тяжестью, сковывающей движения и отнимающей речь, словно в сказочном сне.

— Оля... Олечка... — едва вымолвил он.

Но щелкнул выключатель, в глаза ударили яркий электрический свет. Волшебная сказка исчезла, перед Андреем стояла Ольга, такая, как всегда в читальном зале, лунисто улыбающаяся, но очень далекая и серьезная.

— Мария Георгиевна! — крикнула она, и голос гулко пронесся по коридору. — Иду-у! Никак не могла руки от замазки отмыть.

Продолжение следует.

«ОГОНЕК»
ВЫСТУПИЛ.
ЧТО
СДЕЛАНО!

ХЛЕБ НА ПРИЛАВКЕ...

«Главпродторг» Министерства торговли СССР рассмотрел статью «Черствое отношение к свежему хлебу». Так начинается свое второе письмо в редакцию начальника Главпродторга Е. А. Клинка. Первое было кратким, всего в два, по сути, ничего не объясняющих абзаца. Зато теперь Главпродторг информирует редакцию обстоятельно и подробно, отмечая, что в «целях экономного расходования хлебных ресурсов в системе торговли проводится работа по совершенствованию организации торговли хлебными изделиями, улучшению условий их хранения в подсобных помещениях и торговых залах магазинов — для сохранения свежести и товарного вида, а также осуществляет мероприятия по пропаганде бережного отношения к хлебу и рационального его использования». Переработаны и подготовлены к выпуску новые правила торговли хлебом и хлебобулочными изделиями в розничной торговой сети (отметит от себя такой пункт в правилах: «Работники хлебных магазинов должны иметь санитарную одежду белого

ИСКУШЕНИЕ

театр

Новая пьеса Николая Мировищенко «Искушение» на сцене Театра имени Гоголя в постановке Мальбья Тхумаашева (руководитель постановки народный артист РСФСР Борис Голубовский) имеет успех.

В чем же секрет спентакля? Думается, не в последнюю очередь в той теме, которую исследуют автор пьесы и режиссер. Жизнь духовной семинарии: профессиональная подготовка священнослужителей, взаимоотношения учеников и наставников — между собой и с окружающим миром... Наша драматургия в этой проблеме еще не обращалась. Да и вообще антирелигиозная тема исчезла из репертуара театров. Пьеса Тендрякова «Чудотворная», по которой был поставлен фильм, давно ушла в прошлое. Но объясняется это причинами далеко не простыми.

Мало знать предмет сам по себе — важно еще не переступить

цета для работы в магазине при разгрузке, выкладке и нарезке хлеба.— РЕД.), предусмотренные меры по улучшению транспортировки и хранения хлеба в магазинах. Помимо того, как сообщает автор письма, разработаны и утверждены дополнения к санитарным правилам — в них определены требования к магазинным помещениям, их оборудованию. Изучены методы сохранения свежести хлеба, разработаны и направлены во все республики соответствующие рекомендации и предложения.

Ведется и другая работа. В частности, как пишет тов. Кликов, «совместно с Минпищепромом СССР периодически проводятся решительные совещания работников хлебопекарной промышленности, торговли и «потребкооперации». Установлено, что разумному расходованию хлеба способствует выпечка мелкоштучных изделий. «Одним из решающих условий экономного использования хлебных ресурсов является увеличение выработки хлеба в упаковке». Однако, продолжает автор письма, «Минпищепромом СССР и Центросоюзом указанные вопросы решаются крайне медленно». Затрагивая проблему качества испеченного хлеба, тов. Кликов замечает, что еще выпуклается продукция, не соответствующая требованиям стандарта. Эти и другие положения автор письма, к сожалению, не подтвердил примерами и фактами — и они поэтому обрели некое теоретическое, абстрактное звучание: критика «вообще» помогает мало, это известно.

Говоря о роли самой торговли, автор письма тоже ограничился лишь общими положениями, говоря, что «существующая в настоящее время сеть магазинов по торговле хлебом не позволяет обеспечить торговлю в соответствии с предъявляемыми требованиями: многие торговые предприятия не имеют достаточной площади торговых залов и подсобных помещений, в результате чего хлеб и хлебобулочные изделия хранятся с нарушением установленных правил», а это приводит к потере пра-

варного вида, к дополнительным заброскам — то есть «к неоправданному потере хлебных ресурсов», справедливо констатирует тов. Кликов.

Делая эти выводы, автор письма не сообщает, когда будет исправлено сложившееся положение. Что для этого уже делается, что предстоит сделать? А если не делается, кто в том повинен?

В завершение тов. Кликов сообщает: «В настоящее время Главпрототип направил министерством торговли союзных республик рецепты по приготовлению блюд из черствого хлеба, которые могут быть доработаны и изменены с учетом национальных особенностей...»

Что ж, полезное дело. Но, может, не ограничиваться им, а главные усилия направить на то, чтобы булочные вообще не торговали зачерствевшим хлебом! Такую точку зрения, к слову сказать, разделяют и читатели «Огонька». Вот письмо одного из них, Н. М. Деятрева из города Куйбышева: «У нас нередко магазины продают черствый хлеб. Совершенно свежий хлеб достать трудно, он бывает лишь в некоторых магазинах. Виноваты, видимо, директора магазинов, которые заказывают слишком много хлеба: свежий хлеб у них лежит в кладовке до тех пор, пока не продадут вчерашний. Редко купишь свежий, только что привезенный хлеб (например, в магазине на улице Победы, дом № 100). Хлеба надо заказывать меньше, но сразу же пускать его в продажу, с колес, как говорится. С автомобиля — прямо на полки, в продажу, а не в кладовку!»

Есть немало примеров грамотной, уважительной торговли хлебом. Тем нетерпимее факты, о которых шел разговор в репортаже «Черствое отношение к свежему хлебу» и последующих публикациях.

ДИАЛОГ В ПИСЬМАХ

В № 10 «Огонька» было опубликовано письмо О. Андреевой из Загорска, в котором она пригласила приехать посмотреть не только на величепле города, красоту его, но и возмущалась обилием «питейных заведений» на пути туристов. В продолжение этого разговора мы получили письмо из Липецка от Т. И. Камаевой, которая тоже приглашает в свой родной город, но уже с единственной целью — обследовать «питейные» торговые точки. «Приезжайте в наш район завода «Свободный сокол», — пишет Камаева. — Сразу же в конце трамвайного маршрута № 3 или № 6 стоит штук пять точек, торгующих вино-водочными изделиями, и среди них пивной бар. Здесь же, на площади, магазин винным отделом, рынок коопторг с «обязательной» продажей вина и пива. Если вы пройдете по близлежащим улицам, то обнаружите ресторан «Клен», что около детского сада (ул. 40 лет Октября), а в магазине «Куйбышев» — пиво. В овощном подвалчике торговля тоже не обходится без вина. Не знаю, в каких океанах водятся бутылки с вином, но в нашем магазине «Океан» они в обязательном ассортименте. Понятно, что скверин, предназначенный для прогулки детей, прочно оккупирован любителями выпить на свежем воздухе. Напротив заводской поликлиники — ларек с пивом, чуть дальше гастроном «Сокол» со специализированным отделом, в котором у нас самый широкий ассортимент этого ходкого товара. На другой улице нашего микрорайона, ул. Ушинского, — кафе «Ромашка» и гастроном. Как видите, подбор вино-водочных изделий от самых легких до самых крепких достаточный. А вот хозяйственного магазина или мебельного — ни одного.

Именно поэтому группа жителей нашего района обратилась в исполком Липецкого горсовета с просьбой открыть во вновь открытом доме хозяйственный магазин.

В феврале зам. председателя горисполкома В. М. Бахарева сообщил заявителям, что вопрос о целесообразности предложения об открытии посудо-хозяйственного магазина рассматривается. Одновременно жители Липецка подписали в редакцию с просьбой подтолкнуть Липецкий горисполком к положительному разрешению этого вопроса. Что мы и сделали. А совсем недавно получаем ответ того же В. М. Бахарева:

«...Продовольственный магазин с универсальным оборудованием по ул. Кутузова построен и вводится в строй в IV квартале 1980 г. Перепланировать под хозяйственный магазин экономически нецелесообразно... Планируется продажа вин количеством до 30%».

Так вот и закончились хлопоты липецких энтузиастов. Постановление Совета Министров СССР «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» соблюдено, и в магазинах, расположенных вблизи промышленных предприятий, напитки крепостью выше 30% не продаются. Тут закон и любители выпивки: их «коронный» напиток — дешевый портвейн; градус в нем мало, но при достаточной дозе куражу от него хватает.

«На часах 10 часов 45 минут, а в магазине очередь за «маловольным» напитком, причем люди делят часто в рабочих спецовках. А мне и на улице показывается стыдно. Сипетники открыты в лицо мне смеются, что, мол, где ж ты хозяйственный магазин? — горько заключает читательница Камаева.

Там закончился диалог между жителями Липецка и исполкомом.

Редакция хочет задать всего один вопрос в связи с этой перепиской. Всегда ли экономической целесообразности следует отдавать предпочтение перед интересами большинства жителей города!



«УБИТЬ ДЕРЕВО»

Не подумайте, что мне нечего делать. Пишу от имени всего двора нашего дома № 38 по улице Академника Заболотного поселка Котовского. Всего год назад справили мы новоселье и тут же приступили к озеленению своего двора. Посажено уже много деревьев, цветов. Благоустроены детские площадки. Словом, красота, и только. И вот 30 июня привезли в наш двор сборные части гаража, а к вечеру стали устанавливать прямо на уже засаженное дерево. Хорошо еще, один сдобродушный старушка успела вырвать дерево и пересадить в сторону. Теперь поливает каждый день, не знаю, приживется ли! Но второго июля прибыл еще один гараж, и снова не нашли лучшего места, как сбросить эти щиты прямо на живое дерево. Подобное варварство еще можно было бы оправдать необходимостью, а то ведь пустого места во дворе полно. Неужели эти два человека, владельцы гаражей, не должны считаться со всеми жильцами дома, в том числе с детьми?

г. Одесса

А. ПЕТРОВА

ТОЛЬКО «НЕТ»

Обращаюсь в редакцию, потому что уже не знаю, куда обращаться. Дело в том, что купил себе мотоцикл марки «Турист». Прекрасная машина, в аккурат по моему пенсионному возрасту, заводится от стартера. Но вот несчастье — вышли из строя аккумуляторы. Два года я бьюсь, чтобы приобрести новые. Много раз писал на тулусскую базу «Бюмилторга», но в ответ всегда одна и та же бездушная бумажка: «Сообщаем, что аккумуляторы база в наличии не имеет и поступление в ближайшем времени не ожидается». Причем все слова ответа, кроме перечня товаров, отпечатаны навечно типографским способом так, чтобы потребитель ясно понял «намерения» не утрудить ни себя, ни нас. Ну, а что же все-таки делать? Выбросить, сдать в утильмастерскую мой мотоцикл?

п/о Доронкина,
Костромской обл.

И. В. КУЧУМОВ,
ветеран Великой Отечественной войны

ИСТИННОЙ

ту грань, где она может обернуться оскорблением чувств верующих людей. Ведь в нашей стране свобода совести — одно из гражданских прав, церковью же в СССР полагая по отношению к государству. Со своей стороны государство не препятствует ни существованию церкви, ни подготовке необходимых ей кадров, хотя государство не может не учитывать, что церковью при этом так или иначе, влияет на идеологию, на умы молодежи, обращая ее в свою веру.

Таков сложный комплекс проблем, поднятых пьесой. И режиссер Николай Тхунуашев и режиссер постановки главный режиссер театра Борис Голубовский решают их неторопливо, приглашая и зрителя к глубокому размышлению.

Конфликт не случайно строится не на дискуссии между церковниками и атеистами, а на противопоставлении гуманистического идеала коммунистов идеалу церкви, перед которым человек — червь, раб, ничтожество.

В этот конфликт вовлечены все участники семинарии, и каждый из них по-своему талантлив: один природный актер, другой поэт, у третьего прекрасный голос. Ко-му его отдать: церковному хору, как признают настоящие семинаристы, или обществу, как этого требует, именно требует именен-

искусства, человеческой совести и нравственности профессор консерватории? В роли профессора артист Е. Красинский очень убедителен. Поити за профессором Иоанну — его играет А. Монроу-сов — помогает настоящие Сандрон — Л. Семенов, который когда-то не только погубил свой голос, но и голом Никодима Крохи, своего воспитанника. Кроха (артист В. Алексеев) прожигает церковников за свой загубленный талант и, смертельно больной, идет к Иоанну, чтобы помочь ему уйти к людям. Но только любовь студентки Марии — в этой роли артистка Г. Гладкова — помогает Иоанну окончательно обрести новую веру в жизнь, — уйти к людям.

Теперь голос Иоанна звучит громко, в полную силу. А вслед за ним покидают семинарию, каждый своим путем, Иеремия и Александр. Настоящими объясняет семинаристам «искусством дьявола», пытаясь сшить от них подлинную правду. Завлеченные семинаристы, — что со своей верой, а кто и со своей корыстью, готовы принять сан. И это означает, что драма Крохи может повториться вновь.

Умный, серьезный спектакль театра имени Гоголя предупреждает, что существует такая опасность. И говорит, что с ней, с этой опасностью, надо бороться.

В. БОЛЬШАКОВ

1941

1945

ЛЕТОПИСЬ
ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

МЫС

ПОЧТАРЕВА

О том, что существует на свете Тимофей Почтарев, знали разве что друзья-приятели, однокурсники по Севастопольскому Краснознаменному училищу береговой обороны, ну и, конечно, родственники. Не был Тимофей ни открытым человеком, ни перепроходящим неизведанных путей.

Отчего же назван его именем скалистый мыс на Курилах?

Войну он встретил командиром артиллерии, под Ленинградом, на Ораниенбаумском «пятячке». Три сбитых вражеских самолета — таким было начало. Потом был бой под Нарвой и первый орден Отечественной войны.

Затем — Дальний Восток. Тимофей Почтарев уже обстрелянный офицер, майор военно-морского гарнизона Петропавловска-Намчатского. Летом 1945 года Тимофея вызвал начальник. Сказал, что ему поручается ответственное боевое задание: руководить десантной операцией, быть командиром батальона морской пехоты.

— Задание срочное. На подготовку даю две сутки.

17 августа 1945 года двести моряков, добровольцы-десантники, поздним вечером покинули на судах Петропавловск и взяли курс на юг. Рассвет следующего дня они встретили в океане близ острова Шумшу. Стоял густой, непроглядный туман, поэтому высадку десанта произвели совершенно неожиданно для врага. С ходу миновали зону огня дотов и дзотов, моряки провалялись на подступах к высотам 165 и 171. Тут завязался упорнейший бой, жестокий, кровопролитный. Каждый шаг был отмечен подвигами моряков и потерями. Противник двинул в контратаку два батальона пехоты при поддержке восемнадцати танков. Советские моряки выдержали натиск. Враг отступил, перешел к обороне.

Майор Тимофей Почтарев, раненный, продолжал руководить боем, повел моряков на штурм высоты 171. Шквал огня встретил их. Особенно неистовствовал двухэтабрусный дот. Коммунист Николай Вилков и комсомолец Петр Ильичев закрыли своими телами амбразуры.

Десантная операция удалась. Высокое звание Героя Советского Союза было присвоено командиру Т. А. Почтареву, старшине 1-й статьи Н. А. Вилкову, матросу П. И. Ильичеву.

Тимофей Алексеевич Почтарев не вернулся домой, в родную Белоруссию. Продолжал службу на флоте: на Дальнем Востоке, на Балтийском и Черном морях.

Сейчас полковник запаса, Герой Советского Союза Тимофей Алексеевич Почтарев живет в Сестрорецке, под Ленинградом. Руководит начальной военной подготовкой в одной из местных школ.

Высокие гребни мирного моря омывают мыс мурьянского острова Шумшу, названный именем Тимофея Почтарева.

Н. СОЛОВЬЕВ

Минск

СЫНОВЬЯ СОЛДАТА

В рубрике «Летопись Великой Отечественной» публикуются выдержки из солдатских писем времен войны. С волнением читаешь эти огненные строки. Большое спасибо за это.

Будучи недавно в своей родной деревне, я встретился с председателем Совета ветеранов войны капитаном в отставке Н. М. Михайловым. Он и его товарищи просили меня написать в «Огонек».

Из нашей деревни на фронте погибло более двухсот человек. Пусть эта статья будет посвящена их памяти.

На снимке — братья Владимир (слева направо) — Иван, Николай, Геннадий и Анатоль — автор этих строк.

На мраморной плите, которая установлена перед школой в деревне Вурман Янишево, Намзашского района, Чувашской АССР, среди имен погибших воинов-однопольцев в годы Великой Отечественной войны есть имя и нашего отца — Владимира Тихоновича Владимировича. Он ушел на фронт в сентябре сорок первого. Сохранились

пожелтавшие от времени фронтные письма отца.

«Только что отбили вражескую атаку. Местность хороша, кругом овраги, которые выручают нас. Сидим на дне оврага. Но и тут фашистский самолет начал кружить над нами. Пуля попала в котелок, и через пробонну пролилась вся мол похлебка. Удивительно, что мы потеряли страх, который был раньше... Скоро будем атаковать мы...»

«Уничтожил два фашистских танка из своего ПТР (противотанкового ружья). Это пока мой скромный вклад для будущей победы. Думаю продолжить счет...»

«Милая и дорогая Дарья, береги детей, может быть, придется вырастить их тебе одной. Кругом у нас идут тяжелые бои, потеряли многих друзей. Но я буду драться до последнего дыхания ради будущего моих четверых сыновей...»

В одном из следующих наступательных боев наш отец погиб, имея на счету два уничтоженных танка (а может быть, в последнем бою увеличил

счет). А сколько таких танков осталось стоять мертвыми на нашей советской земле!

Отец до войны работал пчеловодом в родном колхозе. У нас говорят, что если человек любит пчел, то он добрый и хороший человек. Да, со слов наших одесельцев, знавших его, он и был таким.

Нас, четверых маленьких сыновей, пришлось воспитывать и воспитать нашей матери Дарье Андреевне одной. Очень трудно было ей в годы и после войны. Но она, как и многие женщины-колхозницы, активно трудилась, награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

И вот мы, дети солдата, выросли, стали нужными стране людям. Старший из нас, Владимир, Геннадий, после школы работал в колхозе, а затем в комсомоле, был секретарем райкома ВЛКСМ. После окончания Высшей партийной школы работал секретарем Шумерлинского, а затем Красночетайского райкомов КПСС. С 1967 года он находится на ответственной работе. Он награжден почетными грамотами Президиума Верховного Совета Чувашской АССР.

Другой наш брат, Иван, работал также в комсомоле, после службы в Советской Армии окончил финансовый техникум. Он счетовод-нассир в исполкоме местного сельского Совета, активно участвует в общественной жизни села.

Николай после окончания средней школы почти шестнадцать лет работал главным бухгалтером колхоза «Знамя». Затем его избрали председателем колхоза. Вот уже более семи лет он возглавляет объединенный крупный колхоз «Знамя», депутат районного Совета.

И немного о себе. Я окончил институт, а потом аспирантуру. Защищал диссертацию, нанял биологических наук. Сейчас работаю в научно-исследовательском институте под Москвой.

Да, нас вырастила и воспитала мать, простая солдатка. Если бы не советская власть, разве могла бы она поставить всех нас на ноги, дать образование?

А. ВЛАДИМИРОВ

Московская область.

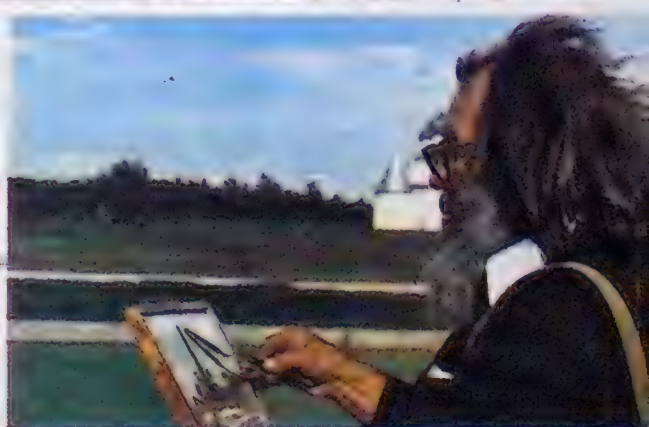
ОТЗОВИТЕСЬ, ОСВОБОДИТЕЛИ



Уважаемый «Огонек»! К тебе обращаюсь чехословацкий пионер-следопыт. 35 лет назад, 28 марта 1945 года, наше село Млынски Сек освободила Советская Армия. Эту фотографию мы нашли в одной семье. «Огонек» читают во всех уголках Советского Союза, может быть, кто-то узнает изображенных на снимке солдат. Нам хочется больше узнать о судьбе освободителей, связать с ними дружбу.

Здесь Непрядва впадает в Дон. * Вооружение русского воина (музей «Куликово поле»). * Памятник русским воинам. Автор А. П. Брюллов. 1850 год.





ВСТРЕЧА В «КОЧХАНЕ»

В сегодняшнем Пхеньяне нет старых домов. В годы войны он был полностью разрушен американскими бомбами. Город отстроен заново и продолжает расти и хорошо.

Ощущение новизны не покидало меня всю неделю, которую мы провели в Корейской Народно-Демократической Республике. И повсюду, где бы мы ни побывали, нас встречали радушие и теплота корейских друзей. Так было при посещении местечка Мангандэ и здешнего музея, рассказывающего о многовековой истории корейского народа, о его борьбе за свободу и независимость. Так было при осмотре пхеньянского метро, с перспективой развития которого нас познакомил начальник станции Ли Дон Су. Так было при посещении Пхеньянского Дворца пионеров и школьников и во время поездки в Кымгансан, один из красивейших горных уголков Кореи с хрустальными водопадами и с причудливыми озерами. Именно здесь я по-настоящему оценил справедливость древнего названия Кореи — Страна Утренней Свежести.

Заводу в Тэане, одному из важнейших предприятий КНДР, на котором работают около 5 тысяч человек, немногим более тридцати лет. Начал завод с выпуска малогабаритных моторов и трансфор-

маторов, а сейчас продукция с маркой этого предприятия идет не только на удовлетворение внутренних нужд республики, но и отправляется на экспорт, в том числе в Советский Союз.

— Наши связи с Советской страной, — говорит главный инженер завода Ким Ци Хак, — не ограничиваются только экспортом трансформаторов. У нас установились контакты с московскими заводом имени Владимира Ильича, мы с удовольствием принимаем у себя на предприятии советских коллег.

В 80-е годы завод перейдет на выпуск новых видов продукции. В частности, он будет производить средства автоматизации технологических процессов. Коллектив предприятия и прежде всего члены партии, которые составляют его треть, с большим энтузиазмом борются за то, чтобы выполнить годовые задания на дню открытия VI съезда Трудовой партии Кореи, который состоится в октябре. На стадионную трудовую вахту в честь предстоящего события встали все труженники республики.

Большое впечатление произвело на нас посещение сельскохозяйственного кооператива имени Корейско-советской дружбы «Кочхан» под Пхеньяном. Дорога в кооператив шла вдоль рисовых полей. Их называют хлебом Кореи. И отню-

да Пикировна рисовой рассады.

Фото ЦТАК—ТАСС

сится к нему здесь не просто с большой любовью, но, я бы даже сказал, с благоговением.

Кооператив имени Корейско-советской дружбы основан в 1954 году. Как рассказывал его председатель товарищ Цой Ен Чон, до войны здесь было самое бедное в стране село. На 60 крестьянских дворов, которые объединились в кооператив, приходилось 6 коров. Сейчас это одно из самых передовых хозяйств, объединяющее 700 дворов и имеющее 825 гектаров обрабатываемой земли. Наши собеседники говорили, что корейская культура выращивания риса с давних пор является самой высокой в мире, здесь получают самые большие его урожаи. Но если раньше это достигалось ценой неимоверного труда, то сейчас на помощь пришли машины. У кооператива 71 трактор, 42 рисопосадочные машины и много другой техники.

Не сравнить корейскую деревню прежде и теперь. В «Кочхане» около 130 дипломированных специалистов, многие жители учатся

заочно в институтах и других учебных заведениях. В селе две средние школы, больница и поликлиника. Их оборудование ничем не отличается от городских. Многие достигли и в области социального обеспечения: бесплатная медицинская помощь, 15-дневный отпуск для всех членов кооператива, 77-дневный отпуск для женщин по беременности.

В кооперативе имени Корейско-советской дружбы нередко бывают гости из дальневосточного колхоза «Исра». Им обязательно покажут гордость хозяйства — огромный сад. Из беседы на небольшом холме среди фруктовых деревьев открывается перспектива рисовых полей, дымящихся труб промышленных предприятий и новых жилых кварталов Пхеньяна. К миру и процветанию устремлен труд братского корейского народа.

Н. ЗАБЕЛКИН

Пхеньян — Москва.

СТОЙКОСТЬ И ВЕРНОСТЬ

К 60-ЛЕТИЮ
А. Д. САЛЫНСКОГО



Всегда сдержанный, немногословный, Афанасий Дмитриевич Салынский принадлежит, думается, к тому типу писателей-современников, которые как бы охраняют свои эмоции, сберегают их для главного. Для своих героев. Для воплощения — наиболее остро, напряженного — внутреннего мира этих героев, этих образов, всегда незримо формирующихся в тайниках писательской души. Они ждут своего часа. Ждут, когда придет их пора появиться на свет и стать всеобщим достоянием, как Нила Сникко, бесстрашная разведчица в «Барабанище»; как Мария, партийный работник в «Марии»; как совсем будто обыкновенная женщина Нина Мытконова в пьесе «Долгожданный», которую мы потом уверенно приблизим к первым двум героиням...

Из того, что создано на сегодня в драматургии Салынского, драматургии обширной и разносторонней, я хочу остановить внимание читателя именно на этих трех, любимых мною женских образах, которые с большой полнотой и жизненной убедительностью вобрали в себя и выразили в себе и приметы времени и приметы самого почерка писателя — его творческие пристрастия.

Все три героини — совершенно разные, непохожие — тем не менее глубочайше родятся в одном, решающем качестве. Все они вместе и каждая порознь, рассказывая о себе, раскрываются

в драматических ситуациях своего собственного бытия, вместе с тем позволяя нам ощутить в них, при всей несхожести судьбы, человеческой индивидуальности, прекрасное духовное единство, которое им дает породившая их советская эпоха. Отсюда сила и правда их поведения в обстоятельствах, безусловных, различных, но равно требующих стойкости и верности.

Стойкость и верность... Вот качества, которые более всего драматург ценит в людях, которые он бережно (но совершенно различными способами) выявляет и утверждает как сущность личности, положительной. Личности, воспитанной советским строем.

Нила Сникко... Кто же ее не помнит, эту очальную молодую девушку, почти девочку, оставшуюся в целых разведчицей в тылу врага под самой страшной личиной «подруги» француза, жестокой и беспощадной к Барабанище, колы скоро она вызывает общее презрение и ненависть окружающих... Наверное, именно

такая война с врагом есть наивернейшее испытание человеческих возможностей: воли, духовной закалки, выдержки и находчивости... Но при всем том в каком же глубоком, отчаянном одиночестве оставила свою героиню Салынский! Оставлял, ничего не выдавая, а следуя правде жизни, истории. Но разведчица выдерживала все испытания, требовавшие от нее не только отваги, но еще и умения переносить безгласное неприятие со стороны тех людей, которые по духу ей близки и дороги... Это, пожалуй, было самым страшным, самым тяжким ее мучением.

Песю о Ниле Сникко играли театры не только нашей страны. Она шла и за рубежом, привлекала сердца героиней, лириком центрального образа.

Столь же убедительным, психологически достоверным стал главный образ в пьесе «Мария»: живой портрет коммунистки послевоенных лет, парторга на огромной современной стройке.

Надо ли напоминать, что Мария, выйдя на сцену и на экраны страны, завоевала всеобщее признание. Драматург, не повторив ни одной черты, найденной им для героини его других, прежних пьес (и, конечно, «Барабанище»), наделяет и Марию, партийного работника, не только мудростью и твердостью нрава, но еще добротой, душевностью, чисто женским объяснимым. Главное же в Марии — ее человечность, которая и приводит к острейшему нравственному конфликту между парторгом и директором. Для него дело есть только дело, тогда как Мария во всяком деле видит прежде всего людей.

Заметим, кстати, — этот конфликт тогда явился новостью, открыл собою «не обжитую» еще ситуацию, которая впоследствии была весьма широко тиражирована

на во многих сочинениях на «производственную» тему, что, разумеется, не могло не снизить интереса к самой теме. А жалко! В пору же появления «Марии» особенно хороша была в заглавной роли В. Заклунная: мы все запомнили ее в кинофильме, поставленном широко, щедро, с размахом, а главное — пониманием образа.

Мария была и осталась нашей современницей. «Мария» и сейчас продолжают ставить театры, избирающие («модной» кое-где нынче) бездуховности, внутренней пустоты «жесткими» драм наглухо замкнутого житейского мира... Но вот мирок — и мирок — в котором существует Нина Мытконова — каков он! И каковы идеалы, принципы этого существования героини в пьесе Салынского «Долгожданный»? Вопрос интересен потому, что может ведь и обмануть кажущаяся камерность повествования, кажущаяся безмятежностью — спокойствие героини... А на самом деле тут все иное: и вся жизнь, сама по себе вроде бы такая налаженная, тихая и ровная, сложна и трудна, полна скрытого и непрерывного напряжения. Нина справляется с этой жизнью — долголетним, верным ожиданием мужа — только потому, что надежна (как Нила, как Мария) теми же свойствами души: верностью, надежностью, постоянством. Нина ждет любимого человека, будучи непоколебимо убежденной в том, что он не может стать предателем, диссидентом, забыть Родину и близких: он вернется!

Так оно и происходит. Подтверждая веру своей героини, драматург и в этой пьесе говорит с читателем и зрителем о патриотизме как главной черте советского характера.

Своей юбилей писатель встречает новыми произведениями. Новые проблемы жизни получают свое воплощение в новых образах. Но их стержневая основа остается прежней, будучи проверена временем. Всей жизнью страны.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Вершина Красного холма. * Реликвии битвы. * Художник В. П. Криворучко многие годы пишет поле Куликово. * Холмы над Непрядвой, где, по преданию, похоронены русские воины.



ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Юлиан СЕМЕНОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

18

Костенко прилетел в Москву и с аэродрома сразу же отправился в министерство. Тадава уже собрал в его кабинете оперативную группу: генерал сидел возле книжного шкафа.

— Владислав Романович, — заметил он, сухо поздоровавшись, — я позволил себе не согласиться с вашим выговором Тадава, я не утвердил его. Я объявил строгий выговор дежурному в Оболенске. Тадава ночевал в комнате для оперативников.

— В своем номере надо было спать, — хмуро

возразил Костенко. — Или предупреждать дежурного, коли тот недотеп. Но раз вы отменили, я замолкаю.

— Товарищ генерал, — поднялся Тадава, — к сожалению, я вынужден согласиться с выговором моего непосредственного начальника. Я благодарю вас за то, что вы лично разобрались, но в чем-то виноват и я. Во-первых, я обязан был предупредить дежурного — и не раз; во-вторых, поскольку все знали мои координаты, то искали именно в гостинице, и, наконец, в-третьих, мне следовало бы сидеть в комнате оперативного дежурного.

— Знакомая интонация, — усмехнулся генерал. — Хорошо, кончили турнир рыцарей, к делу. Начинайте оперативку, Владислав Романович.

Костенко посмотрел на генерала, кашлянул: — Я казню себя за... столь поздний полет...

Попади я в Берлин на день-два раньше и...

— Начинайте оперативку, — повторил генерал.

Костенко снова замолчал надолго, потом начал рубить.

— По пунктам. Первый: Кротов, убивший Милинко, в этом теперь нет сомнений, обучен навыкам диверсионной снайперской стрельбы, умению отрываться от слежки, основам гри-ма, изготовлению фальшивых документов, уме-

нию скрываться в лесу. Второй: он забрасывался абвером в Батуми летом сорок второго; возглавлял группу из четырех человек некто Лебедев Эрнест Васильевич, 1922 года рождения, место рождения — Кемерово, более точных данных нет. После выполнения задания Лебедев и Кротов застрелили — так было спланировано задание — двух своих подчиненных, радиста и снайпера, ибо их инстинктивно: «Не оставлять следов, уходить морем, двух человек возьмет подводная лодка». Кровавый след, который тянется за Кротовым, — уроки Гелена. Я считаю, что мы должны немедленно поставить наблюдение за домом матери Милинко. Если он будет просить политическое убежище, — а он должен его просить как Милинко, а не Кротов, — ни одного свидетеля не должно остаться из тех, которые могли бы опознать гада, убившего истинного Милинко.

— Наблюдение уже поставлено, — негромко откликнулся Тадава. — Со вчерашнего дня, после нашего провала в Оболенске.

— Третий, — словно бы не услышав Тадаву, продолжал Костенко, — мне кажется, что одна из многих наших ошибок заключалась в том, что мы, исследуя в Адлере и Оболенске железные дороги, шоссе и аэродромы, сбросили со счета порты. Я понял причину этой нашей ошибки: мы прежде всего исследовали

Продолжение. См. «Огонек» №№ 22—35.

фактор времени. Мы полагали, и справедливо полагали, что бандит должен как можно скорее исчезнуть с места преступления — в данном случае я говорю об Оболонске; его звонок к убитой родственнице из Адлера вписывался в систему этого рассуждения. Кротов перекричал нас, он пошел по пути парадоксальному: «Они, — то есть мы, — пойдут, как гонимые, на махах, а я, Кротов, полетю, и они пробогут мимо». И он нас обыграл; я убежден, он уполз из Оболонска на пароходе.

Предложения: полковник Кириллов возглавляет группу, отправляется в Калининград, в отдел кадров пароходства, доводится там человека со шрамом, параметры которого сходятся в какой-то мере с Кротовым, — я имею в виду Пинчукова. Тадава со своей группой блокирует район Черноморского побережья, особенно Сухуми — Батуми, — Кротов знает эти места еще со времен войны. Тадава выявляет абсолютно все маршруты малой авиации в этом регионе, устанавливает посты на аэродромах, поддерживает постоянный контакт с пограничниками. К операции прошу подключить управление милиции на воздушном транспорте. Считаю необходимым просить руководство выделить оперативные группы также в те рыболовецкие хозяйства, откуда уходят суда в краткосрочные рейсы, без захода в иностранные порты. Дело в том, что в школе Гелена диверсантов учили уметь держаться на воде продолжительное время, используя портативные надувные жилеты, следовательно, можно предположить, что Кротов, нанимаясь на судно, где нет предварительной проверки, может либо ночью спустить лодку, что вообще-то опасно; либо использовать надувной жилет и прыгнет в море, когда судно будет проходить какой-либо пролив, Кильский, к примеру. Прислал бы санкцию на вызов в Москву магаранских шоферов Цыпкина, Лыкова и Тызина, которых следовало бы придрать для опознания трем группам...

— Почему трем? — спросил генерал. — Вы же говорили о двух группах — Тадавы и Кириллова?

— Третью, летучую, я намерен возглавить лично.

— Дальше, — откликнулся генерал. — Или у вас все?

— Нет, — не скрывая недовольства, резко ответил Костенко. — Прошу простить за некоторую разбросанность, но у меня не было времени подготовиться к оперативке — только два часа в полете.

— Продолжайте, — сказал генерал.

— Я только теперь понял, что мы все это время страдали весьма серьезным изъяном: были пассивны. Мы шли за преступником. А надо бы постараться сделать так, чтобы мы его повели, вынудили к такому действию, которое выгодно нам и нами контролируемо. Я бы просил, товарищи, подумать об этом всех и сегодня же внести предложения. Хочу напомнить слова Нильса Бора, когда он говорил, что, мол, идея, правильно, если она страдает некоей сумасшедшинкой. Вот теперь, — он глянул на генерала, — у меня все.

— Владислав Романович сделал в высшей мере интересное сообщение, — заключил генерал. — Дело в том, что мы были бы весьма уязвимы с улками против Кротова по поводу убийства Миллико...

Костенко, пряча очки в футляр, спросил:

— «Были бы?» Почему в прошедшем времени? Мы и сейчас уязвимы.

— Нет, — ответил генерал. — «Были бы», то есть прошедшее время, я употребил потому, что польские товарищи прислали нам доказательства. — Генерал улыбнулся. — Мне не терпелось показать вам это доказательство, лишь поэтому-то я поинтересовался, — он посмотрел на Костенко, — закончили вы свое сообщение или нет?

Генерал взял большую зеленую сумку, достал оттуда пакет, очень осторожно раскрыл его: чистая кость, в ней — нож; на рукоятке инициалы: «Н. К. Р. О. А.».

— Перед вылетом Владислава Романовича майор Тадава был вынужден доложить непосредственно мне историю своих архивных изысканий. После этого я связался с варшавской милицией...

— Теперь вопрос о доказательстве снят, — сказал Костенко и закрыл глаза: устал, спал

мало, в веки слоано песка насыпали. — Экспертизу будем делать?

— Хороший вопрос задали, — ответил генерал. — Мы предлагаем сделать экспертизу на Западе — в том случае, если Кротов, как вы полагаете, сможет уйти или уже ушел. СКГБ я связался, копии материалов передал им, товарищи предложили провести совместное совещание с пограничниками.

Первым после окончания летучки к Костенко пришел Тадава; вечером он улетал в Батуми.

— Владислав Романович, у меня возникла идея — несколько, впрочем, боровская...

Костенко не понял, потянулся с хрустом:

— Это что же за «боровская» идея?

— Я имею в виду — сумасшедшая, — помог ему Тадава, — по Нильсу Бору.

— Валяйте, — по-прежнему устало, не скрывая уже неприязни, — ответил Костенко.

— Из Владивостока ежемесячно уходят профсоюзные плавучие дома отдыха — курс к Филиппинам, потом еще южнее; загорают люди, купаются в бассейне. Об этом плавучем курорте во Владивостоке знают все. А что, если мы напечатаем в батумско-сухумском районе объявление такого рода?

— Нет, только не там... Слишком это будет странным для всех... Вообще идея не плохая... Но печатать объявление! — ответил Костенко. — Это его насторожит, если мы будем придерживаться моей версии и считать, что он сейчас скрывается где-то в том районе. Я бы лучше передал очерк об этом по радио или по телевидению... Он же, видимо, из того места, где затанцует, выходит редко. Значит, постоянно слушает радио... Уговорим на это радионачалство!

Тадава позволил себе улыбнуться:

— Лучше поручите мне найти такую же красивую Королеву, подобную той, что вы разыскивали в Магаране...

— Откуда пришла информация? — хмуро поинтересовался Костенко.

— Профессиональная тайна, — ответил Тадава, всячески старавшийся хоть как-то наладить и без того скверные отношения с шефом. — Приучила работа в архивах.

— Предложение дельное. Ищите здешнюю Королеву, — ответил Костенко и подылся: — Что-нибудь еще интересное нашли в архивах? Или ограничились тем, что сообщили — сначала генералу, а уж потом мне?

Тадава нагрелся все, будто от удара, но сдержал себя, ответил улыбаясь:

— Я был вызван генералом, Владислав Романович, когда вас уже не было. Только поэтому получилось такое досадное недоразумение... Что касалось интересного, то в архивах все интересно — прикасаешься к святому. В наш прагматичный век это просто-напросто необходимо...

— По-вашему, прагматика исключает рыцарство?

— Во многом, — да.

Костенко показал головой:

— Рыцарство — как социальное явление — абортарий зарождавшегося прагматизма. Рыцарь, шедший отвоевать гроб Господень, имел массу привилегий; руки развязаны, он возвращался богатым человеком, получал землю и, в свою очередь, нажимал себе рыцарей. Не фетишизируйте слов.

— Мне кажется, мы только этим и занимаемся, Владислав Романович.

— Увы...

— Пугает себя словами...

— Не только словами, сколько тем, как эти слова могут быть истолкованы, и не нами, а супостатами, — поправил его Костенко. — Что мы ни пиши, все равно станут толковать так, как им это выгодно в данный конкретный момент... Ладно, когда вылетаете?

— В семь.

— Как там погода, в ваших краях?

— Дождит. Но не это главное. Главное я припас на прощание: Лебедева, который забрасывался с Кротовым, мы нашли, Владислав Романович.

— Уже!

— Уже.

— Где он?

— Отсидел свои пятнадцать лет, сейчас живет под Сухуми...

— Под Сухуми?

— Изумление ваше мне приятно, вроде бы форма некоего прощания за доклад генералу, но как быть, если Кротов его искал и нашел!

39

Кротов сидел в аэропорту — в спортивной куртке, джинсах и кедах, рядом поставил теодолит и красно-белый метр — изыскатель, одно слово. При погрузке в багаж теодолит могут ненароком поломать, знаем мы наших умельцев, кидают как полено, но берегут государственное добро, лучше сам понесу. Не сдал и металлический чемоданчик с инструментом. Если при выходе на поле будут пропускать через милиционерскую «пещерку», пусть пицци, инструмент пицци, понятное дело. Пистолет спрятан в углублении, под инструментарием. Кто додумается курочить фирменный чемоданчик?

Он приехал в аэропорт заранее, в тубетейке, бородатый, очкастый геолог-изыскатель. Перед этим зашел в старый подвал, съел хачапури, выпил бутылку «Боржоми», попросил заварить двойную порцию кофе. Чувствовал себя напряженным, каждую мышцу чувствовал.

Он внимательно наблюдал за тем, кто регистрировался на его рейс. Он ждал, что среди пассажиров появится какая-нибудь старуха с анюком, он очень надеялся на это; или беспомощный дед с клюкой, тоже подходит.

Но регистрировались в основном колхозники — пожилые мужчины в невероятной величине кепках, их жены, одетые, несмотря на жару, очень тепло; подошел к стойке старик, но без клюки, ходит вполне самостоятельно, к нему не навязалась, назойливость заметна. До объявления посадки оставалось еще полчаса.

«Это хорошо, что я уговорил девушку в кассе дать первое место: прыжок — и в кабине, — думал он. — Только не надо зазубривать движения, этому Луи меня учил, поэтому и войну проиграл, фриц чертов! Выиграли б — не пришлось змеям жить, ногой бы все двери открывал... Все получится так, как я задумал, только не зубрить движения. А если в самолете будет сидеть кто из милиции? Нет, на таких рейсах не должен. Да и потом я его заменю, всего три пассажира должны еще прийти, что ж этот гад будет регистрироваться, как мы? Самолет маленький, одна проводница, и все. Дверь у пилотов закрыта, а она ходит, воду даст, если только попросишь, на таких рейсах вода не положена, билет и так дешевый... Из Оболонска я ушел чистый, они никак не могут Кротову со мною повязать, они сейчас округу шурашат, ищут, кто работнул явельный. Даже если мальшя уже нашли в Магаране, со мной не свяжут. Головушки нет, пельчихов — тоже... Ах, Журавлева, Журавлева, ах, плачет по тебе петля, сука... Нет, я иду чистым, я чувствую это, через час я буду т.а.м... Золото и бриллианты милицейская «пищалька» не посечет, в резине, под инструментом, рядом с пистолетом, тысяч пятьдесят зеленых потянет, ничего, для начала хватит... Эх, пришла бы бабка с детенышем с каким-нибудь завальцем. Запаха я их не переношу, а этого б козой пугал, леденцами кормил. С ребенком куда хочешь пустят, отнесется по-особому: социализм, мать его растек, забота о детях, чтоб они все наладны были... «Беременная я, Гришенька, — вспомнил он Петрову, — ребенок у нас будет». Дура, сама себя счастья лишила. Она б мне сейчас пригодилась, она б зубами глотку кому хошь перегрызла, только скажи... Баба и есть баба. Достал ты ее — каштан из огня потащит, отца родного продаст...»

И тут Кротов увидел то, чего так ждал: шла потная, растерзанная женщина с двумя тяжелыми чемоданами, а за нею, шлепавшись пальцами в юбку, толкала плачущая девочка с куклой в руке.

Кротов поднялся, подбежал к женщине:

— Я помогу... Носильщиков не было, кто ли?

— Да откуда! — ответила женщина, вытирая со лба пот.

— Безобразно, да и только. Если фрукты возете, не советую сдавать, лучше я вам помогу донести, швыряют чемоданы, спасу нет, помнут все.

— Неудобно, что вы тащите, — ответила жен-

щина.— Спасибо, только тяжелый ведь чемодан.

— Он тяжелый, а я не такой уж и старик.— Кротов нагнулся к девочке, достал из кармана леденец.— Держи, маленькая. Тебя как зовут, мамина дочка?

— Ли-дочка,— протянула девочка и начала деловито развешивать леденец, вопросительно при этом глядя на мать.

Та наконец улыбнулась:

— Съешь, доченька, пососи...

(Посадка в поезд или самолет, даже в рейсовый автобус—до сих пор событие, особенно для женщины с детьми, видимо, гены горестных перемещений, эвакуаций, бегства накрепко вошли в кровь нашу и плоть.)

Кротов подвел женщину к стойке, поддерживая под руку; спросил у регистратора:

— Можно нам чемодан с собой взять, девушка? Там фрукты, кидать будут, помнут.

— Тащите, если хочется,— ответила девушка в аэропортовской форме,— только перевес, шесть килограммов лишние.

— А у меня недовес,— Кротов заставил себя улыбнуться,— мы ж вместе летим, вы на мой вес запишите чемодан, доплачивать не хочется, да и маленькая с нами...

— Покажите ваш билет,— сказала девушка.

— Да я ведь только сейчас регистрировался...

— Все вы «только сейчас регистрируетесь».

— Чего ж вы грубая такая?— удивилась женщина.— И так лететь с ребенком страшно...

— Страшно— поездом ездите,— отрубил девушка. Она развернула билет Кротова.— У вас рюкзаки семнадцать килограммов, Мулиношки. Все равно три килограмма перевес...

— Да ладно,— сказал Кротов,— три кило всего, а мы с ребенком...

Девушка поставила штампы, вернула билеты, одну бирку повесила на чемодан, который стоял на весах, вторую протянула Кротову:

— Прицепите на тот, что с собой берете.

— Только у нас девочкины вещи в том.— Кротов кивнул на чемодан, который по-прежнему стоял на весах.— Можно будет в самолете взять оттуда теплые вещи?

— Борпроводника спросите, а не меня!

После того, как и женщина с дочкой и Кротов отошли, девушка просчитала пассажиров пальцем — все ли зарегистрировались, позволив в диспетчерскую, сказала, что можно объявлять посадку.

Когда пассажиры (Кротов взял свой красно-белый метр, теодолит и чемодан женщины, а ей отдал свой ящик) двинулись на посадку, к стойке подошел младший лейтенант милиции на воздушном транспорте Козаков, внимательно посмотрел список зарегистрированных пассажиров. Ни Милянико, ни Минчакова, ни Пулиникова, ни подобных им фамилий не было; на Мулиношки, понятно, не обратил внимания, слишком уж далеко от одной из возможных фамилий того человека, которого искал уголовный розыск Советского Союза.

Второй пост у выхода на поле тоже не обратил внимания на очкастого геолога, они тут часто летом, чуть не каждый день...

На выходе из здания аэродрома к автобусу пассажиры попросили пройти через хитрые воротца—«пищальку»; женщину Кротов пустил первой. Тонко и очень слышно запищало.

— Откройте чемодан,— сказал спутнице Кротова мужчина в милицмейской форме.

Женщина вопросительно посмотрела на Кротова.

— Да что ж ты!— сокрушенно сказал он.— Открой защелку... Геолог я, тут инструмент. Милиционер помог женщине открыть ящик, увидел аккуратно уложенные инструменты, кивнул:

— Проходите.

...В самолете Кротов попросил соседа—бросшего жесткой щетиной старика—уступить место женщине с девочкой:

— Мы вместе летим, папаша, мы вам два места отдадим, в хвосте безопасней к тому же...

— В маленьком самолете всюду безопасно,— ответил старик и поднялся с кресла.

— Ой, спасибочки вам, гражданин,— сказала женщина Кротову,— как бы я одна управилась, прям не знаю!

— Мир не без добрых людей,— ответил

Кротов и потренировал по голове маленькую Лидочку.— Правильно говорю, доченька!

«Только б они открыли дверь»,—думал Кротов,—только б сработал мой план. Откроют. «Человек человеку». Откроют...»

— Граждане пассажиры,— прохаживаясь между креслами, сказала борпроводница,— продолжительность полета час сорок минут. Просьба привязать пристяжные ремни и воздержаться от курения.

«Через час двадцать начну»,—подумал Кротов,—надо точно засечь время, тут в минуту нельзя ошибиться. И—в направлении. Хотя там должен быть виден берег, я за берег уцеплюсь, не дурак же, и нервы держу. Минут через тридцать первый раз пройду в хвост, принесу девочке что-нибудь. Надо придумать, за чем пойти. Скажу, что дует, наверху у бабы в чемодане лежит теплая кофта для девочки. Наверное, захочет сама пойти, колхозница, боится, что я ее ситцевое платье стащу. Морда конопатая, глазенки-то, глазенки меховые... Я ей скажу, чтоб девочку с колен не спускала, плакать, скажу, будет ребенок. «Не верите, что лжи?»—спрошу, на такой вопрос у нас все отвечают: «Да что вы...»

40

Лебедев жил в большом доме, на склоне горы, в девяти километрах от Сухума, по направлению к Батами.

Он встретил Костенко на лестнице, что вела на террасу, окружающую второй этаж.

Был он бос, в шортах, в абхазской шерстяной шапочке на лысой голове; как и Кротов, крижист, лицо в резких старческих морщинах, однако налитые силой руки и мускулистые ноги казались чужими—столь были они юны еще, не тронуты возрастом.

— С кем имею честь?—спросил Лебедев.

— С полковником Костенко.

— Чека! Что ж, прошу.

Он пропустил Костенко вперед, распахнул дверь в комнату.

— С чем изволили?

— С разговором.

— Без протокола?

— Без.

— Увольте, без протокола не говорю с людьми в вашей профессии.

— Как знаете.—Костенко пожал плечами.

Я приглашу из машины стенографиста, он будет фиксировать разговор.

— Нет, я предпочитаю давать собственноручные показания.

— Тогда можно не приглашать стенографиста,—усмехнулся Костенко.—Первый вопрос, видимо, вас несколько удивит...

— Удивление — одно из самых больших удовольствий, которые мне оставила жизнь. Слушаю вас.

— Вы эту свою манеру бросьте,—сказал Костенко.—Ясно! Вы и ваша банда моего отца убили, и дядьев убили, и двоюродного брата уюрили в Питере голодом. Я, знаете ли, уголовный розыск; я ведь, если будете паясничать, цирлики-манирлики с вами разводить не стану!

— Пугать меня не надо, гражданином полковник. Пугали. Так что я к этим пессам спокойный.

— А я вас не пугаю. Я вам говорю правду. И хватит словес, у меня времени мало.

— У меня зато много,—еще тише ответил Лебедев, поглаживая втянутый, мускулистый живот.

Костенко почувствовал, как у него заохлодели руки.

— Ну что ж,—сказал Костенко,—если у вас много времени, значит, вам есть что мне рассказать?

— Роман и две повести. Курить изволите?

— Да.

Лебедев легко поднялся с кресла, подошел к шкафу, открыл ящик, достал пачки «Мальборо» и «Салэма», принес все это на стол, подвинул Костенко:

— Я лично предпочитаю «Салэма», все-таки ментол, какая-никакая, а польза горлу, способствует отхаркиванию.

— А знаете, Лебедев, вы ведь постоянно под мушк о й ходите?

— Ну!—не удивившись, спросил Лебедев.— Кто ж на меня зло держит!

— Кротов.

Лицо Лебедева на мгновение закамнело, совсем другое лицо, и глаза другие—слабики, а них промелькнула, смеха не было, жестокого, пресохшего и снисходительного смеха...

— А это кто!

— Не знаете?

— Убей бог, не знаю.

— Бога не трагуйте,—сказал Костенко.

Он достал из кармана копию допроса Лебедева в мае сорок пятого, в СМЕРШе Первого Белорусского фронта.

— Вы ж и тогда только собственноручно, разве нет! Читайте, ваша рука.—Костенко протянул ему лист.

— За очками на первый этаж идти... Не почитайте за труд прочесть вслух...

— Не посчитано. «Вопрос: «О ком еще из своих бывших сообщников считаете нужным сообщить следствию, имея в виду меру их общественной опасности?» Ответ: «Прошу следствию обратить внимание на розыск следующих лиц, как ответных врагов Советской власти, ставших под гитлеровские знамена не по принуждению, как я, а по идейным соображениям.

Первым я хочу назвать Солярова Сергея, лет двадцати пяти, родом из Тамбова, отец, как он говорил, до революции служил в прокуратуре, потом был осужден, вернулся и работал в системе столовых. Соляров был моим первым руководителем разведгруппы «Вальда» в составе пяти человек, заброшенных в Калининскую область для сбора сведений о дислокации частей Красной Армии, а также для распространения путем оставления, где только можно, гитлеровской литературы. Из названного поиную: «Убей комиссара и жидов!», «Большевики—злейшие враги русского народа». Соляров—после выполнения задания—ликвидировал трех наших людей, обвинив их в желании перебежать к большевикам. Вторым—по мере опасности—я должен назвать Кротова Николая. Он был известен нашей разведгруппе до того, как мы были в РОА, тем, каким образом перешел к немцу. В отличие от меня, взятого в плен в бессознательном состоянии, а затем путем пытки голодом доведенного до отчаяния и согласившегося из-за этого пойти на службу злейшим врагам нашего героического народа, он, Кротов, принес на руках зарезанного им комсорога его роты по кличке Козел и планшет с картами и документами немцами оккупантам и, таким образом, заслужил их доверие. После выброса в район Батами Кротов был награжден «Железным крестом». В 1943 году он был арестован крипо за то, что после выполнения очередного задания вступил в сожительство с вдовой эсэловки и хотел похитить у нее драгоценности. Однако в отличие от других арестованных за такого рода преступления он вскоре был освобожден и участвовал в работе по проведению пражской встречи КОНР («Комитет освобождения народов России»). Якобы именно он донес на «идеолога» РОА батальонного комиссара Зуева, ближайшего сотрудника Власова, что тот по национальности еврей. Зуев был расстрелян, а Кротов получил очередное повышение. Третьим я хочу назвать Филипенко Матвея...»

Костенко поднял голову, услышав какое-то странное бульканье.

Лебедев сидел белый, как полотно, откинув голову на спинку кресла, и пытался что-то сказать, но не мог произнести ни слова—оттого-то в горле у него и булькало.

Костенко протянул ему листы:

— Хотите убедиться? Я подожду, пока вы ходите за очками...

Лебедев покачал головой, прошептал наконец:

— Погодите...

— Это можно,—согласился Костенко.—Валидола не изволите?

— Дайте.

Лебедев долго выковыривал бугристыми пальцами таблетку, достал наконец, положил под язык, закрыл глаза, лицо его расслабилось, снова появились морщины, до этого оно было словно бы налитое воском, гладкое, вот-вот лопнет.

— Кротов лютует,—сказал Костенко.—За ним три убийства, он свидетелей убивает. Вы на очереди, если только он знает, что вы живы.

Лебедев покачал головой.

— Не знает,— выдохнул он.— Я ж не ведал, что он здесь...
 — Он был тщательным человеком?
 — Да. Аккуратист. Его за это Лунг особенно любил...
 — Значит, он мог в принципе обратиться в справочное бюро за вашим адресом?
 Подумав, Лебедев спросил:
 — Он тоже отсидел?
 — Нет.

— Значит, таилсь? Тогда ни за что в бюро справок обращаться не станет. Надо ж давать свои данные, пусть даже фальшивые, а зачем ему следить за тобой?

«Врет или нет?» думал Костенко, разглядывая Лебедева.— Ни в каком лагере для пленных он не был, сам в плен сдвинулся, свидетели подтвердили. Или он верит своей версии? Многие преступники начинают верить своей версии, только б убежать от истины — полнейшее раздвоение личности. Конечно, всей правды я от него не добьюсь, но он трус, весь его наглый идет от глубоко запрятанной трусости. Надо быть на это, тогда я смогу получить от него хоть что-нибудь».

Костенко положил на колени свой «дипломат» (ужасно им гордился, Степанов привез из Бонны. Тисненая кожа, под крокодила, очень престижно. Зря я его обидел: «Не делай дорогих подарков, это унижает контрагента. Я ж тебе не могу ответить тем же». Но Митька хорошо заметил: «Дурачок, зачем кусаешься? Расскажи, как ты умеешь, с подробностями, какое-нибудь свое дело — и будем квиты. Причем я еще окажусь в наваре при подсчете моих доходов финансовым ведомством»). Щелкнув замками, открыл, достал папку с фотографиями расчлененных трупов Милюкина,

Минчакова и Петровой, застреленной Кротовой, подвинул Лебедеву:

— Вот. Его работа. Женщина, которая лежит на улице, его родственница. Не прямая, правда, по дядьке, но тем не менее, когда почувствовал опасность — почувствовал, что он, подчеркиваю я, — убрал ее. Меня интересует следующее: если я допущу мысль, что он, Кротов, решил уйти за кордон, как он это будет делать — по воздуху или водою?

Лебедев долго, профессионально разглядывал фотографии, потом задумчиво сказал:

— Да разве нашу границу перейдешь?
 — Вы хорошо ответили, Лебедев. Границу нашу не перейдешь, но кровью наследить при такого рода попытке можно...

— Наверное, пошел бы водою, — сказал, наконец, Лебедев. — Он великолепно плавал, мог долго держаться под водою. Курил в редких случаях, только перед началом дела и после, а так здоровый берег. Нам выдавали жилеты, надул — на воде хоть неделю продержаться...

— Сколько сейчас градусов в море?
 — Шестнадцать. Это для него, как парное молоко.

— А вот вы грим в школе Гелена учили... Каждый обучался индивидуально или все вместе?

— Не помню уж... Кажется, все скопом.

— Вы под кого гримировались?

— Мне преподаватели советовали краской особенно не пользоваться, лучше, говорили, не бриться или усы отпустить — казацкие, книзу, очень меняет лицо. Парик наладили, черный, как смоль, не узнаешь, даже если мимо пройдем...

— А Кротова?

— Он наголо брился и отпускал бороду. Если времени нет, чтобы отпустить бороду, даже небольшую — ее легко оформить, надо всего дней пять не побриться, — разрешали кленить грим, с проседью, он тогда значительно старше своих лет выглядел. И еще его научили делать шрамы на лице, становился совершенно неузнаваем.

— А как он себя вел в критических ситуациях?

— Реакция моментальная: удар ножом или выстрел.

— Очень был сильный?

— Невероятно.

— Какие-то специфические, ему одному присущие приемы помините?

— Был по темени рукояткой пистолета, очень любил парабеллум, но нам запрещали, снабжали «ТТ».

— Какие-нибудь особые слова, запоминающиеся, ему одному присущие, употреблял?

— Да что-то не помню... Вроде бы нет, он старался быть неприметным, серым, чтоб кто мимо прошел, на нем и глаза не остановились... Простите, а вы намерены меня привлечь в связи с вновь открывшимися обстоятельствами?

— Как свидетеля привлечем...

— Но судить его будут не здесь?

— Так мы ж его еще не поймали, — усмехнулся Костенко.

Лебедев долго смотрел на полковника немигающими глазами, а потом ответил — с тяжелой, безысходной утробностью:

— Поймаете.

Окончание следует.

БЕССМЕРТНЫЙ БЕРАНЖЕ

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ



Достойный наследник идей Великой французской революции, Пьер-Жан Беранже сознательно поставил свое творчество на службу «воспламененному революцией» французскому народу. Поэт видел в народе своего вдохновителя, славил человеческое достоинство, свободолюбие и бескорыстный патриотизм простых людей, утверждал, что «если еще есть в мире поэзия, то... ее надо искать в народе».

Однако творчество Беранже было объек-

том иступленной злобы со стороны дворянско-клерикальной и буржуазной реакции Франции. Она не переставала бороться с боевыми политическими песнями поэта, учиняла над ним двукратное судебное преследование, заперла его в тюрьму, держала под вечным полицейским надзором, а при Второй империи не постеснялась выдать его за певца наполеоновской династии. Реакция преследовала Беранже и после смерти, наслаждаясь угасанием его беспримерной популярности.

По-прежнему сложилась литературная судьба Беранже в нашей стране. В первой половине XIX века почитателями его поэзии были главным образом люди, знавшие его во французском оригинале. Жесточайшая цензура времени Николая I запрещала публикацию песен Беранже, хотя их уже переводили И. И. Дмитриев, В. Л. Пушкин, А. Дельвиг и известный водевиллист Д. Ленский, которого в этом начинании поощрял сам Александр Пушкин. В. Г. Белинский поддерживал интерес русских читателей к запрещенному поэту, восторженно оценивая его, как «великого и истинного поэта современной Франции...», выражение своего народа, а потому его исключительного любимца».

После смерти Николая I переводы Беранже стали появляться в русской печати, хотя и встречая непрестанные цензурные препятствия. В 1858 году вышел сборник его песен в прекрасных переводах Василия Курочкина. Но цензура еще не позволяла опубликовывать знаменитые политические песни Беранже 1820 года, те самые, в которых он так отважно и неутомимо высмеивал, громял и расшатывал устои Реставра-

ции, а другие его песни пропускала лишь в урезанном виде или смягченном пересказе.

Отношение к творчеству Беранже в нашей стране разом изменилось после Октябрьской революции. В 1932 году «Литературная газета» напечатала письмо двадцати советских поэтов, ратовавших за точный перевод всего наследия Беранже. Такое полное собрание не замедлило выйти в издательстве «Academica». С тех пор издания песен Беранже, больше не знающие цензурных искажений, не прекращались, выходя и на языках народов СССР.

Советские читатели как бы прочитали Беранже впервые. Они ознакомились со всей полнотой мировоззрения народного поэта эпохи буржуазно-демократических революций и впервые оценили его богатейшее реалистическое мастерство, истритую кипучесть его песен. Стали оценены быстрота и задор откликов Беранже на события современности и его стойкая ненависть к ретроградям Реставрации и к буржуазной Июльской монархии с ее религиозной погони за наживой. Во всей мощи своих грозных требований предстали и памфлетные песни Беранже вроде знаменитого «Потоп», где поэт предсказывал, что океан народного гнева поглотит всех монархов Европы и Азии, вечных зачинщиков кровопролитных войн. И как близки нам заветнейшие мечты поэта — его песня «Священный Союз народов», дифирамб в честь будущего братства мирных тружеников земного шара; эта песня и вызвала слова Маркса о «бессмертном Беранже».

Ю. ДМИТРИН,
профессор

ДОЖДИК



Жил-был дождик. Косматый длинноволосый дождь. Если он сердился, холодные пряди его мокрых волос хлестали людей по лицам, по глазам. До слез. Но люди не обижались, потому что, когда дождик был в хорошем настроении, его мягкие, шелковые волосы ласково касались наших щек, рук, глаз, что-то шептали. И все-таки дождь был косматый и длинноволосым. И ему это надоело.

— Постригусь,— решил дождик,— не я последний.

Отправился к парикмахеру. А парикмахером, конечно, месяц-серп работал.

— Тебя как стричь?— спрашивает месяц.— Покороче или умеренно?

— Давай покороче. Постепенно отрасту, если не понравится,— решил дождь.

Отрезал месяц-серп волосы дождика. Вернулся стриженный дождик в свой город. Пока он бегал к месяцу, ничего хорошего в городе не случилось. Наоборот. Листья на деревьях потускнели, привяли. Цветы на клумбах лепестки опустили—вянут. Люди ходят серые, пыльные, вялые. Засыхают люди. Разволновался дождик.

— Сейчас,— говорит,— сейчас я вас всех быстренько полью, вам легко станет. Оживете сразу.

Люди, цветы, листья обрадовались. Ждут. Смеются. Дождь торопится, распустил волосы-струи, поливает.

— Ну жей!— кричат люди.

— Жарко...— плачут цветы.

— Сохнем,— шелестят листья.

— Да что вы!— не понимает дождь.— Я же поливаю.

Бьют короткие струи-волосы, но не достают даже до крыш самых высоких домов. Сухо, все суше на земле. В пыль рассыпаются цветы, шуршат почти мертвые листья, молчат потерявшие веру люди.

— Да что же вы сохнете!— не понимает, сердится дождь.— Я же поливаю!

Старается, трясет короткими волосами. Не долетают подстриженные струи до сухой земли.

И тут только понял дождь, что он наделал. Понял, что, пока будут отрастать струи, погибнут цветы, листья, люди...

— Глупый я, беззаботный я,— плакал дождь.

Плакал, плакал, плакал. И слезы его упали на землю. Поток слез.

И встали цветы—ожили! И весело зазелестели листья—ожили!

И вздохнули легко люди—ожили!

А дождику долго еще плакать: пока-то отрастут его волосы-струи.

ПРОСТО ХОРОШИЙ ВЕЧЕР

Я сидела на песке опустевшего пляжа и разговаривала с морем, темным, уже почти ночным. Время прогулок по набережной, посещения театров, ресторанов, нашествий на бесчисленные бары курортного города. У моря я была одна. Низкая пока луна и слабые еще звезды были рядом, но не мешали нам. Мы говорили о прошедшем дне.

— Слишком уж жарко,— жаловалась я.

— Да,— соглашалось море,— у меня двадцать шесть весь день.

— А у нас и того больше, под сорок,— добавляла я.

Море прошелестело мне что-то прохладное, брызнуло на меня, сказало, что обещают похолодание. А потом винсвето пробормотало:

— Знаешь, мне придется тебя огорчить: ожидается партия медуз. Ненадолго. Ты потерпи. Знаешь ведь—не ядовитые.

— Ладно,— пожелилась я,— что делать.

Так болтали мы, пока не появились эти трое.

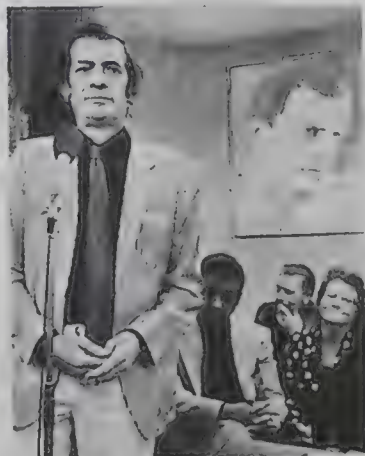
Каким ветром занесло их на пустой пляж с шумной многолюдной набережной? Молодые родители с маленькой лет пяти. Спокойные, нарядные: вельвет, бархат, яркий хлопок—обложка журнала.

— Ну вот,— прошептало море,— опять.

— Что ж ты хочешь,— лето,— ответила я.

Семейство чинно уселось на лежаке, заговорило вполголоса.

«СТОЮ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ ЗЕМЛИ...»



Две знаменитые фотографии Маяковского на стене в конференц-зале его музея. А между ними — красивый высокий человек с гордо откинутой седою головой и оливково-смуглой кожей сына Палестины. Муин Бису. Поэт, драматург, революционер и солдат. Голос Сопротивления, надежд и чаяний своего народа.

Влияние великого пролетарского поэта на творчество Муина Бису несомненно: духовные традиции глашатая масс, пафос его борьбы за новое слово и новую жизнь питают вдохновение палестинского поэта. Вот почему в числе наиболее ярких и самобытных продолжателей поэтической традиции Маяковского, таких, как Луи Арагон и Пабло Неруда, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Фаиз Ахмад Фаиз назвал имя Муина Бису.

Те, кто собрался в этот вечер в Доме Маяковского, встречали стихи Муина Бису как старых, добрых знакомых. Строки душевной исповеди палестинца доходят сегодня до отрогов Кавказского хребта и пустынь Туркмении, делают достоянием наших друзей в братских странах социализма. Они становятся заметным явлением современной мировой поэзии.

Выступавшие на вечере поэт С. Куняев, В. Сидоров и другие приветствовали своего собрата по перу стихами, в которых звучала вера в завтрашний день его многострадальной родины.

Участники вечера с напряженным вниманием слушали балладу о Москве и московских памятниках, «Колыбельную сыну Армении», стихи Бису о Пушкине...

Бескомпромиссность и мужество отличают не только поэзию, но и жизненный путь Муина Бису. Об этом говорил на вечере Ф. Ахмад Фаиз, видный пакистанский поэт, вот уже много лет возглавляющий центральный орган писателей стран Азии и Африки — журнал «Лотос».

В конце вечера Муина Бису спросили, что привело его к поэзии. Бису ответил:

— Поэт французского Сопротивления Поль Элюар сказал однажды: «Когда родина далеко, ты очень нуждаешься в родине». Так вот, когда родина далеко, стихи становятся родиной. Для меня стихи — это родина.

О. ЮРИН



— Окунуть бы их, что ли,— сказала я морю.

— Попробую,— ответило оно.

Высунуло язык и пощекотало мамину туфлю. Мама отдернула ногу, а папа и сын весело рассмеялись; тогда улыбнулась и мама, а море зашептало что-то на своем языке. Ни мама, ни папа, ни сын не знали этого языка, но, видимо, чувствовали, потому что папа впрямую посмотрел на маму и вдруг разулус. Мама пожала плечами, но ничего не сказала. Ободренный маминим молчанием, папа снял галстук. А море продолжало уговаривать, настойчиво пригласило поплавать в темной нежной воде.

Как вышло, что через несколько минут мальчишка босиком, в трусиках и расстегнутой рубашонке шлепал по мелководью, осталось секретом и для родителей и для меня. Видимо, море шепнуло ему что-то особенное.

Реакция родителей! Папа вмиг сбрасывает «вечерние одежды» и — с головой в воду! Не животе, на спине, на боку, вниз головой!

А море дразнит маму, щекоча длинными язычками ее наизомоднейшие туфли. И вот она сдается: туфли в руки, хлопает ими над головой и прыгает вместе с сыном по краешку моря.

— Молодец ты все-таки,— говорю я морю.

— Да что там,— ответило море,— просто хороший вечер.

— Хороший вечер,— соглашаюсь я.

Музыка Серафима Туликова

Стихи Владимира Лазарева

Когда на поле Куликово
Тебя дорога приведет,
Где дух Отечества сурово
Река Непряда бережет,
Ты глянешь вдаль светло и гордо,
Где синь, да ветер, да трава,
И что-то вдруг подступит к горлу,
И в сердце оживут слова:

И вспомнишь ты другое поле
Родной земли — Бородино...
А сколько, сколько, сколько после
Героев было рождено!

И твоего отца скосили
В том сорок первом под Москвой,
И лики всех солдат России
Плывут, плывут перед тобой.

И на священном этом поле
Стоишь ты в тишине один,
И только поле шепчет: «Помнишь,
Скажи, ты помнишь, чей ты сын?»

И словно ты прожжен глазами
Всех наших матерей и жен,
Здесь, между Тулой и Рязанью,
Где в колыбели тихий Дон...

Музыка
Серафима Туликова

Стихи
Владимира Лазарева

Когда на поле Куликово
Тебя дорога приведет,
Где дух Отечества сурово
Река Непряда бережет,

Ты глянешь вдаль светло и гордо,
Где синь, да ветер, да трава,
И что-то вдруг подступит к горлу,
И в сердце оживут слова:

ПРИПЕВ:

Для хороших друзей
Распахнет свою душу Россия,
Распахнет свою ширь,
Свою синь, города

и поля...
А придешь к нам с мечом —
от меча и погибнешь!
И стояла на том и стоит
Наша Родина, наша земля.

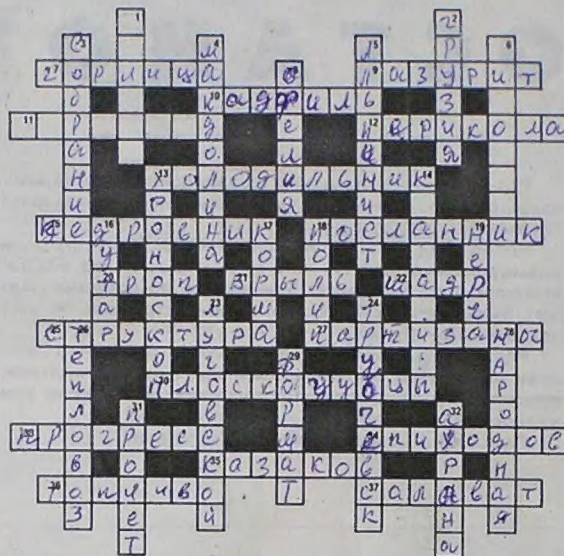
И вспомнишь ты другое поле
Родной земли — Бородино...
А сколько, сколько, сколько после
Героев было рождено!

И твоего отца скосили
В том сорок первом под Москвой,
И лики всех солдат России
Плывут, плывут перед тобой.

ПРИПЕВ.

И на священном этом поле
Стоишь ты в тишине один,
И только поле шепчет: «Помнишь,
Скажи, ты помнишь, чей ты сын?»

И словно ты прожжен глазами
Всех наших матерей и жен,
Здесь, между Тулой и Рязанью,
Где в колыбели тихий Дон...



По горизонтали: 7. Лесной голубь. 9. Ценный поделочный камень. 10. Напильник с мелкой насечкой. 11. Животное, обитающее в тропиках Америки. 12. Опера В. Беллини. 13. Специальное сооружение, устройство для хранения продуктов при пониженной температуре. 15. Хвойный кустарник. 18. Дипломатический ранг. 20. Слово, употребляемое в переносном значении. 21. Белорусский писатель. 22. Автор скульптуры «Булжик — оружие пролетариата». 25. Взаиморасположение и связь составных частей целого. 27. Повесть В. В. Иванова. 30. Слесарно-монтажный инструмент. 33. Наименование серии грузовых космических кораблей. 34. Персонаж пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад». 35. Русский архитектор XVIII—XIX веков. 36. Горючее, источник получения энергии. 37. Город в Башкирии.

По вертикали: 1. Декоративное растение, цветок. 2. Союзная советская республика. 3. Коллекция. 4. Струнный музыкальный инструмент. 5. Спортсмен, совершающий восхождения на горные вершины. 6. Итальянский композитор, создатель жанра сольного инструментального концерта. 8. Действующее лицо трагедии Шекспира «Гамлет». 13. Прибор для точных измерений малых промежутков времени. 14. Стихотворение В. В. Маяковского. 16. Музыкальный инструмент народов Средней Азии. 17. Оконечность корпуса судна. 18. Коралл, гидра, медуза. 19. Река в Читинской области. 23. Поэт, автор циклов стихов «Волшебник пустыни и весны». 24. Старинный город в Брянской области. 26. Локомотив. 28. Высочайшая вершина Урала. 29. Размер готового печатного издания, страницы книги. 31. Расстояние между соседними опорами моста. 32. Защита.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЕ В № 35

По горизонтали: 4. Ягушка. 5. Сайонара. 9. Инкрустация. 13. Каргун. 16. Терпет. 18. Вершок. 19. Литера. 20. «Беглец». 21. Улитка. 22. Опыльщик. 23. Тантал. 25. Египта. 26. Рылеев. 27. Фольклорист. 28. Цветник. 30. Регистр.

По вертикали: 1. Прус. 2. «Бурмистр». 3. Нара. 6. «Интеркосмос». 7. Виссентриса. 8. Вандероль. 10. Радомышль. 11. Аспиратор. 12. Делитес. 14. Таблица. 15. Шевцова. 16. Траулер. 17. Радикал. 24. Золотник. 28. Цирк. 29. Корт.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Дмитрий Донской. Фрагмент памятника «Тысячелетие России».

Фото М. Савина

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: На поле Куликовом.

Фото А. Гостева

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ [заместитель главного редактора], И. В. ДОЛГОПОВ [главный художник], Д. К. ИВАНОВ [ответственный секретарь], Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ [заместитель главного редактора], Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-48-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патристический — 250-15-33; Наука и техника — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорт — 212-22-18; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 18.08.80. Подписано к печати 2.09.80. А 00412. Формат 70х108/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,58. Тираж 1810 000 экз. Изд. № 2050. Заказ № 2798.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125863, Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

ОСТАНОВИ МГНОВ

Кто-то заметил, что одним из парадоксов нашего века является то, что через круглый объектив фотоаппарата получаются прямоугольные снимки.

Посмотрите на эти фотографии — они в самом деле прямоугольные. Но суть не в этом, а в том, что они заставляют нас улыбнуться. Улыбнуться по-доброму, может быть, чуточку улучшить наше настроение. И уже тем они замечательны.

Редакция «Огонька» вводит новую рубрику — «Останови мгновение» и обращается к вам, дорогие читатели: присылайте в журнал свои фотоснимки, на которых вам удалось поймать забавные мгновения жизни.

Присылайте, будем улыбаться все вместе.

Фото
Н. ШАВШИ
(г. Глухов,
Сумской
области),
И. ГАВРИЛОВА,
Г. РОЗОВА,
И. ТУНКЕЛЯ



5





2



3



4



1 Дурная привычка.

2 Ценитель высокого.

3 Пастух в эпоху НТР.

4 Собачья жизнь, или каждому свое.

5 Не опоздать бы на каток.

6 У «басов» пауза.

7 Чей рот шире!

7



6



ISSN 0131-0097

Цена номера 35 коп.

Индекс 70863

